1966
Ярославская губернская центральная библиотека
Н-64
41
М 28371/39
К689363М

Н. Никольскій.

ДРЕВНІЙ ИЗРАИЛЬ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ
ВЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Съ 62-мя рисунками, географическою картою и планомъ древняго Іерусалима.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА, Знаменка, 9.

Ярославская областная универсальная

Т-во Скоропечат. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, Москва.

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
	Отъ составителя	IV
I.	Почему надо знать исторію Израиля	3
II.	Палестина и ея старинные обитатели	8
III.	Израильтяне въ пустынѣ	21
IV.	Израильтяне завоевываютъ землю Ханаанскую	36
V.	Судьи	50
VI.	Царь Давидъ	70
VII.	Древній Іерусалимъ	84
VIII.	Жизнь Израиля послѣ Соломона	116
IX.	Пророки	130
X.	Гибель Іуды	155
XI.	Литература и наука въ древнемъ Израилѣ	174
XII.	На рѣкахъ вавилонскихъ	200
XIII.	Езра и Неемія	214
XIV.	Законъ и жизнь	234
XV.	Маккавеи	253
XVI.	Іудея въ эпоху Іисуса	282
XVII.	Конецъ Сіона	312

Императорскаго Общества ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА ГОРОДСКАЯ

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

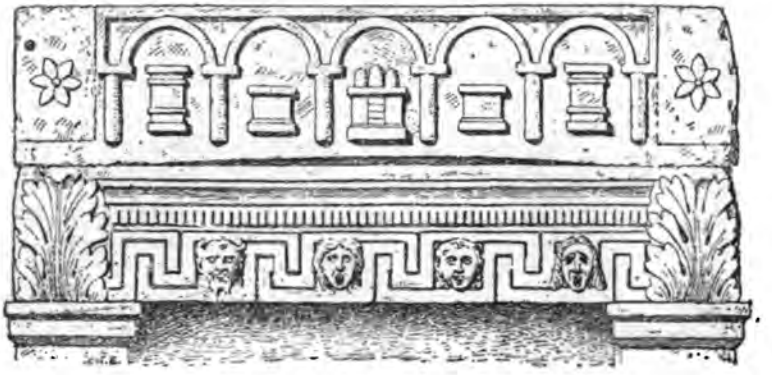
Характеръ предлагаемыхъ очерковъ опредѣлился тою задачею, какую они себѣ ставятъ: дать широкую популяризацію исторіи Израиля въ научномъ освѣщеніи, свободномъ отъ какихъ бы то ни было конфессіональныхъ тенденцій. Наша публика, несомнѣнно, нуждается въ такой книгѣ, такъ какъ на русскомъ языкѣ, кромѣ устарѣлаго и многотомнаго Ренана, никакихъ работъ подобнаго рода не имѣется. Исходя изъ указанной выше задачи, авторъ выбралъ форму эпизодическихъ разсказовъ, ибо систематическое изложеніе процесса исторіи Израиля въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ авторъ, неминуемо повлекло бы за собою необходимость въ цѣломъ рядѣ детальныхъ критическихъ изслѣдованій, что чрезвычайно сузило бы кругъ читателей книги и лишило бы ее общедоступности; систематическое же догматическое изложеніе превратило бы книгу въ сухой ученый конспектъ. Содержаніе очерковъ давалось тѣми безспорными результатами, къ какимъ пришла ветхозавѣтная наука

на Западѣ; свои личные взгляды авторъ позволилъ себѣ провести только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ опереться на свои напечатанные уже этюды (вопросы о псалмахъ и состояніи Іудеи въ эпоху Іисуса), и тамъ, гдѣ ветхозавѣтная наука или молчитъ (вопросъ о соціальной роли пророчества), или не пришла еще къ окончательному выводу (вопросъ о взаимоотношеніяхъ израильской и вавилонской культуры и многіе мелкіе вопросы). Въ изложеніи авторъ старался брать краски и тона изъ первоначальнаго источника, «книги закона, пророковъ и писаній», при чемъ цитаты даются или въ свободномъ переложеніи, или въ точномъ научномъ переводѣ. Для увеличенія наглядности книжка снабжена рисунками, дающими археологическій, географическій и художественный матеріалъ. Всѣ рисунки объясняются текстомъ, въ которомъ они помѣщены; здѣсь авторъ считаетъ необходимымъ объяснить лишь заставку заглавнаго листа. Она воспроизводитъ верхнюю часть портала одного храма, развалины котораго были открыты въ предѣлахъ области древняго Хаурана (въ восточ. Заіорданьѣ), и очень важна по своему орнаменту: для его верхняго ряда художникъ, строившій храмъ, использовалъ

различные типы древне-палестинскихъ жертвенниковъ, при чемъ наиболѣе интереснымъ является центральный жертвенникъ, со ступенями и съ тремя массевами (которые въ послѣплѣнную эпоху деградируютъ въ «рога» алтаря) — типичный жертвенникъ такъ называемыхъ высотъ.

Авторъ предвидитъ, что въ такомъ новомъ у насъ дѣлѣ окажутся неизбѣжные промахи и недостатки, которые будутъ указаны критикой, и онъ съ благодарностью приметъ всѣ замѣчанія, поскольку таковыя будутъ исохдить изъ чисто научныхъ соображеній.

Н. Н.



ДРЕВНІЙ ИЗРАИЛЬ.

Ярославская общественная
Пушкинская
библиотека
городская

«Боже, возстанови насъ, озари свѣтомъ лицо твое и помоги намъ! Ягве, богъ воинствъ, доколѣ будешь ты гнѣваться на свой народъ? Ты накормилъ его хлѣбомъ изъ слезъ, ты напоилъ его чашею со слезами, ты сдѣлалъ насъ яблокомъ раздора между сосѣдями нашими, и враги наши смѣются надъ нами... Изъ Египта ты вывелъ виноградную лозу, прогналъ язычниковъ и посадилъ ее; ты оберегалъ ее, и она пустила корни свои и наполнила землю; горы покрылись ~~ея сѣнью~~, кедры божіи—ея вѣтвями; простерла она лозины свои до моря, отпрыски свои до рѣки. Зачѣмъ разрушилъ ты стѣны ея, и обрываютъ ее всѣ проходящіе по дорогѣ? Вепрь изъ лѣса обгрызаетъ ее, все, что водится въ полѣ, поѣдаетъ ее... Боже воинствъ, вернись же, взгляни съ небесной высоты, вспомни лозу свою!..»

Псаломъ 80.

Пушкинская библіотека проситъ своихъ читателей не давать повода для упрека въ неряшливомъ обращеніи съ книгой, т. е. нельзя держать ее въ сырости и грязи, нельзя вырывать изъ нея страницъ и рисунковъ, нельзя отмѣчать въ ней надписей помарокъ.

I.

Почему надо знать исторію Израиля.

Въ этой книжкѣ будетъ разсказано о Израилѣ (какъ назывался въ старину еврейскій народъ), о его странѣ, о его жизни, о его исторіи съ ея радостями и горестями. Это былъ маленькій народецъ, который въ самую цвѣтущую пору своего существованія насчитывалъ въ своихъ рядахъ едва ли больше людей, чѣмъ ихъ живетъ теперь въ любой изъ самыхъ населенныхъ нашихъ губерній, а въ главномъ городѣ евреевъ, Іерусалимѣ, было не болѣе 60.000 жителей—населеніе средняго русскаго губернскаго города. Но этотъ маленькій народецъ имѣлъ судьбу, которой могутъ позавидовать многіе великіе и многочисленные народы. Въ старину у него были такіе могущественные сосѣди, какъ великая ассиро-вавилонская держава, подчинившая себѣ мечомъ весь тогдашній культурный міръ, или царство египетскихъ фараоновъ, слывшее въ древности страною чудесъ. Ассиро-вавилонская держава погибла, ея города и ихъ культура были погребены подъ грудами мусора, и печальные курганы въ обезлюдѣвшей и сожженной солнцемъ странѣ Тигра и Евфрата, какъ безъимянные могильные памятники, надолго скрыли подъ собою память о грозномъ когда-то имени, гремѣвшемъ на востокѣ. Теперь, когда эти курганы раскопаны, когда лежавшія подъ ними сокровища ассиро-вавилонской культуры снова увидали свѣтъ божій послѣ долгаго могиль-

наго сна, они возбуждаютъ любопытство ученыхъ и образованныхъ людей, ихъ изучаютъ, ими интересуются — но къ нимъ относятся съ такою же холодностью въ сердцѣ, какъ къ окаменѣлымъ раковинамъ или костямъ допотопнаго животнаго. Памятники вавилонской культуры очень интересны, но они не трогаютъ нашего сердца, не волнуютъ нашего чувства, и есть много людей, которые даже никогда о нихъ не слыхали. Такая же судьба постигла и царство фараоновъ. Путешественники дивятся гигантскимъ пирамидамъ и сфинксамъ, до сихъ поръ недвижимо и величаво стоящимъ на берегахъ Нила; въ музеяхъ мы можемъ сейчасъ еще увидать самихъ фараоновъ, въ видѣ мумій, сохранившихся въ теченіе тысячелѣтій; химики ломаютъ голову, недоумѣвая, какъ возстановить тѣ средства, при помощи которыхъ древніе египтяне достигали такихъ поразительныхъ результатовъ бальзамированія. Но мы удивляемся нашимъ умомъ, но не трогаемся нашимъ сердцемъ; памятники египетской культуры заставляютъ работать нашъ умъ, но не волнуютъ нашего чувства. Египтяне, какъ и вавилоняне, для насъ любопытные предметы для изученія; ихъ огромное вліяніе, какимъ они пользовались въ старину, ихъ литературныя произведенія, которыми зачитывались когда-то не только люди на востокѣ, но даже и греки и римляне, ихъ религіозныя вѣрованія, остатки которыхъ до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ и обычаяхъ, — въ настоящее время являются только интересными окаменѣлостями, но не больше. Жизненнаго, практическаго значенія ихъ культура теперь уже не имѣетъ.

Какъ непохожа на судьбу этихъ гигантовъ судьба такого пигмея, какимъ въ сравненіи съ ними былъ древній Израиль! Отъ старыхъ Ѳивъ, отъ стараго Вавилона,

отъ старой Ниневіи остались только груды развалинъ, а Іерусалимъ стоитъ до сихъ поръ. Отъ литературъ вавилонянъ и египтянъ дошли до насъ далеко не всѣ произведенія и не цѣликомъ, да и то, что дошло, издается только для ученыхъ людей; лучшія произведенія древней еврейской литературы бережно сохранялись изъ вѣка въ вѣкъ и извѣстны всѣмъ—это тѣ книги, которыя собраны въ ветхозавѣтной части библіи, священной книги для евреевъ и христіанъ. Отъ боговъ египтянъ и вавилонянъ остались только мертвыя изображенія; единый богъ евреевъ сталъ богомъ и для христіанъ. Среди еврейскаго народа родился, жилъ и проповѣдывалъ основатель христіанской религіи, Іисусъ; христіанскую вѣру послѣдователи его разнесли послѣ него по всему міру, разнося вмѣстѣ съ тѣмъ многіе еврейскіе вѣрованія, обряды и обычаи. И самъ еврейскій народъ живъ до сихъ поръ. Его самостоятельное царство погибло давно; его разрушили сначала ассиріяне, потомъ вавилоняне, и послѣ этого разгрома оно уже не возстановлялось. Но не всѣ евреи растворились въ рядахъ побѣдителей. Часть еврейскаго народа, іудеи, не захотѣли смѣшиваться съ побѣдителями и сумѣли сохранить свою національность и свою религію. И вѣка смѣнялись вѣками, смѣнялись владыки міра, на смѣну вавилонянамъ пришли персы, затѣмъ греки, римляне; потомъ пришли германцы и арабы, опрокинувшіе всю старую культуру и создавшіе новую жизнь на развалинахъ старой; открылся Новый Свѣтъ, европейская культура и европейская колонизація распространились по всему земному шару — а еврейство все еще существуетъ, все еще не смѣшалось [illegible] комъ новыхъ народныхъ силъ, несмотря [illegible] численность, и все еще сохраняетъ свой языкъ и религію.

Къ исторіи такого народа мы не можемъ относиться равнодушно: слишкомъ много нитей связываютъ насъ съ прошлымъ еврейства, и въ настоящее время на каждомъ шагу мы вспоминаемъ невольно старинныхъ дѣтей Авраама. Пойдемъ ли мы въ церковь — тамъ мы услышимъ пѣніе и чтеніе псалмовъ, священныхъ гимновъ, созданныхъ поэтическимъ геніемъ еврейскаго народа. Пойдемъ ли мы въ школу — тамъ насъ учатъ священной исторіи ветхаго завѣта, въ которой разсказывается судьба евреевъ. Пойдемъ ли мы въ картинную галлерею, или на выставку,— мы найдемъ тамъ цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ различные моменты еврейской исторіи и ея дѣйствующихъ лицъ. Нѣтъ почти ни одного великаго писателя, который не вдохновился бы какимъ-нибудь библейскимъ сюжетомъ. Подъ обаяніемъ чтенія пророковъ Пушкинъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе «Пророкъ»; Лермонтовъ создалъ «Еврейскія мелодіи», проникнутыя скорбью дѣтей Израиля въ изгнаніи; другіе русскіе и иностранные поэты изображали драматическіе моменты изъ исторіи еврейства, нѣкоторые изъ нихъ создали цѣлыя большія поэмы на сюжеты, навѣянные библейскими разсказами. Таковъ «Потерянный и возвращенный рай», безсмертная поэма англійскаго поэта Мильтона, или «Каинъ» Байрона; французскіе драматическіе поэты писали драмы на сюжеты, заимствованные изъ исторіи евреевъ. Народъ, оказавшій такое вліяніе на всю культурную жизнь европейскихъ народовъ, народъ, сумѣвшій сохранить себя и свою культуру въ горнилѣ вѣковъ исторіи, заслуживаетъ того, чтобы мы познакомились поближе съ его судьбой, познакомились съ открытыми глазами, отбросивъ въ сторону всѣ сказочныя и чудесныя прикрасы, которыми такъ

щедро разубрана его исторія, превращающаяся вслѣдствіе этого иногда прямо въ волшебную фантасмагорію.

О происхожденіи и судьбахъ Израиля въ древности мы узнаемъ изъ библіи. Но недостаточно просто взять и прочитать ветхозавѣтныя библейскія книги, чтобы познакомиться съ еврейской исторіей; недостаточно будетъ и просто пересказать то, что эти книги разсказываютъ. Израильскій народъ жилъ самостоятельною жизнью, отдѣльнымъ государствомъ, болѣе 500 лѣтъ; столько же времени существовала послѣ плѣна вавилонскаго іудейская религіозная община, находившаяся все время, кромѣ небольшого перерыва, подъ чужеземнымъ владычествомъ. На протяженіи этихъ 1000 лѣтъ и создавалась еврейская библія, трудами различныхъ поколѣній, различавшихся другъ отъ друга по своимъ стремленіямъ и взглядамъ. Израильтянинъ, жившій во времена царя Давида, столь же мало походилъ по своему духу на іудея временъ Іисуса, какъ, напримѣръ, кіевлянинъ эпохи князя Владимира на современнаго кіевскаго жителя. Поэтому и разсказы о старинныхъ временахъ различныхъ книгъ библіи неодинаковы; напримѣръ, книги Царей и книги Хроникъ (Паралипоменонъ) разсказываютъ про одно и то же время, но разсказываютъ по-разному, потому что авторы ихъ жили въ разное время, были отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими сотнями лѣтъ. Ученые, въ особенности нѣмецкіе, положили немало труда на то, чтобы разобрать всѣ ветхозавѣтныя книги и научиться ими пользоваться для составленія исторіи древнихъ евреевъ. И мнѣ придется не просто пересказывать библейскіе разсказы, но дѣлать изъ нихъ выборъ, одни просто пересказывать, другіе — объяснять. Поэтому моя исторія во многомъ не будетъ похожа на священную

исторію ветхаго завѣта, въ которой всѣ разсказы библіи попросту пересказываются одинъ за другимъ.

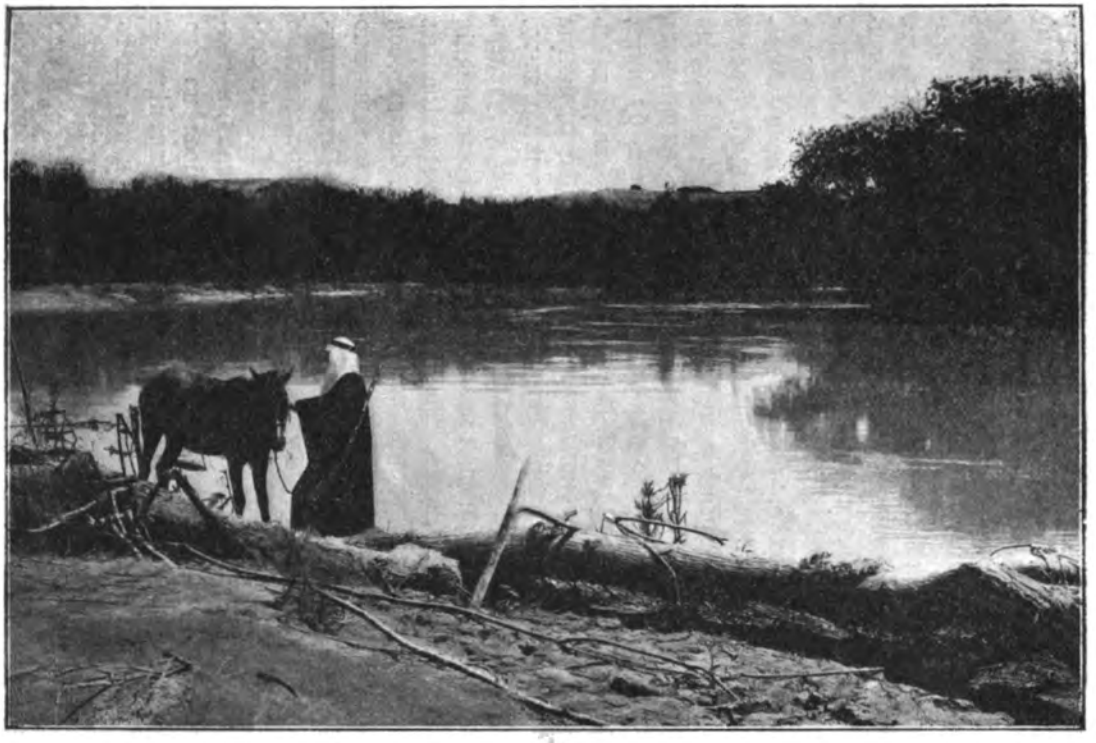
II.

Палестина и ея старинные обитатели.

Страна, гдѣ жили древніе израильтяне, называется Палестиной. Евреи не были тамъ исконными жителями; они завоевали эту страну и подчинили себѣ то населеніе, которое тамъ раньше жило.

Въ библіи разсказывается, что передъ тѣмъ, какъ вторгнуться въ Палестину, израильтяне, кочевавшіе тогда въ пустынѣ, послали лазутчиковъ; они должны были посмотрѣть, какова земля эта, хороша или худа, тучна или тоща, есть ли на ней деревья или нѣтъ, и каковъ народъ, живущій въ этой землѣ, силенъ онъ или слабъ, многочисленъ или малочисленъ. Лазутчики вернулись, неся съ собою исполинскую кисть винограда, которую пришлось тащить на шестѣ вдвоемъ; принесли также смоквы и гранатовые яблоки и описали землю въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ: течетъ въ ней молоко и медъ, и изобилуетъ она плодами; народъ же, живущій въ ней, силенъ и владѣетъ большими укрѣпленными городами.

Степнымъ кочевникамъ, какими были израильтяне до переселенія въ Палестину, страна эта могла показаться текущею молокомъ и медомъ; но на дѣлѣ, она далеко не была такъ богата, какъ расписывали ее лазутчики сыновъ Израиля. Это горная страна, съ величественными видами, но дикая и суровая. На сѣверной границѣ Палестины тянутся два горныхъ хребта параллельно другъ другу, Ли-



У Іордана. Съ фотографіи.

ванъ и Гермонъ; палестинскіе горные кряжи являются продолженіемъ этихъ двухъ хребтовъ. Они тянутся по узкой береговой полосѣ шириною въ самомъ широкомъ мѣстѣ не болѣе 200 верстъ; ихъ западные склоны омываетъ Средиземное море, восточные склоны смотрятъ въ безлюдную, сожженную солнцемъ Аравійскую пустыню. Вдоль всей системы горъ течетъ рѣка Іорданъ. Она начинается у южнаго склона Гермона, въ болотистыхъ долинахъ, посрединѣ которыхъ находится небольшое полуозеро-полуболото, которое зовется Меромскимъ озеромъ. Изъ этого-то озера и вытекаетъ Іорданъ; онъ вьется кругомъ капризными извилинами среди скалъ, которыя иногда высятся отвѣсно на десять и больше саженъ надъ его ложемъ, такъ что рѣка въ такихъ мѣстахъ бурлитъ, какъ въ глубокой узкой каменной канавѣ. Скалы здѣсь базальтовыя, нагроможденыя одна надъ другою, иногда въ страшномъ безпорядкѣ; ихъ нагромоздила когда-то, въ незапамятныя времена, вулканическая сила, теперь изсякшая и оставившая послѣ себя только воспоминанія въ видѣ этихъ скалъ. Вскорѣ послѣ начала Іорданъ вдругъ останавливается передъ огромной базальтовой скалой; ища выхода изъ-за этой преграды, онъ широко разливается и образуетъ всѣмъ извѣстное Геннисаретское озеро, или Галилейское море, съ которымъ связано столько воспоминаній евангельской исторіи. Берегъ этого озера покрытъ скалами, угрюмъ и молчаливъ, и также сурово и грустно смотрятъ раскинувшіеся по его берегамъ рыбачьи поселки, упоминаемые въ евангеліяхъ— Капернаумъ, Виѳсаида. Найдя выходъ, Іорданъ течетъ дальше въ томъ же направленіи, но теперь ему уже легче выбирать дорогу: южнѣе Геннисаретскаго озера горы уже не базальтовыя, а известковыя; известнякъ скорѣе под-

дается дѣйствію воды, чѣмъ базальтъ, и Іорданъ пробиваетъ себѣ широкое ложе. Онъ течетъ теперь уже не въ тѣснинѣ, а въ широкой бѣлой долинѣ, извивы его становятся шире, а справа и слѣва пробиваютъ себѣ дорогу къ нему многочисленные притоки. Но теченіе Іордана и выше и ниже Геннисаретскаго озера очень быстрое: ему вѣдь приходится на продолженіи какихъ-либо 200 верстъ спуститься съ высоты Гермона до уровня Мертваго моря, въ которое Іорданъ вливается; а этотъ уровень на 100 саженъ ниже уровня Средиземнаго моря. Удивительное зрѣлище представляетъ изъ себя Іорданъ между Геннисаретскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ и само Мертвое море. Если посмотрѣть на долину Іордана со склоновъ горъ, идущихъ по правому и лѣвому берегу Іордана, то нашимъ взорамъ представится широкая и ровная бѣлая долина, бѣлая отъ образующаго ее известняка; при яркомъ солнечномъ свѣтѣ ея бѣлизна бываетъ прямо ослѣпительна. А посрединѣ этой бѣлой голой долины вьется серебряная лента рѣки, окаймленная двумя узкими полосками свѣтло-зеленаго цвѣта: это густыя поросли тростника, папируса, тамарисковъ и платановъ, иногда густыя настолько, что скрываютъ отъ взоровъ наблюдателя самую рѣку; тогда получается просто зеленая, кипящая жизнью полоса на фонѣ мертвой, бѣлой, точно кости, долины. И вся жизнь, наконецъ, замираетъ у Мертваго моря. Окруженное со всѣхъ сторонъ известковыми скалами, соляными столбами, а на югѣ гранитными утесами, это море, черное какъ смола, покрытое плавающими по его поверхности кусками асфальта— сама смерть. Каждый день и каждую ночь непрерывно несетъ въ него Іорданъ свои воды; гранитная плотина

на югѣ останавливаетъ воду и не даетъ ей выхода. Вода въ морѣ стоитъ неподвижно, излишекъ испаряется, а въ остальной водѣ вѣками растворяются разныя соли, простая соль, хлористая магнезія и хлористый кальцій (мѣлъ). Отъ этого Мертвое море—точно огромная чаша, въ которой невѣдомый химикъ растворилъ свои снадобья, растворилъ и оставилъ этотъ растворъ, который вѣками сдѣлался такимъ крѣпкимъ, что въ 100 частяхъ воды приходится почти 30 частей минеральной примѣси. Бѣдныя рыбы, заплывающія въ Мертвое море вмѣстѣ съ водами Іордана, быстро умираютъ, тѣла ихъ носятся волнами и массами прибиваются къ сѣверному берегу; насыщенная растворами вода такъ тяжела, что по морю опасно плавать—если поднимется вѣтеръ, тяжелыя волны сейчасъ же разобьютъ лодку въ щепы, точно ударами молота. Все, что прибивается волнами къ берегу—трупы рыбъ, деревья, обломки камней—все покрыто цѣлымъ слоемъ соли, который остается на всѣхъ выброшенныхъ моремъ предметахъ, послѣ того какъ солнце высушитъ на нихъ влагу. Старинные евреи не знали причины, почему это море такое мертвое; имъ казалось, что оно явилось на землѣ вслѣдствіе проявленія страшнаго гнѣва божія. И въ библіи мы читаемъ о происхожденіи этого моря разсказъ, посредствомъ котораго благочестивые израильтяне пытались объяснить себѣ происхожденіе этого моря. Въ незапамятныя времена это было, когда еще жилъ родоначальникъ евреевъ Авраамъ. Тогда не было Мертваго моря, но на мѣстѣ его была цвѣтущая долина, а въ ней два богатыхъ города, Содомъ и Гоморра. Жители этихъ городовъ отличались грѣховною жизнью, въ особенности не соблюдали священнаго долга гостепріимства, и когда послан-

ники божества пришли въ Содомъ, чтобы испытать содомлянъ, содомляне напали на нихъ и хотѣли издѣваться надъ ними. Ихъ спасъ племянникъ Авраама, Лотъ, оказавшій имъ гостепріимство; и тогда, на другое утро, посланники божества приказали Лоту съ семьей бѣжать и не оглядываться, а на грѣшные города пролили огненный дождь испепелившій ихъ; мѣсто, гдѣ они стояли, провалилось, и образовалось Мертвое море, а жена Лота, которая нарушила приказъ и оглянулась, превратилась въ соляной столбъ. Въ этомъ разсказѣ мы находимъ память о какомъ-то страшномъ изверженіи вулкана, погубившемъ какіе-то города; смутное воспоминаніе объ этой катастрофѣ связалось въ умѣ израильтянина съ Мертвымъ моремъ и окружающими его соляными скалами, и родилась такимъ путемъ легенда о гибели Содома и Гоморры.

Іорданъ какъ бы разрѣзаетъ всю Палестину на двѣ части: западно-іорданскую страну и восточно-іорданскую страну. Восточно-іорданская страна дика и безплодна, жизнь тамъ кипитъ лишь въ немногихъ оазахъ, расположенныхъ по берегамъ горныхъ потоковъ. Населеніе скопилось поэтому въ западно-іорданской странѣ. Но и эта страна вовсе не такъ богата и плодоносна, какъ описывали ее лазутчики сыновъ Израиля. Та же странная картина противоположности жизни и смерти, зеленыхъ пятенъ на бѣломъ известнякѣ, повторяется повсюду въ западно-іорданской странѣ. Все, что обращено къ морю, зеленѣетъ, все, что смотритъ въ пустыню—мертво. Только тамъ зелень и жизнь, куда доходятъ облака, бѣгущія со Средиземнаго моря; а они доходятъ туда, куда имъ не мѣшаютъ дойти горы. Вотъ на юго-западѣ отъ Геннисаретскаго моря ручей Кисонъ; онъ проложилъ

себѣ широкое ложе въ известнякѣ и пробился до самаго Средиземнаго моря. Горы тутъ какъ будто раздвинулись, точно образовали широкій корридоръ, открытый со стороны моря. И здѣсь образовалась цвѣтущая долина, знаменитая Іезреель, покрытая садами и виноградниками, лугами и пашнями. Долина упирается въ горы Гильбоа, которыя какъ бы запираютъ этотъ корридоръ на концѣ. За эти горы облака пройти не могутъ, горы выше ихъ—и что же мы видимъ? На западномъ склонѣ растутъ могучіе дубы и тамариски, а восточный склонъ, спускающійся къ Іордану—бѣлая, голая пустыня. Такую же картину мы видимъ и дальше. Южнѣе долины Іезреель идетъ пустынная горная страна; за ней страна, открывающаяся къ морю, спускающаяся къ нему какъ бы уступами. Тутъ опять мы встрѣчаемъ жизнь, но не повсюду, а только тамъ, куда воздушныя теченія, идущія съ моря, могутъ принести тучи. Мѣстъ такихъ много, и всѣ они, какъ зеленые островки среди бѣлаго известковаго моря. Тутъ-то и разыгрывалась исторія древняго Израиля. Сѣверная часть Палестины, начиная съ долины Іезреель и вплоть до Меромскаго озера имѣла небольшое значеніе въ древности; но послѣ плѣна вавилонскаго именно тамъ была та Галилея, въ которой началась трагедія окончательной гибели Іудеи, и въ которой жилъ и проповѣдывалъ Іисусъ. Іерусалимъ лежалъ на югѣ, какъ разъ наравнѣ съ устьемъ Іордана и началомъ Мертваго моря; южнѣе Іерусалима начинается опять дикая страна, оазы становятся все рѣже и рѣже, небольшія рощицы, попадающіяся сѣвернѣе, смѣняются одиноко стоящими деревьями, въ родѣ дуба Авраама въ Хевронѣ, и, наконецъ, южнѣе Хеврона начинается уже настоящая пустыня, тянущаяся вплоть до Краснаго

Мертвое море.

Съ фотографіи.

моря. Такова эта страна. Мы видимъ теперь, что для жителей пустыни она могла казаться текущею молокомъ и медомъ; но если сравнить ее съ сосѣднимъ Египтомъ, этой чудесной житницей юга, Палестина окажется скудной и скупой страною. Въ ней есть красота, но красота особенная: эта красота не ласкаетъ нашъ взоръ, какъ живописныя горы Греціи или заботливо воздѣланные склоны Альпъ, но поражаетъ и безпокоитъ насъ, потому что въ Палестинѣ на каждомъ шагу насъ ждетъ неожиданность, утомляетъ безпрерывная смѣна безмолвія и шума жизни. Небольшой народъ могъ тамъ благоденствовать, ибо на орошаемыхъ дождевою влагою склонахъ горъ росли финиковыя пальмы, смоковницы, гранатовыя деревья, и хорошо родились пшеница, ячмень и виноградъ; но въ засуху ему грозилъ такой голодъ, о которомъ наши голодовки не могутъ дать настоящаго понятія. Тогда высыхала вся трава, высыхали потоки, и люди и животныя гибли отъ быстраго истощенія, ниоткуда не видя помощи.

Родина Израиля была не Палестина; израильтяне переселились туда уже тогда, когда тамъ жилъ другой, родственный имъ народъ. Палестина была какъ бы большой дорогой, по которой въ древности можно было сообщаться между собой странамъ, лежавшимъ по ту и другую сторону Аравійской пустыни. У Краснаго моря по берегу Аравіи въ оазахъ была родина семитовъ, всѣхъ народовъ, родственныхъ евреямъ, слѣдовательно и самихъ евреевъ; въ библіи разсказывается, будто бы всѣ эти народы произошли отъ сына Ноева, Сима (Sem), и отсюда современные ученые прозвали ихъ всѣхъ семитами. Семитамъ сдѣлалось тѣсно въ оазахъ Аравіи, и одно за другимъ семитскія племена стали уходить, чтобы

К689363 М

ОСЛАВСКА ГУБЕРНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

найти себѣ новыя мѣста жительства. На западъ въ плодоносную долину Нила проникнуть было нельзя: она давно была занята трудолюбивымъ египетскимъ народомъ, еще за 3000 лѣтъ до Рождества Христова успѣвшимъ покорить себѣ рѣку и соорудить гигантскія рѣчныя сооруженія—каналы, искусственныя озера и плотины. Потокъ переселенцевъ-семитовъ долженъ былъ поэтому поворачивать отъ Краснаго моря направо, на сѣверо-востокъ; пройдя черезъ Синайскую пустыню, переселенцы сразу попадали въ Палестину. Первыми прошли черезъ нее переселенцы, составившіе впослѣдствіи вавилонскій народъ. Это было за три съ половиной тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Потокъ вавилонскихъ переселенцевъ только прокатился черезъ всю Палестину, не остановившись въ ней,—послѣ цвѣтущихъ оазовъ Счастливой Аравіи эта страна должна была показаться имъ скудной и неудобной для поселенія. Они прошли черезъ всю Палестину и черезъ горные проходы Ливана и Гермона проникли въ долину рѣкъ Тигра и Евфрата. Въ этой долинѣ они и поселились, смѣшавшись съ сидѣвшимъ тамъ населеніемъ, сумерами, которые успѣли уже къ этому времени воздѣлать страну, покрыть ее каналами, обстроить замками и храмами боговъ. Только часть этихъ переселенцевъ осталась жить въ горныхъ ущельяхъ, тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ берутъ свое начало; двѣ тысячи лѣтъ спустя, они спустились оттуда въ долину Тигра и Евфрата, и тогда ихъ грозное имя, имя ассирійцевъ, стало гремѣть по всему свѣту. Ассиро-вавилонская держава была постояннымъ врагомъ Израиля и подъ конецъ уничтожила его; но изъ нея приходили въ Палестину не только мечъ и пожары и другіе ужасы войны, но и культурныя

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

пріобрѣтенія. Наука и техника у древняго Израиля была заимствованная, израильтяне учились у вавилонянъ ихъ «мудрости», а возводить огромныя постройки, въ родѣ храма Соломона, царскихъ дворцовъ и водопроводовъ, они приглашали финикійскихъ мастеровъ, въ свою очередь учившихся у вавилонскихъ зодчихъ.

Тысячу лѣтъ спустя послѣ вавилонянъ Палестина увидала среди своихъ горъ новую волну переселенцевъ. Эти переселенцы уже должны были остаться въ Палестинѣ и на ея окраинахъ, такъ какъ страна сѣвернѣе Палестины была уже занята первыми переселенцами. Народы, пришедшіе въ Палестину за 2500 лѣтъ до Рождества Христова, дали и то имя, подъ которымъ Палестина была извѣстна въ древности. Ихъ называли общимъ именемъ хананеевъ, отсюда и Палестина стала зваться страной Ханаанъ. Изъ новыхъ переселенцевъ дальше всѣхъ прошли тѣ, которые впослѣдствіи стали зваться финикіянами. Дойдя до Ливана, они повернули къ морю и заняли узкую береговую полосу между Ливаномъ и моремъ. Стиснутые между горами и моремъ, они должны были искать себѣ средствъ къ жизни въ водной стихіи. Сначала они были рыбаками; но потомъ ихъ рыбацкіе поселки превратились въ большіе торговые города, а корабли ихъ стали сновать по всему Средиземному морю, развозя по нему вавилонскія издѣлія, египетскій хлѣбъ и папирусъ. Въ тѣ отдаленныя времена жители теперешней Греціи, Италіи, южной Франціи и Испаніи были въ сравненіи съ финикіянами дикарями. Финикіяне впервые открыли всѣ эти южноевропейскія страны, подобно тому какъ Колумбъ открылъ Америку; они основали повсюду въ удобныхъ гаваняхъ свои конторы и вступали съ дикарями въ мѣно-

вой торгъ. Они были англичанами древняго міра; имъ казалось, что міръ кончается тамъ, гдѣ кончается предѣлъ ихъ плаванія, гдѣ западный берегъ Испаніи. Тутъ,—говорили они, указывая на двѣ скалы, глядящія другъ на друга, одна съ берега Африки, другая съ берега Европы,—самъ богъ солнца, Мелькартъ, поставилъ свои столбы въ

Колодезь въ Бееръ-Шева

знакъ грани міра; дальше уже простирается океанъ, обтекающій со всѣхъ сторонъ землю, тотъ океанъ, въ который Мелькартъ каждый вечеръ погружается на ночь.

Палестину заняло хананейское племя амморреевъ; амморреи заняли всю западно-іорданскую страну и часть восточно-іорданской, ближе къ самому Іордану. Южнѣе Мертваго моря, на самой границѣ пустыни, осѣли сыны Эдома, сѣвернѣе ихъ—моавитяне, еще сѣвернѣе —

аммонитяне; израильтяне были очень близко родственны этимъ тремъ народцамъ, и нѣкоторые ученые причисляютъ эдомитянъ, моавитянъ и аммонитянъ тоже къ евреямъ. Это близкое родство сознавали и сами израильтяне. Въ библіи мы находимъ такой разсказъ: у Исаака, сына Авраама, были два сына-близнеца, Исавъ, называвшійся также Эдомомъ, и Іаковъ, прозванный впослѣдствіи Израилемъ; отъ Эдома пошли эдомитяне, а отъ двѣнадцати сыновей Израиля пошли двѣнадцать израильскихъ племенъ. Родство же Израиля съ Моавомъ и Аммономъ было, по мнѣнію израильтянъ, еще древнѣе: Моавъ и Аммонъ, родоначальники моавитянъ и аммонитянъ, были, по словамъ библіи, сыновьями уже извѣстнаго намъ Лота, племянника Авраама; значитъ, израильтяне возводили и самихъ себя и моавитянъ съ аммонитянами къ общему родоначальнику, Ѳаррѣ, отцу Авраама и дѣду Лота. Эти преданія старались объяснить не только близкое родство, но и близкое сосѣдство народовъ: когда эдомитяне осѣли въ горахъ на юго-восточныхъ берегахъ Мертваго моря, израильтяне гоняли свои стада въ пустынѣ бокъ о бокъ съ ними; моавитяне и аммонитяне жили тоже рядомъ, на восточномъ берегу Мертваго моря, которое, какъ читатель помнитъ, легенда связывала тоже съ Лотомъ.

Эдомитяне, моавитяне и аммонитяне были полудикія горныя племена; недаромъ библія отзывается о нихъ пренебрежительно. Но амморреи, поселившіеся въ западно-іорданской странѣ, достигли значительной силы и культуры. Старинныя надписи вавилонскихъ царей сохранили намъ разсказы объ упорныхъ войнахъ вавилонянъ съ амморреями; эти «амурру» пытались пробраться въ Вавилонію, и царямъ вавилонскимъ стоило немало

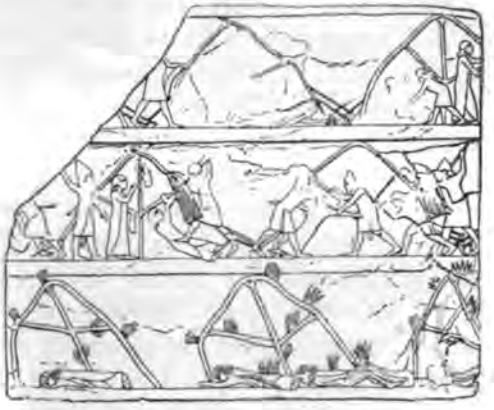
трудовъ отогнать ихъ. Одно время амморреи были подчинены египтянамъ; но во время переселенія израильтянъ въ Ханаанъ они жили независимымъ народомъ. Въ старинныхъ могильныхъ курганахъ, оставшихся отъ амморреевъ, раскопали немало утвари, оружія и фигуры боговъ. Видно, что амморреи еще не знали желѣза; но они хорошо умѣли дѣлать орудія изъ бронзы. Они умѣли ткать тонкія ткани, устраивали изъ камня точила для выжиманія виноградного сока, рыли глубокіе колодцы и обкладывали ихъ камнемъ, чтобы и въ сухое время года имѣть въ изобиліи воду. Ихъ князья жили въ укрѣпленныхъ замкахъ, называвшихся городами, и держали въ подчиненіи всю округу; на войну они выводили съ собой воиновъ, закованныхъ въ бронзовые доспѣхи. Простые люди довольствовались иногда и каменными орудіями, такъ какъ бронзовыя издѣлія были дороги для небогатыхъ людей. Вотъ съ какими врагами пришлось имѣть дѣло израильтянамъ, когда они вторглись въ Ханаанъ. На ихъ счастье у амморреевъ не было цѣльнаго государства, а ихъ князья часто ссорились и воевали другъ съ другомъ. Эти ссоры и помогли Израилю завоевать подъ свою власть землю Ханаанскую.

III.

Израильтяне въ пустынѣ.

Въ то время, какъ соплеменники израильтянъ въ Палестинѣ жили уже осѣдлою жизнію, знали земледѣліе и ремесла, сыны Израиля бродили со своими стадами въ пустынѣ. Они кочевали изъ оаза въ оазъ; при-

ходя на становище въ оазъ, они раскидывали тамъ свои шатры, подобно шатру Авраама у дуба Мамврійскаго. На стѣнахъ дворцовъ ассирійскихъ владыкъ мы находимъ изображеніе этихъ простыхъ шатровъ. Въ землю вбивался столбъ, иногда просто неотесанный стволъ дерева; немного выше середины этого столба къ нему придѣлывались двѣ поперечныя перекладины, одна вправо,



Палатки бедуиновъ. Ассир. рельефъ.

другая влѣво; ихъ прилаживали такъ, чтобъ онѣ шли нѣсколько назадъ и кверху. На эту основу сверху набрасывали шкуру или грубую сваляную изъ шерсти цыновку—и шатеръ готовъ. Внутри его дѣлали изъ камней очагъ, а два-три вороха соломы, покрытые сверху шкурой, служили постелью. Шатеръ часто дѣлили занавѣской изъ шкуръ на двѣ половины, мужскую и женскую; но если женщинъ было много въ семьѣ, то для нихъ устраивался особый шатеръ. Арабскіе бедуины

до сихъ поръ устраиваютъ себѣ палатки въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я только что разсказывалъ. И вотъ, расположившись въ палаткахъ у ручья, подъ сѣнью пальмъ или смоковницъ, израильтяне оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока скотъ не съѣдалъ всю траву. Если оазъ былъ большой, то израильтяне оставались въ немъ много лѣтъ. Тогда они грубымъ образомъ разрыхляли землю и сѣяли въ ней сѣмена. Ячменный хлѣбъ и молоко были ихъ любимой пищей; только для почетнаго гостя они закалывали ягненка, да когда приносили жертву божеству, требовавшему кровавой жертвы, употребляли въ пищу жертвенное мясо: богу сжигались нѣкоторыя внутренности, а остальное съѣдали люди. Въ памяти израильтянъ осталась одна такая долгая остановка въ оазѣ Кадешѣ, около горы Синая. Старики разсказывали, что былъ когда-то неурожай и голодъ, и тогда родоначальникъ израильтянъ, Іаковъ, со всей семьей ушелъ въ Египетъ. Тамъ израильтянамъ такъ понравилось, что они хотѣли остаться въ Египтѣ навсегда. Но египетскій фараонъ навалилъ на нихъ тяжелую барщину и хотѣлъ превратить ихъ въ своихъ рабовъ. Тогда израильтяне взмолились къ своему божеству, Ягве, и онъ послалъ имъ вождя Моисея, который вывелъ ихъ изъ рабства египетскаго. Вернувшись въ свои пустыни, они поселились въ оазѣ Кадешъ, и тамъ Моисей далъ имъ законы, полученные имъ отъ самого бога, и заповѣдалъ имъ итти въ землю Ханаанъ. Израильтянамъ казалось, что эту землю предназначилъ имъ во владѣніе самъ ихъ богъ, и что онъ самъ руководилъ ими во время завоеванія.

Пока израильтяне вели кочевую жизнь въ пустынѣ, они еще не составляли цѣльнаго народа. Они дѣлились

на маленькія племена, колѣна, какъ ихъ называетъ библія. Въ библіи считается круглое число двѣнадцать колѣнъ; число двѣнадцать было на всемъ востокѣ священнымъ, волшебнымъ числомъ. Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ; солнце въ теченіе года совершаетъ кругъ по небу черезъ двѣнадцать созвѣздій, которыя мы называемъ созвѣздіями зодіака. И на всемъ востокѣ любили при счетѣ это священное число двѣнадцать. Мы считаемъ десятками, а вавилоняне считали по двѣнадцати; если двѣнадцать повторить пять разъ, получится 60 — тоже священное число. Въ недѣлѣ семь дней, по числу солнца, луны и пяти извѣстныхъ вавилонянамъ планетъ, которыхъ можно видѣть простымъ глазомъ (Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ); поэтому и число 7 священное, и 70—священное число. Ученые израильтяне, постигшіе всю вавилонскую мудрость, очень любили эти священныя числа и постоянно употребляли ихъ въ своихъ произведеніяхъ, которыя мы читаемъ теперь въ библіи. Они и насчитали двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ; но ихъ было, навѣрно, больше. Мы навѣрное знаемъ, что въ южной части Палестины, въ горахъ, во времена Давида, гнѣздилось израильское племя Халевъ; объ этомъ племени разсказываетъ исторія царя Давида. А это племя не упоминается въ числѣ двѣнадцати сыновъ Израиля. Возможно, что, кромѣ Халева, были и еще другія племена, настолько мелкія, что при завоеваніи Палестины они во время войны были истреблены или смѣшались съ хананеями, такъ что и всякая память о нихъ исчезла.

Семьи, входившія въ составъ одного и того же колѣна, селились рядомъ, и на переходахъ шли вмѣстѣ. Но въ общемъ, родичи, составлявшіе племя, не были

ужъ очень крѣпко другъ съ другомъ связаны. Крѣпкимъ союзомъ была семья. Въ израильскихъ преданіяхъ, въ которыхъ сохранилась память о кочевой жизни, мы находимъ живыя картины ихъ семейной жизни, иногда прямо трогательныя, иногда и не особенно красивыя. Мы узнаемъ, что семья израильскаго кочевника была куда больше, чѣмъ наши семьи. Въ семью входили не только отецъ, мать и дѣти, какъ у насъ. Глава семьи— отецъ; онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ, властенъ надъ жизнью и смертью всѣхъ домочадцевъ. Библія разсказываетъ, что Авраамъ, родоначальникъ евреевъ, хотѣлъ принести въ жертву своего единственнаго сына Исаака; другого сына, Измаила, онъ прогналъ вмѣстѣ съ матерью Агарью въ пустыню, гдѣ имъ грозила голодная смерть. Глава семьи можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ; у Іакова было ихъ четыре, и отъ нихъ у него было двѣнадцать сыновей и одна дочь. Если сыновья женились, они не всегда отдѣлялись отъ семьи, но иногда продолжали жить вмѣстѣ съ нею, и тогда происходили всякія непріятности между свекровью и золовками. Невѣсту для сына пріискивалъ отецъ. Этотъ обычай описывается въ чрезвычайно граціозномъ разсказѣ о томъ, какъ Авраамъ искалъ невѣсту для своего сына Исаака. Когда Авраамъ состарился, онъ рѣшилъ позаботиться о невѣстѣ для сына своего, Исаака. Онъ позвалъ къ себѣ довѣреннаго раба и послалъ его искать невѣсту для сына въ Месопотамію. На десять верблюдовъ были навьючены всякія сокровища, чтобы сдѣлать подарокъ невѣстѣ и заплатить за нее выкупъ; съ этими сокровищами рабъ Авраама отправился въ путь и прибылъ въ городъ Нахоръ. Тамъ, около города, онъ остановилъ верблюдовъ у колодца и загадалъ: когда придутъ дѣвицы изъ города

съ кувшиномъ за водой, я попрошу у одной изъ нихъ напиться, и если та, у которой я попрошу, не только меня, но и верблюдовъ моихъ напоитъ, та и будетъ, которую богъ назначилъ Исааку. Сказано—сдѣлано: выходитъ изъ города красавица Ревекка, дочь Ваѳуила, съ кувшиномъ на плечѣ, наполнила кувшинъ водой и хотѣла итти назадъ. Но рабъ остановилъ ее и обратился къ ней со своей просьбой. Она сказала: «пей, господинъ мой»; а напоивъ его, стала черпать воду для верблюдовъ, пока не напоила ихъ всѣхъ. Тогда рабъ далъ ей золотую серьгу и запястья и разговорился съ нею; дѣвица побѣжала скорѣе домой и разсказала домашнимъ о происшествіи съ нею. Услыхавъ ея разсказъ, братъ ея, Лаванъ, пригласилъ раба съ верблюдами ночевать у нихъ въ домѣ; рабъ съ радостью согласился, и разсѣдлавъ верблюдовъ и задавъ имъ корму, разсказалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и просилъ выдать Ревекку за Исаака. Родные приняли это предложеніе; тогда рабъ вынулъ серебряныя и золотыя вещи и отдалъ подарки Ревеккѣ, ея матери и брату. На утро Ревекку благословили: «сестра наша, да родятся отъ тебя тысячи тысячъ, и да владѣетъ потомство твое шатрами враговъ твоихъ!» — дали ей рабынь и отпустили къ Исааку. А Исаакъ, въ ожиданіи своей суженой, вышелъ подъ вечеръ въ поле, задумался, и вдругъ видитъ — идутъ верблюды. Ревекка взглянула, увидѣла Исаака и спустилась съ верблюда; покрывшись покрываломъ, она подошла къ Исааку, а Исаакъ ввелъ ее въ шатеръ Сарры, матери своей, недавно умершей; и она сдѣлалась ему женою, и утѣшился Исаакъ въ печали по матери своей.

Въ семью изральтянина входили не только его жены и дѣти, но и рабы, если они у него были. Рабовъ доста-

вать было трудно, и если они доставались, то случайно и дорогою цѣною. Чаще всего рабовъ добывали войною. Тяжкій обычай былъ всегда у бедуиновъ: кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ. Это значило, что за обиду и за всякій ущербъ надо было мстить такою же обидою и такимъ же ущербомъ. Когда кто нибудь обижалъ или убивалъ члена чужого рода, начиналась истребительная война между родомъ обидчика и родомъ оскорбленнаго, и желтый песокъ пустыни краснѣлъ отъ братоубійственной крови; иногда въ войну вступались цѣлыя племена. Война продолжалась или до мира, когда обѣ стороны сговаривались помириться на извѣстныхъ условіяхъ, или до окончательной побѣды одной стороны надъ другою. И горе было побѣжденной сторонѣ: если ее не истребляли поголовно, то обращали оставшихся въ живыхъ въ рабство. Въ памяти изральтянъ остался ужасный случай такой мести: два родственныхъ племени, Симеонъ и Левій, вступились за поруганную честь одной изъ дѣвушекъ, и пошли войною противъ племени обидчика, сыновъ Еммора, жившихъ уже осѣдлою жизнью. Обидчики были побѣждены и участь ихъ была ужасна: Симеонъ и Левій вѣроломно напали на городъ сыновъ Еммора, перебили всѣхъ мужчинъ, разграбили городъ, увели скотъ, а женъ и дѣтей увели въ рабство. Но купленные такою дорогою цѣною рабы не могли быть многочисленны. Живя въ семьѣ своего господина, они скоро становились близкими ему людьми, членами его семейства; въ особенности дѣти рабовъ мало отличались отъ господъ, воспитывались и играли вмѣстѣ съ дѣтьми хозяина. Рабамъ давали отвѣтственныя порученія, какъ Авраамъ своему рабу, отыскавшему для Исаака невѣсту; другой рабъ у Авраама завѣдывалъ всѣмъ его имуществомъ, и когда Авраамъ состарился и все еще не имѣлъ дѣтей, онъ

боялся, что придется отдать все наслѣдство этому рабу. Когда совершался самый главный праздникъ, праздникъ Пасхи, въ который надо было приносить Ягве въ жертву первенцевъ скота, устраивался торжественный жертвенный пиръ, и за этимъ пиромъ вмѣстѣ съ семействомъ господина принимали участіе и рабы. Они помогали господину принести жертву и затѣмъ вмѣстѣ съ семьей господина радовались передъ Ягве, невидимо присутствовавшимъ на пирѣ. Не всѣ изральтяне, однако, имѣли рабовъ. Скитаясь въ безплодной пустынѣ, они иногда терпѣли тяжкую нужду, когда во время особенно сильныхъ жаровъ трава высыхала даже въ самыхъ цвѣтущихъ оазахъ, и скоро падали отъ истощенія. Этимъ временемъ пользовались торговцы живымъ товаромъ, чаще всего все тѣ же финикіяне. Спросъ на рабовъ былъ очень великъ и въ Вавилонѣ и въ Египтѣ, и въ самой Финикіи: рабовъ заставляли работать въ мастерскихъ, рыть каналы, грести веслами на большихъ финикійскихъ морскихъ судахъ. Когда степнымъ племенамъ приходилось трудно, и они страдали отъ голода, финикіяне давали знать полуразбойничьимъ степнымъ племенамъ, сидѣвшимъ на границѣ Финикіи, и тѣ отправлялись на промыселъ. За бездѣлушки, за мѣшокъ хлѣба, или за маленькую горсть денегъ степняки-скотоводы охотно продавали въ рабство своихъ сородичей: старшіе братья могли продать младшихъ, отецъ — кого угодно изъ семьи. Такимъ путемъ сыны пустыни могли попадать далеко на чужбину. Всѣмъ извѣстна знаменитая исторія Іосифа прекраснаго, проданнаго братьями такимъ полуразбойникамъ-полукупцамъ. Іосифъ былъ перепроданъ въ Египетъ, и тамъ, въ этой странѣ чудесъ, съ нимъ совершалось одно чудо за другимъ, пока онъ, какъ невинно пострадавшій герой

всякой сказки, не достигъ самыхъ высокихъ почестей. Тогда сбылись его вѣщіе сны, за которые братья его возненавидѣли: не только братьямъ, но и отцу пришлось поклониться Іосифу и искать его покровительства. Исторія Іосифа показываетъ намъ, что и въ ту глубокую старину уже чувствовалась несправедливость и жестокость неограниченной власти отца и старшихъ: младшій, обиженный и обездоленный, въ концѣ-концовъ торжествуетъ и оказывается стоящимъ неизмѣримо выше своихъ обидчиковъ.

Вокругъ шатровъ сыновъ Израиля паслись ихъ стада, ихъ самое драгоцѣнное достояніе. Въ оазахъ Синайской пустыни растетъ лишь скудная, тощая трава; тутъ нѣтъ такого рѣзкаго контраста между сожженной солнцемъ пустыней и цвѣтущимъ оазомъ, какъ въ огромной африканской Сахарѣ. Въ оазахъ есть вода, но оазы стиснуты между горами; горный гранитъ покрытъ лишь тонкимъ слоемъ мягкой почвы, изъ-подъ которой и тутъ и тамъ виднѣется первозданный богатырь, основаніе земли. На такой почвѣ растетъ самая скудная трава; сынамъ Израиля казалось, что они поселены въ такой странѣ за грѣхи ихъ прародителей. Когда Ягве сотворилъ небо и землю, разсказывали они, вся земля была сухою пустынею — не было ни единой травки, ни единаго кустика, ни единаго дерева; и дождя не было, чтобы орошать землю. Ягве насадилъ для человѣка чудесный садъ, и создалъ тамъ четыре рѣки, чтобы орошать его; тамъ онъ поселилъ первыхъ людей, Адама и Еву, и они жили тамъ въ дружбѣ съ животными, наслаждаясь плодами дерева жизни, дававшими имъ вѣчную юность и безсмертіе. Но Ягве запретилъ имъ ѣсть плоды съ дерева познанія, которое открываетъ людямъ божественныя тайны, тайну

мірозданія, добра и зла. Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ животныхъ и, по злому своему нраву, соблазнилъ первую женщину, Еву, нарушить заповѣдь Ягве и съѣсть плодовъ древа познанія. Адамъ и Ева, вкусивъ плоды, познали добро и зло, но были за такое нарушеніе божественной заповѣди жестоко наказаны: Ягве изгналъ ихъ изъ рая, приставивъ къ нему небесную стражу, и проклялъ изъ-за грѣха Адама и Евы землю: «проклята земля изъ-за тебя, терніе и волчцы произраститъ она тебѣ». И изъ рая, въ какой-то далекой странѣ, гдѣ текутъ чудесныя рѣки, растутъ чудесныя деревья, люди попали въ безплодную пустыню, гдѣ растутъ только тернія и волчцы, гдѣ проклятая божествомъ земля на каждомъ шагу показываетъ человѣку свое каменное основаніе. Позднѣе, когда сыны Израиля поселились въ землѣ Ханаанской, узнали о великой вавилонской державѣ и ея чудесномъ плодородіи и богатствахъ, о мудрости и искусствѣ ея жителей, имъ стало казаться, что рай долженъ б лъ быть именно гдѣ-то тамъ, на берегахъ Тигра и Евфрата: вѣдь только обладаніемъ чудеснымъ древомъ познанія можно объяснить такую необычайную мудрость и искусство людей, живущихъ тамъ и вознамѣрившихся когда-то даже соперничать съ богами. Хотѣли вавилоняне построить башню высотою до небесъ, добраться по ней до неба и низвергнуть оттуда небожителей — вотъ какіе великіе плоды принесло обладаніе познаніемъ. И только хитрая уловка боговъ, перемѣшавшихъ языки у строителей, помѣшала осуществленію великаго замысла; людямъ не удалось стать богами. Но догадка о мѣстѣ нахожденія рая позднѣйшихъ изральтянъ была врядъ ли правильна. Вѣрнѣе всего, что въ сказаніи о раѣ заключается смутное воспоминаніе о пер-

воначальной родинѣ всѣхъ семитовъ, о цвѣтущихъ оазахъ Счастливой Аравіи, изъ которыхъ судьба забросила сыновъ Израиля въ безплодную Синайскую пустыню.

Въ оазахъ Синайской пустыни можно было кормить только мелкій скотъ, козъ и овецъ; ихъ мясо и молоко шло въ пищу, а шкура и кожи — на одежду; овцами и козами платили вѣно за невѣсту, платили выкупъ за убійство или за другую обиду. Имѣть большія стада козъ и овецъ было мечтою каждаго бедуина, сына Израиля, и для того, чтобы пріобрѣсти такое богатство, прибѣгали ко всякимъ ухищреніямъ. Съ этимъ скотоводческимъ бытомъ была связана вся религія Израиля въ пустынѣ. Главное божество израильскихъ племенъ, стоявшихъ въ Синайской пустынѣ, богъ Ягве, живетъ на огнедышащей горѣ Синаѣ, окруженный облаками, въ дикихъ недоступныхъ для человѣческаго взора разсѣлинахъ на вершинахъ горы. Онъ появляется во время изверженія, въ бурѣ и землетрясеніи; его голосъ слышенъ во время грома, его голосъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче прорѣзывающая облака молнія. Вотъ какъ описывается въ священномъ гимнѣ явленіе Ягве:

Земля дрожитъ и шатается,
Колеблются основанія горъ
И качаются, ибо въ гнѣвѣ Ягве!
Дымъ поднимается изъ его ноздрей,
Огонь пожирающій изъ его устъ,
Раскаленные угли сыплются отъ него.
Склоняетъ онъ небо и опускаетъ его долу,
Мракъ подъ его стопами...
Изсякаютъ источники моря
И обнажаются основанія земли
Отъ гнѣва твоего, о Ягве!

Этому грозному богу надо служить кровавыми жертвами. Онъ будетъ охранять стада израильтянъ отъ кишащихъ въ пустынѣ злыхъ духовъ только тогда, когда ему будутъ отдавать первенцевъ скота. Только кровавыя жертвы онъ любитъ: онъ обнаружилъ свой вкусъ еще при жизни первыхъ людей, когда ихъ сыновья, пастухъ Авель и земледѣлецъ Каинъ приносили ему жертвы; тогда кровавая жертва Авеля была принята, а жертва Каина, состоящая изъ произведеній земли, отвергнута; и Каинъ убилъ за это своего брата Авеля. Каину и его потомкамъ послѣ этого ничего не оставалось, какъ уйти въ землю Нодъ, гдѣ-то около рая, гдѣ они настроили себѣ города, занялись ремеслами, научились ковать мечи и дѣлать музыкальные инструменты и жили, не поклоняясь Ягве. Когда весною скотъ приноситъ приплодъ, Ягве требуетъ жертвы за охрану и покровительство: «всякій первенецъ мой, всякій скотъ мужескаго пола, первенецъ изъ быковъ и овецъ». Ягве требуетъ даже и человѣческихъ жертвъ: онъ потребовалъ, чтобы Авраамъ принесъ ему въ жертву первенца своего Исаака.

Такому грозному богу надо служить подобающимъ образомъ. Онъ любитъ, чтобы жертвы ему приносились на каменномъ жертвенникѣ: надо взять простые нетесанные камни и сложить изъ нихъ жертвенникъ — это самый пріятный способъ жертвоприношенія богу пустыни, живущему на каменной горѣ. За это служеніе Ягве покровительствовалъ своему народу различными способами. Библейское преданіе разсказывало, что Ягве вывелъ когда-то израильтянъ изъ плѣна египетскаго, когда фараонъ не хотѣлъ отпустить евреевъ на весенній праздникъ въ пустыню, чтобы они могли принести тамъ жертву Ягве изъ быковъ и овецъ. Ягве избралъ

Каинъ. Ж. Дюпрэ.

Древній Израиль.

вождя народу, Моисея, который по указаніямъ божества вывелъ народъ изъ Египта и привелъ его къ самому жилищу божества, къ горѣ Синай. Ягве руководитъ своимъ народомъ во время передвиженій по пустынѣ: онъ вселяется въ облако и идетъ передъ караваномъ, указывая ему путь, или входитъ въ особый священный ящикъ, ковчегъ, который несутъ впереди каравана, а во время остановокъ ставятъ въ особую священную палатку. Ягве безпрестанно даетъ совѣты и откровенія избраннымъ людямъ изъ народа. Моисей въ сопровожденіи старѣйшинъ всходилъ на гору Синай, и бесѣдовалъ тамъ съ Ягве; тамъ они пили и ѣли у Ягве и вернулись назадъ съ десятью заповѣдями, начертанными на каменныхъ доскахъ самимъ божествомъ. Можно и другимъ способомъ получить откровеніе отъ Ягве: надо провести ночь въ его палаткѣ, или случайно уснуть около камня, въ который особенно любитъ вселяться божество пустыни.

Но Ягве не одинъ царитъ въ пустынѣ. Когда спустится ночь, въ особенности, когда скроется съ неба луна, свѣтильникъ ночи, тогда раздолье бѣсамъ пустыни, шеиримъ. Они скачутъ по пустынѣ, перекликаются съ шакалами и дико воютъ; они подкрадываются къ становищамъ израильтянъ, уносятъ овецъ и козъ, а людей поражаютъ болѣзнями. Надо умилостивлять ихъ. Надо посылать каждый годъ главному изъ нихъ, Азазелю, въ жертву бѣлаго козла; Азазель удовлетворится, быть можетъ, этой жертвой и не будетъ преслѣдовать сыновъ Израиля. Другіе духи, которые могутъ быть добрѣе для человѣка— это души умершихъ. Ихъ надо кормить; поэтому мертвеца хоронили съ кружками и блюдами, наполненными пищей и питьемъ; о нихъ надо плакать, чтобы показать имъ свою печаль; поэтому родственники умершаго

одѣвались въ лохмотья, посыпали голову пепломъ, ранили и били себя, плакали и причитали. Если мертвеца ублаготворить какъ слѣдуетъ, онъ можетъ принести и пользу; предки могутъ стать покровителями живыхъ, домашними богами. У каждаго состоятельнаго израильтянина стояли въ шатрѣ фигуры домашнихъ боговъ покровителей, такъ наз. терафимы, которымъ приносились жертвы; фигуры имѣли человѣческій видъ, иногда были маленькія, не больше куколъ, иногда большія, въ ростъ человѣка. Библейская легенда разсказываетъ, что Рахиль, жена Іакова, уѣзжая съ мужемъ на его родину, тайкомъ увезла домашнихъ боговъ своего отца Лавана; а когда отецъ, хватившись боговъ, догналъ ее и спросилъ, не она ли увезла божковъ, она положила ихъ подъ себя въ постель и легла на нихъ, притворившись больною. Такъ Лаванъ и не получилъ назадъ своихъ пенатовъ, а Рахили они принесли счастье.

Ассирійскій домашній богъ.

Такъ жили и такъ вѣрили сыны Израиля въ пустынѣ, пока не пришло для нихъ время, когда нужда заставила ихъ переселиться въ землю Ханаанскую.

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

IV.

Израильтяне завоевываютъ страну Ханаанскую.

Это было почти за 1400 лѣтъ до Рождества Христова. Израильскимъ племенамъ стало тѣсно: ихъ шатры умножились, стада же умножать было нельзя, ибо скудная растительность пустыни не позволяла этого сдѣлать. А съ юго-запада напирали другія племена, тянувшіяся все изъ той же Аравіи. Ближайшими кочевыми сосѣдями израильтянъ были мадіанитяне; живя въ Кадешѣ, израильтяне вступали съ ними въ сношенія, и библейская легенда разсказываетъ даже, что Моисей пасъ стада у мадіанитскаго жреца, Іетро, прежде чѣмъ Ягве призвалъ его быть вождемъ народа, и женился на дочери этого жреца, Сепфорѣ. Іетро приходилъ къ Моисею, когда израильтяне кочевали въ пустынѣ, и помогалъ ему судить народъ своими совѣтами и указаніями. Но время дружескихъ отношеній между израильтянами и мадіанитянами постепенно проходило. Мадіанъ сталъ тѣснить Израиля, Мадіану самому становилось тѣсно. И вотъ князьки Ханаана стали терпѣть немало безпокойства отъ набѣговъ изъ пустыни дикихъ воинственныхъ хабири; эти хабири отдѣльными отрядами врывались въ землю Ханаана и тревожили мирную жизнь хананеевъ. Пробовали хананейскіе царьки успокоить степныхъ враговъ мирнымъ путемъ: предлагали ихъ молодежи составлять дружины и служить имъ. Но это средство оказалось ненадежнымъ. Дружинники только показали путь своимъ соплеменникамъ, и тогдашній князь Іерусалима, Абди-Хиба, жаловался своему государю, что

вся его страна потеряна, попала въ руки хабирй. Эти набѣги были только предвѣстниками настоящаго втор-

Письмо Абди-Хиба (на глиняной таблеткѣ).

женія израильтянъ въ землю Ханаанскую. Оно произошло приблизительно лѣтъ 100—150 спустя послѣ

того, какъ хабири начали безпокоить хананейскихъ князьковъ.

Въ памяти израильтянъ сохранилось мало преданій о тѣхъ войнахъ, которыя пришлось имъ вести, чтобы завоевать страну ханаанскую. Ученые и любознательные люди позднѣе, когда уже у израильтянъ были цари, собрали и записали всѣ сохранившіяся преданія, а о чемъ совсѣмъ не сохранилось преданій, то они попытались дополнить своими догадками. Они приписали побѣдоносное вторженіе израильтянъ въ Ханаанъ и распредѣленіе земель между колѣнами помощи и руководству ихъ грознаго бога Ягве. Для того, чтобы ввести свой народъ изъ безлюдной пустыни въ землю съ большими и хорошими городами, съ домами, наполненными всякимъ добромъ, съ колодезями, высѣченными въ каменныхъ скалахъ, съ виноградниками и масличными садами, Ягве покинулъ свое жилище на Синаѣ; Синай заколыхался, покрылся дымомъ и облаками, горѣлъ, какъ въ огнѣ, и въ бурѣ богъ пронесся на горы Сеиръ, на границы предѣловъ Эдома. Облакомъ сталъ онъ впереди стана сыновъ Израиля, и они пустились въ путь. Съ юга имъ не удалось проникнуть въ землю Ханаанъ, не пустили ихъ сыны Эдома, сказавъ Израилю: «не проходи чрезъ меня, иначе я съ мечомъ выступлю противъ тебя». Только Халеву удалось пробраться въ горы южной Палестины, въ западно-іорданской странѣ; въ этихъ горахъ, вокругъ Кармила, халевиты нашли хорошія пастбища для своихъ стадъ, и еще долго жили скотоводствомъ. Остальнымъ племенамъ пришлось обойти сыновъ Эдома, но дальше сидѣли сыны Моава и сыны Аммона. Съ ними израильтяне также не стали тягаться; впослѣдствіи старики разсказывали, что такъ заповѣ-

далъ Ягве Моисею: не велѣлъ Ягве тягаться ни съ сынами Эдома, ни съ сынами Моава, ни съ сынами Аммона, потому что земли тѣ, въ которыхъ они жили, Ягве отдалъ имъ во владѣніе. Такимъ благочестивымъ домысломъ хотѣли позднѣе объяснить этотъ обидный для самолюбія Израиля фактъ. Миновавъ Эдома, Моава и Аммона, израильскія племена очутились на границѣ владѣній восточно-іорданскихъ амморреевъ. Тутъ Ягве сказалъ: «встаньте, идите и переправьтесь черезъ потокъ Арнонъ; вотъ я предаю въ руку твою Сигона, царя Хесбона, и землю его; начинай овладѣвать ею и подчини ее войною! Сегодня я наведу ужасъ и трепетъ передъ тобою на всѣ народы подъ небомъ: какъ только услышатъ они о тебѣ, будутъ они трепетать и дрожать!» Племя Рувимово, Гадово и половина племени Манассіи вторглись во владѣнія Сигона, а затѣмъ прошли еще сѣвернѣе, во владѣнія князька Ога, въ Васанѣ; слабые амморейскіе князьки, къ тому же постоянно вздорившіе между собою, не выдержали натиска воинственныхъ сыновъ пустыни, и шатры сыновъ Израиля впервые забѣлѣли въ Палестинскихъ горахъ. Тутъ, разсказываетъ преданіе, престарѣлый вождь народа, Моисей, умеръ; но передъ смертью онъ взошелъ на гору Нево, напротивъ Іерихона, на правомъ берегу Іордана; здѣсь явился къ нему Ягве и показалъ ему всю землю Ханаанскую по ту сторону Іордана, вплоть до самаго западнаго (Средиземнаго) моря; послѣ этого умеръ Моисей и былъ погребенъ въ горахъ Моавитскихъ, но мѣста его погребенія никто не знаетъ даже до сего дня,— заботливо прибавляетъ легенда.

Только четыре колѣна проникли въ Ханаанъ и нашли тамъ удобныя мѣста для пастбищъ, оставленныхъ пред-

стояла болѣе трудная задача: перейти черезъ Іорданъ и завоевать западно-іорданскую страну, такъ какъ въ восточно-іорданской странѣ больше не оставалось удобныхъ мѣстъ. Преданія разсказывали, что по смерти Моисея во главѣ народа сталъ другой вождь, Іисусъ, сынъ Навина. Какъ Моисею когда-то будто бы явился Ягве въ горящемъ кустѣ терновника и призвалъ его быть вождемъ народа, такъ теперь, по словамъ преданія, самъ Ягве призвалъ и Іисуса Навина. Израильтяне перешли черезъ Іорданъ напротивъ Іерихона и разлились широкимъ потокомъ по всей западно-іорданской странѣ. Египетскій фараонъ, государь аморрейскихъ князьковъ, не могъ помочь имъ: какъ разъ въ это время онъ былъ занятъ трудными войнами въ своей собственной странѣ, и западно-іорданская страна стала легкой добычей сыновъ Израиля. Въ народной памяти сохранилось мало воспоминаній объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это переселеніе. Много разсказовъ было о всяческихъ чудесахъ. Разсказывали, что Ягве чудеснымъ образомъ осушилъ дно Іордана, чтобы израильтяне могли свободно переправиться черезъ него; что Ягве прислалъ на помощь Израилю при завоеваніи Іерихона свое воинство; что во время битвы при Гибеонѣ Ягве бросалъ съ неба въ амморреевъ камни и остановилъ движеніе солнца, чтобы помочь Израилю добить врага засвѣтло. Въ народныхъ преданіяхъ не сохранилось воспоминаній, почему и какъ отдѣльныя племена разсѣлись въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ Палестины; когда собирали и записывали народныя преданія, племя Іуды уже давно жило сѣвернѣе Халева, на западъ отъ Мертваго моря, а рядомъ съ Іудой жилъ Веніаминъ; сѣвернѣе Іуды сидѣло самое могущественное племя Ефрема,

вплоть до долины Іезреель, а дальше другія племена. Ученые израильтяне, записавшіе преданія, рѣшили, что эти мѣста были указаны племенамъ Израилевымъ также самимъ Ягве. Въ Гилгалѣ, въ первомъ укрѣпленномъ лагерѣ, который разбили израильтяне послѣ перехода черезъ Іорданъ, предъ Ягве (т. е. передъ ковчегомъ) бросали жребій, какая страна какому племени должна достаться; самъ Ягве невидимо направлялъ жребій, и такимъ образомъ вся земля Ханаанская была подѣлена по его указаніямъ. Такъ стали сыны Израиля жителями Палестины. Скоро они такъ срослись и свыклись съ ея горами, ручьями и виноградниками, что имъ стало казаться, будто Палестина — ихъ родина, и будто вся ихъ прежняя жизнь въ пустынѣ — только временное пребываніе въ наказаніе за грѣхи. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, разсказывали преданія, жили, умерли и были похоронены въ Палестинѣ, и только несчастный случай, голодовка во дни Іакова, заставила его со всѣми сыновьями переселиться на время въ Египетъ. Тамъ израильтяне чуть было не попали въ рабство, но Ягве черезъ Моисея вывелъ ихъ оттуда, далъ имъ на Синаѣ законы и обѣщалъ вновь отдать во владѣніе землю Ханаанскую, въ которой уже жили раньше ихъ отцы. Введя ихъ въ землю Ханаанскую, Ягве обязалъ израильтянъ вѣчной благодарностью, и жрецы Ягве даже составили впослѣдствіи, четыре вѣка спустя, особую молитву, чтобы внушить народу мысль, насколько онъ долженъ быть благодаренъ Ягве. Ставя на жертвенникъ корзиночку съ плодами, молящійся долженъ былъ произносить такую молитву: «Бродячимъ арамейцемъ былъ мой отецъ, пошелъ въ Египетъ и жилъ тамъ съ небольшимъ числомъ мужей и сдѣлался тамъ великимъ,

сильнымъ и многочисленнымъ народомъ. Но египтяне преслѣдовали и притѣсняли ихъ (народъ) и наваливали на нихъ тяжелую барщину; тогда воззвали мы къ Ягве, богу нашихъ отцовъ, и онъ услышалъ нашъ голосъ и увидѣлъ наши бѣдствія и наши страданія, и нашу нужду. И Ягве вывелъ насъ изъ Египта могучей рукою и простертою дланью, и съ великой славой, знаменіями и чудесами, и привелъ насъ въ это мѣсто, и далъ намъ эту землю, землю, гдѣ текутъ молоко и медъ; и вотъ теперь я приношу лучшее изъ плодовъ земли, которую ты далъ мнѣ».

Но поселившись въ новой странѣ, израильтяне скоро должны были перемѣнить свой образъ жизни. Только въ южныхъ горахъ, гдѣ жили Халевъ и Іуда, не было тѣсно; тамъ можно было еще долго заниматься скотоводствомъ, не помышляя о винѣ, маслѣ и хлѣбѣ. Но прочимъ племенамъ, въ особенности Ефрему, Манассіи, Дану, было не такъ просто устроиться на новомъ мѣстѣ. Они не истребили поголовно всѣхъ прежнихъ жителей тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ поселились; напротивъ, израильтяне-побѣдители поселились бокъ-о-бокъ съ побѣжденными хананеянами, скоро стали смѣшиваться съ ними и перенимать ихъ обычаи и культуру. Тутъ уже не было пастбищъ, какія были въ пустынѣ; всѣ долины были воздѣланы, покрыты виноградниками, масличными и финиковыми деревьями, хлѣбными нивами. Израильтяне должны были также сѣсть на землю. Трудно было сынамъ пустыни съ непривычки браться за соху, трудно было пріучать воловъ къ ярму; въ потѣ лица пришлось добывать хлѣбъ свой. Однако, израильтяне не упали духомъ, но скоро привыкли къ новымъ условіямъ. Въ холодную зиму стали ждать съ нетерпѣніемъ

теплой весны и жаркаго лѣта. Зимой вся природа плачетъ по теплу и солнцу, какъ невѣста по женихѣ, льютъ безпрестанные дожди, дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Но вотъ зима прошла, и дождь пересталъ, явилось великолѣп-

Современный землепашецъ въ Палестинѣ.

ное солнце, и вся природа расцвѣтаетъ: «вотъ цвѣты показались на землѣ, время пѣсенъ настало, и голосъ горлицы слышенъ; смоковница распускаетъ свои почки, и виноградныя лозы цвѣтутъ, распространяютъ благоуханіе». Земледѣлецъ принимается за труды, которые сторицею вознаграждало урожайное лѣто, и по осени онъ спокойно могъ отдыхать подъ сѣнью своего вино-

градника или смоковницы, наслаждаясь плодами трудовъ рукъ своихъ.

Эта мирная земледѣльческая жизнь не такъ часто заставляла вспоминать о грозномъ богѣ Ягве, который постоянно напоминалъ о себѣ въ пустынѣ грохотомъ и пламенемъ Синая; стали далекими и бѣсы пустыни, столь часто обижавшіе тамъ сыновей Израиля и ихъ стада. Въ новой странѣ были новые боги. Старинные жители Палестины, вліянію которыхъ такъ скоро подчинились израильтяне, вѣровали и молились не такъ, какъ вѣровали и молились въ пустынѣ сыны Израиля. Все богатство хананеевъ, вся ихъ жизнь зависѣла отъ растительныхъ даровъ природы. Мать земля-страя и ея порожденія — растительный міръ — вотъ что казалось божественнымъ для хананеевъ; солнце, которое своими лучами согрѣваетъ землю и оплодотворяетъ ее,—вотъ самое божественное существо въ мірѣ. Солнце — это господинъ міра; его, какъ и всякое другое свое божество, хананеи звали господиномъ, Вааломъ; святилище его называлось Бетъ Шемешъ, домъ солнца. Онъ посылаетъ земледѣльцу вино, масло и зерно; онъ оплодотворяетъ землю, свою супругу, Белиту, или, какъ называли ее иначе, Астарту. Богъ пустыни, Ягве, больше всего любитъ выбирать мѣсто для своего пребыванія на горахъ или въ скалахъ; благодатный Ваалъ-солнце любитъ рощи, въ которыхъ такой прохладный и ароматный воздухъ, любитъ одинокія старыя деревья, мощные великаны, въ тѣни которыхъ можетъ укрыться путникъ, любитъ чистые источники воды, оживляющей изсохшую почву и освѣжающей усталаго труженика. Онъ любитъ мощнаго вола, который тянетъ за собою плугъ земледѣльца, но, разсерженный, можетъ

произвести тяжкія разрушенія; онъ любитъ пѣніе и пляски, любитъ, чтобы на трехъ великихъ праздникахъ посѣва, начала жатвы и уборки хлѣбовъ и винограда, земледѣльцы устраивали въ его честь пиры, приходили къ его жертвеннику съ полными руками, угощали бога, пили, ѣли и веселились сами. И хананеи любили своего отца Ваала-солнце и его супругу Белиту-Астарту и служили имъ. Въ каждой мѣстности были свои излюбленныя священныя мѣста, куда народъ въ праздничные дни стекался пить, ѣсть и веселиться передъ богомъ. Тамъ раздавалась музыка, звучало пѣніе, кружились въ бѣшеной пляскѣ хороводы; рабы Ваала веселились, а лучезарный богъ ласково смотрѣлъ съ небесъ и лилъ на нихъ свои лучи.

Лучезарный богъ не одинъ на небѣ: когда ночью онъ скроется въ прохладу волнъ западнаго моря, на небѣ появляются луна и звѣзды. Луна — это супруга лучезарнаго свѣтила, звѣзды—его воинство; среди звѣздъ есть двѣнадцать особыхъ созвѣздій, которыя надо особенно почитать и помнить. Это созвѣздія, лежащія на томъ пути, который совершается лучезарнымъ богомъ по небу въ теченіе года; ихъ двѣнадцать, двѣнадцать домовъ, въ которыхъ въ теченіе года живетъ поочередно солнце, а вслѣдъ за нимъ и его вѣрный спутникъ, луна. Недалеко отъ Іерихона лежало, на берегу Іордана, кольцомъ двѣнадцать ровныхъ бѣлыхъ камней, — это были священные камни, посвященные этимъ двѣнадцати созвѣздіямъ, созвѣздіямъ зодіака, какъ мы ихъ называемъ. Хананеи почитали и луну, и воинство небесное, и созвѣздія зодіака. Въ честь луны у нихъ были даже старинные праздники. Каждый новый мѣсяцъ начинался праздникомъ новомѣ-

сячія, новой луны; въ теченіе мѣсяца четыре раза праздновали каждый седьмой день, въ честь четырехъ фазъ луны,— это была суббота, день покоя. Быть можетъ, ханаеи не сами научились распознавать небесныя свѣтила, считать время и воздавать религіозное поклоненіе звѣздамъ, а заимствовали все это у вавилонянъ, достигшихъ тогда уже высокой степени культуры; но когда израильтяне поселились рядомъ съ ними, всѣ эти вѣрованія у нихъ уже были, и сыны Израиля должны были рано или поздно съ ними познакомиться.

Лучезарное солнце смотрѣло на всѣхъ жителей Ханаана и всѣмъ имъ посылало свои дары. Но въ каждой мѣстности были свои мѣстные Ваалы, каждое мѣсто имѣло своего господина-бога. Жители Сихема поклонялись Ваалъ-Вериѳу; жители юго-восточнаго заіорданья, гдѣ осѣлъ Рувимъ, — Ваалъ-Пеору; на сѣверѣ, гдѣ сѣлъ Гадъ, издавна былъ культъ Ваалъ-Гермона, котораго впослѣдствіи стали звать прямо Ваалъ-Гадъ. И такъ въ каждомъ мѣстѣ были свои Ваалы. Мѣстный Ваалъ — это богъ-покровитель только этого мѣста. Только мѣстные жители—его дѣти и подданные. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, которое ему больше всего нравится: или на горѣ, покрытой тѣнистой дубравой, въ родѣ Гермона, или въ одинокомъ развѣсистомъ дубѣ, какъ престарѣлый дубъ въ Хевронѣ, или въ необыкновенномъ камнѣ, какой лежалъ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи Соломонъ построилъ свой храмъ, или въ источникѣ кристальной воды, какой можно было видѣть въ Бееръ-Шева (Вирсавэ). У священнаго мѣста обитанія бога устраивались высоты, т.-е. святилища, съ жертвенникомъ, около котораго ставили священные каменные столбы (массевы)

и клали священные деревянные брусья (ашеры). На этихъ высотахъ мѣстнымъ Ваалам приносили, въ благодарность за помощь и покровительство, жертвы

Массевы въ Таанахѣ (Іудея).

съ веселыми пѣснями и хороводами, а священныя деревья и камни убирали цвѣтами и лентами.

Все это увидѣли израильтяне, переселившись въ землю Ханаанскую. И здѣсь они хотѣли молиться; глѣ

же было имъ молиться, какъ не въ тѣхъ мѣстахъ, какія издавна были уже здѣсь священными? И благочестивые ревнители національнаго бога Ягве, собиравшіе въ царскую эпоху преданія о родной старинѣ, съ грустью сознаются, что израильтяне переняли у покоренныхъ ими хананеевъ не только земледѣліе и осѣдлую жизнь, но и многія религіозныя вѣрованія и обычаи. Израильтяне переняли у хананеевъ всѣ ихъ священныя мѣста. Синайскія горы, гдѣ обиталъ ихъ богъ Ягве, остались далеко; думали, что Ягве, вслѣдъ за своимъ народомъ, переселился въ землю Ханаанскую и можетъ явиться всюду, гдѣ только есть для того поводъ или возможность. Вмѣстѣ съ покоренными израильтяне стали ходить въ святилища хананеевъ и молиться тамъ. Вскорѣ они такъ привыкли къ новымъ мѣстамъ культа, что стали считать ихъ такими мѣстами, гдѣ богъ Ягве издревле являлся тѣмъ самымъ патріархамъ, которые, по словамъ легендъ, когда-то кочевали въ Палестинѣ. Священный дубъ въ Хевронѣ, это — тотъ самый священный дубъ Мамври, у котораго Ягве съ двумя спутниками явился Аврааму и предсказалъ рожденіе Исаака; Авраамъ подъ этимъ самымъ дубомъ угостилъ Ягве, какъ привѣтливый хозяинъ. Бетъ-Эль (Веѳиль) — домъ божій, потому что тутъ когда-то, на этомъ самомъ мѣстѣ, Іаковъ, ночуя во время своихъ скитаній, видѣлъ во снѣ лѣстницу, соединяющую небо съ землею: по этой лѣстницѣ сходили и всходили вѣстники Ягве. Бееръ-Шева—святилище у священнаго колодца: это колодезь тотъ самый, который вырылъ Исаакъ, и около котораго ему явился Ягве. И такъ о всякомъ хананейскомъ святилищѣ, какое переняли у хананеевъ израильтяне, составилось преданіе, посредствомъ котораго хотѣли объяснить, почему

это мѣсто священно, и какой патріархъ тутъ жилъ или останавливался.

Но дѣло не остановилось на заимствованіи мѣстъ поклоненія божеству. Вѣдь покровителями Ханаана, подателями всѣхъ благъ въ Ханаанѣ были Ваалы, а не Ягве. Ягве великъ; это сильный и грозный богъ, летящій въ грозѣ и бурѣ; Ваалы—мирныя божества, но не менѣе могущественныя въ своихъ областяхъ. И въ мирное время, когда молчала военная труба, и воинскіе доспѣхи покрывались ржавчиною въ кладовыхъ, Ваалы и ихъ дары больше приходили на умъ израильтянину, чѣмъ грозный богъ пустыни. Приносили Ягве первенцевъ скота во время весенняго новолунія; но не забывали принести первинки плодовъ мѣстному Ваалу. Такимъ путемъ вѣра въ Ягве смѣшалась съ вѣрою въ Ваала-солнца и мѣстныхъ Вааловъ. У каждаго бога была своя опредѣленная роль. Ягве былъ грозный богъ войны; его вспоминали и призывали, когда Израилю грозила внѣшняя опасность. Ваалъ-солнце былъ щедрый податель земныхъ плодовъ; ему несли дары каждый годъ, въ благодарность за урожай, за вино, масло и зерно. Мѣстные Ваалы покровительствовали своимъ мѣстностямъ, оберегали ихъ отъ всякой бѣды и напасти, давали оракулы и предвѣщанія. Люди породнились и смѣшались; нѣкоторыя израильскія племена даже не сумѣли удержать своей самостоятельности и слились съ хананеями въ одинъ народъ; смѣшались и боги, спуталось поклоненіе имъ; часто Ягве стали называть Вааломъ, и ставили ему изображеніе въ видѣ такого же быка, какого ставили хананеи Ваалу-солнцу.

V.

Судьи.

Мирныя времена послѣ завоеванія не могли долго продолжаться. Скоро на израильскія племена одинъ за другимъ стали надвигаться враги. На сѣверѣ Палестины оставались еще непокоренныя амморрейскія княжества, которыя пытались прогнать пришельцевъ назадъ въ степь; объ одной такой попыткѣ, отраженной израильскими племенами, сложилась цѣлая пѣсня, хорошо извѣстная каждому израильтянину. Какой-то царь Іавинъ, княжившій въ Асорѣ, послалъ противъ израильскихъ племенъ цѣлое войско, съ военноначальникомъ Сисарой во главѣ. У Сисары было девятьсотъ желѣзныхъ колесницъ, говоритъ легенда; но, если даже ихъ было и вдвое меньше, сила это была огромная. Въ тѣ времена главная сила войска была въ колесницахъ; на каждой колесницѣ билось по трое закованныхъ въ латы воиновъ; чтобы имѣть такія колесницы, нужно было распоряжаться большими средствами и имѣть хорошихъ мастеровъ для ихъ изготовленія. Пѣшему ополченію израильскихъ племенъ было очень трудно бороться съ такимъ врагомъ, у котораго были колесницы. Но имъ помогла горная природа: они заставили Сисару принять сраженіе у горы Ѳаворъ, у потока Кисона, гдѣ колесницамъ было очень трудно двигаться; затѣмъ, имъ удалось убить самого Сисару. Народная пѣсня, сложенная объ этомъ сраженіи, называетъ виновниками побѣды вѣдунью Девору, съ горъ Ефремовыхъ, воодушевлявшую на борьбу израильскія племена, неохотно поднимавшіяся на помощь другъ другу, и предводителя соеди-

ненныхъ ополченій израильскихъ племенъ, Варака. Но опасность была такъ велика, что всѣ западно-іорданскія племена одно за другимъ поднялись и отстояли свою независимость отъ грознаго врага. Вотъ какъ пѣлась эта замѣчательная пѣсня:

Нашлись вожди въ Израилѣ, народъ былъ ревностенъ—восхвалите Ягве!
Слушайте, цари! Примѣчайте князья! Я Ягве буду пѣть, я Ягве буду играть, Ягве, богу Израиля.

* * *

Ягве, когда ты выходилъ изъ Сеира, выступалъ изъ равнинъ Эдома,
Тогда земля дрожала, небеса капали, облака капали водою,
Горы тряслись предъ Ягве, предъ Ягве, богомъ Израиля.

* * *

Въ дни Самгара, сына Анаѳа, въ дни Іаили, дороги отдыхали,
Путники по дорогамъ шли окольными путями.
Были праздны землепашцы во Израилѣ, были праздны, пока ты не возстала, Девора, возстала мать во Израилѣ!
Не виденъ былъ ни щитъ, ни мечъ у сорока тысячъ (воиновъ) во Израилѣ...

* * *

Чу, какъ смѣются дѣвушки, черпающія воду! Тамъ разсказываютъ о томъ, какъ явилъ свою правду Ягве,
Какъ явилъ свою правду своему народу землепашцу во Израилѣ
какъ сошелъ тогда къ воротамъ народъ Ягве.

* * *

Возстань, возстань, Девора, возстань, возстань, пой пѣснь!
Воспрянь, Варакъ, и плѣни твоихъ поработителей, сынъ Авиноама!
Тогда пришли бѣглецы къ старѣйшинамъ, и народъ Ягве спустился съ горъ, имъ на помощь,—все герои.
Изъ Ефрема сошли воины внизъ въ долину; за тобою (Ефремъ) Веніаминъ со своими полками,
Съ Махира спустились вожди родовъ, изъ Завулона тѣ, кто носитъ скипетръ

И князья Иссахара съ Деворой, и какъ Иссахаръ, такъ и Варакъ:
Въ долину онъ былъ увлеченъ своими пѣхотинцами.

* * *

Въ родахъ Рувимовыхъ были великія сомнѣнія сердцемъ.
Что сѣлъ ты между овчариями, слушать трубу около стада?
Въ родахъ Рувимовыхъ были великія сомнѣнія сердцемъ.
Гилеадъ остался спокойнымъ по ту сторону Іордана,
А Данъ—онъ ѣдетъ въ чужбину на корабляхъ.
Асиръ сидѣлъ спокойно на морскомъ берегу остался неподвижнымъ у своихъ заливовъ.
Завулонъ—народъ, предающій жизнь свою смерти,
А Нефѳалимъ—на высотахъ полей.

* * *

И вотъ пришли цари, сражались, сражались тогда цари Ханаана при Таанахѣ, у водъ Мегиддо:—
Добычи серебромъ не достали они!
Съ неба сражались звѣзды, со своихъ путей сражались они съ Сисарой.
Ручей Кисонъ увлекъ ихъ, ручей сраженій, ручей Кисонъ.
Шествуй, душа моя, съ силой!
Тогда застучали копыта коней, погоняемыхъ сидѣвшими на нихъ богатырями.

* * *

Прокляните Меросъ! сказалъ вѣстникъ Ягве, да, прокляните его жителей,—
Они не пришли Ягве на помощь, на помощь Ягве среди героевъ!
Да будетъ прославлена выше всѣхъ женъ Іаиль, жена Евера, кенитянина;
Выше всѣхъ женщинъ въ шатрахъ да будетъ она прославлена!
Воды попросилъ онъ, молока дала она, въ чудесной чашѣ подала она густое молоко.
Свою руку протянула она къ колу, а десницу свою къ рабочему молоту
И ударила имъ Сисару, разбила ему голову, раздробила и пронзила ему виски.
Къ ея ногамъ свалился онъ, упалъ на землю: тамъ, гдѣ упалъ онъ, остался онъ лежать, убитый!

* * *

Въ окно выглядывала и звала мать Сисары черезъ рѣшетку:
Что такъ долго не возвращается домой его колесница?
Что такъ медленны шаги пары его коней?
Самая умная изъ ея княгинь отвѣчаетъ ей, и сама она повторяетъ про себя слова ея:
Вѣрно нашли они, дѣлили добычу, дѣвушку, двѣ дѣвушки на каждаго мужа,
Добычу изъ разноцвѣтныхъ одеждъ для Сисары, добычу изъ разноцвѣтныхъ одеждъ, пестро раскрашенныхъ,
Цвѣтную матерію, два пестрыхъ покрывала на шею царицы!

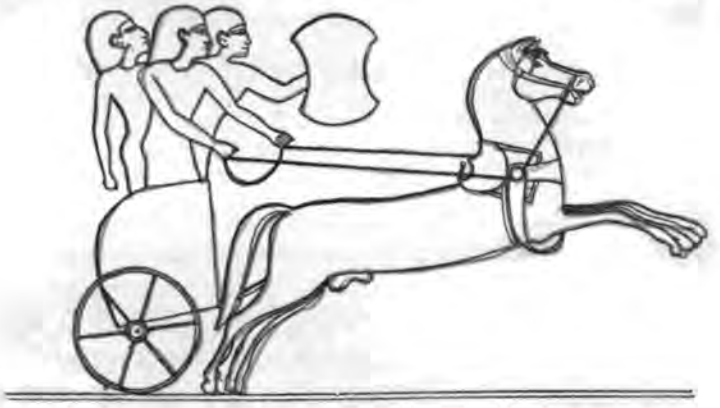
* * *

Такъ да погибнутъ всѣ твои враги, Ягве, но кто любитъ тебя пусть будетъ, какъ солнце, восходящее въ красѣ своей

Эта побѣдная пѣсня была записана въ «Книгу войнъ Ягве». Такъ называлось у древнихъ израильтянъ собраніе ихъ національныхъ пѣсенъ, посвященныхъ подвигамъ военныхъ героевъ и поэтическому описанію различныхъ моментовъ изъ эпохи кровавой борьбы Израиля за Ханаанъ. Составители историческихъ книгъ ветхаго завѣта пользовались этою «Книгою войнъ Ягве». Они брали оттуда и цѣлыя пѣсни, и отдѣльные отрывки изъ пѣсенъ, а содержаніе ихъ въ этомъ случаѣ пересказывали своими словами. Вѣроятно, изъ этой же книги авторъ книги Судей заимствовалъ всѣ свои разсказы о борьбѣ Израиля съ другимъ врагомъ, мадіанитянами, которые стали безпокоить израильскія племена, лишь только послѣднія отдохнули отъ борьбы съ хананеями.

Какъ мы знаемъ, мадіанитяне стали ссориться съ израильскими племенами еще въ пустынѣ. Теперь, когда во владѣніи Израиля оказалась земля Ханаанская, и онъ сталъ жить тамъ осѣдлою жизнью, мадіанитяне заняли его прежнія становища въ пустынѣ и сдѣ-

лались такимъ же врагомъ осѣдлыхъ израильтянъ, какимъ были кочевые израильтяне для хананеевъ. Отряды мадіанитянъ нападали на израильскія поселенія и нивы: когда посѣютъ израильтяне, приходятъ мадіанитяне вмѣстѣ съ пристававшими къ нимъ вольными дружинами амалекитянъ и другихъ степныхъ народцевъ, топчутъ посѣвы, уводятъ скотъ и не оставляютъ Израилю



Древне-палестинская боевая колесница.

для пропитанія ни овцы, ни вола, ни осла. Только сѣверныя племена не страдали отъ ихъ опустошительныхъ набѣговъ; южную Палестину степные хищники опустошали каждый годъ, проходя насквозь черезъ всю страну вплоть до моря.

А у моря появились другіе враги, филистимляне. Это были переселенцы съ сѣвера, изъ Малой Азіи; оттуда они пришли одновременно со вторженіемъ Израиля въ Ханаанъ и заняли узкую береговую полосу на югъ отъ того мѣста, гдѣ долина Іезреель выходитъ къ морю.

Для всѣхъ жителей Палестины, и прежнихъ хананеевъ и израильтянъ, это были чужаки, говорившіе на невѣдомомъ языкѣ, другого племени, молившіеся инымъ богамъ. Неизвѣстно, какого племени они были; но по своимъ круглымъ головамъ, непохожимъ на длинныя головы семитовъ, они походили на грековъ; быть можетъ, въ ихъ жилахъ, дѣйствительно, текла часть греческой крови. И по своимъ занятіямъ они не походили на жителей Палестины. Они настроили себѣ поселенія по берегу моря, построили Газу и Аскалонъ, сдѣлавшіеся впослѣдствіи большими городами, и оттуда на легкихъ судахъ выѣзжали въ море; одни изъ нихъ ловили рыбу, но другимъ такой мирный промыселъ казался недостаточнымъ, и многіе смѣльчаки подстерегали финикійскія торговыя суда, нападали на нихъ и грабили ихъ. Они пытались подчинить себѣ израильскія племена, такъ какъ описанный образъ жизни не могъ хорошо обезпечить. ихъ. Морскихъ разбойниковъ постоянно ловили и казнили финикіяне; морской разбой былъ промысломъ хоть и выгоднымъ, но очень опаснымъ. Рыбная ловля была бы хороша, какъ подспорье къ земледѣльческому промыслу, но земли было мало, а одной рыбой прожить было мудрено. Торговыя сношенія по морю давно уже были въ рукахъ финикіянъ, и съ ними пришельцамъ-филистимлянамъ было трудно тягаться. Оставалось завоевать новыя мѣста для поселенія; сосѣднія долины Палестины манили къ себѣ филистимлянъ, и они начали долгія кровопролитныя войны съ израильскими племенами за обладаніе «землей, текущей молокомъ и медомъ». Филистимляне были страшнымъ врагомъ для израильтянъ. Ихъ воины являлись на войну, закованные въ бронзовые доспѣхи; были у нихъ не только

пѣхотницы, но конные воины и боевыя колесницы. А бѣднымъ израильскимъ племенамъ приходилось сражаться противъ такихъ враговъ пѣшими. Еще съ мадіанитянами они справлялись: укрѣпили горные проходы, настроивъ надъ ущельями крѣпостцы, съ которыхъ можно было нападать на враговъ, осыпая ихъ камнями и тучами стрѣлъ; да и по вооруженію своему нестройныя толпы мадіанитянъ мало отличались отъ израильтянъ. Съ филистимлянами справиться было трудно, и потребовалась вся сила израильскихъ племенъ для того, чтобы освободиться отъ филистимской опасности.

Израильскимъ племенамъ было тѣмъ труднѣе, что среди нихъ было мало единодушія. Поселившись въ долинахъ Палестины, каждое племя зажило своею жизнью, отгороженное горами отъ братьевъ. Земля удовлетворяла всѣ нехитрыя потребности каждаго племени; свои мастера въ каждомъ колѣнѣ работали всѣ издѣлія, въ какихъ нуждались соплеменники, и поэтому въ частыхъ сношеніяхъ между племенами не было нужды. У каждаго племени въ своей области были свои священныя мѣста, у Іуды—Хевронъ и Бееръ-Шева, у Ефрема—Силомъ, у Манассіи—Іависъ, у Веніамина—Бетъ-Эль, Гибеонъ и Гива, у Дана—Бетъ-Шемешъ; поэтому племена рѣдко сходились и для общихъ религіозныхъ церемоній. Эта разрозненность давала печальные плоды. Восточно-іорданскія племена не сумѣли даже сохранить свою самостоятельность: Рувимъ и Симеонъ слились съ Моавомъ и Аммономъ и сошли со сцены, какъ самостоятельныя племена. Западно-іорданскія племена мало помогали другъ другу: когда врагъ нападалъ на какое-либо племя, другія племена рѣдко поднимались на помощь брату своей волей, развѣ только тогда, когда опасность грозила переки-

нуться и на нихъ. Когда Сисара напалъ на Иссахара, на помощь пришли только Ефремъ, Манассія да Кенезъ, а Рувимъ, Данъ, Асиръ, Завулонъ и Нефѳалимъ не тронулись съ мѣста. Такъ и во время нападеній мадіанитянъ и во время первыхъ столкновеній съ филистимлянами: каждое племя защищало само себя, мало заботясь о другихъ. Зато въ каждомъ племени, которому приходилось отбиваться отъ враговъ, появились теперь герои, становившіеся во главѣ собратьевъ и руководившіе борьбою. Поэтическія преданія объ этихъ герояхъ изображаютъ ихъ въ видѣ настоящихъ богатырей, г и б б о р и м ъ, какъ говорили израильтяне. Былины разсказываютъ, что этихъ богатырей выбиралъ и призывалъ на борьбу самъ богъ Ягве. Грозный богъ призывалъ ихъ прямо отъ сохи, они шли, собирали вокругъ себя дружину и съ помощью Ягве побѣждали враговъ. Такъ и наши былины разсказываютъ, что и нашъ богатырь, Илья Муромецъ, получилъ призваніе свыше: пришли къ нему калики перехожіе, божьи люди, дали ему силушки половинушку и благословили его бороться со степняками. Мы не можемъ теперь точно сказать, какіе богатыри были у израильтянъ дѣйствительно, какіе созданы народной фантазіей, и насколько можно вѣрить разсказамъ о ихъ подвигахъ. Больше всего сохранилось разсказовъ о трехъ герояхъ, Гедеонѣ, Іефѳаѣ и Самсонѣ.

Гедеонъ былъ родомъ изъ Манассіи; мадіанитяне во время одного изъ набѣговъ перебили всѣхъ его братьевъ. Разъ невдалекѣ отъ священнаго дуба въ Офрѣ онъ вымолачивалъ пшеницу, спрятавшись въ виноградное точило, чтобы укрыться отъ мадіанитянъ. Глядитъ, а подъ дубомъ сидитъ вѣстникъ Ягве и привѣтствуетъ

Гедеона: Ягве съ тобой, могучій герой! Только что Гедеонъ собрался возразить, что Ягве оставилъ свой народъ, отдавъ его на добычу мадіанитянамъ, какъ ужъ на мѣстѣ вѣстника Ягве оказался самъ Ягве, и благословляетъ Гедеона на борьбу съ мадіанитянами: ты избавишь Израиля отъ рукъ мадіанитянъ, я посылаю тебя! Тогда Гедеонъ тутъ же принесъ жертву Ягве: закололъ козленка и сдѣлалъ изъ муки прѣсныя лепешки, сварилъ изъ козленка похлебку, принесъ жертву подъ дубъ и предложилъ Ягве, положивъ ее на камень. Тогда Ягве послалъ чудесный огонь, пожравшій жертву. Увѣровавъ въ свое призваніе, Гедеонъ разослалъ пословъ по всему Манассіи, Асиру, Завулону и Нефѳалиму. Ягве далъ ему цѣлый рядъ знаменій и указалъ, какъ надо напасть на мадіанитянъ, чтобы уничтожить ихъ. Гедеонъ оставилъ себѣ только триста воиновъ, а мадіанитянъ съ амалекитянами было великое множество, точно саранча, верблюдовъ было у нихъ столько же, сколько песку на морскомъ берегу. Ночью Гедеонъ и его дружина вооружились трубами, взяли пустые кувшины и вложили въ нихъ свѣтильники; подкравшись къ стану мадіанитянъ, они ошеломили ихъ внезапнымъ свѣтомъ и звукомъ трубъ и, воспользовавшись переполохомъ, стали рубить ихъ, а потомъ преслѣдовали вплоть до восточно-іорданской страны. Досталась Гедеону и его ополченію огромная добыча; изъ захваченнаго у непріятеля серебра Гедеонъ выпросилъ себѣ у каждаго воина по серебряной серьгѣ, перелилъ эти серьги и сдѣлалъ изъ нихъ серебряный ефодъ, т.-е. серебряное изображеніе божества. Ефодъ этотъ онъ поставилъ въ Офрѣ, и прославился новый кумиръ на всю округу; въ Офру стали со всѣхъ сторонъ стекаться пилигримы

и приносить жертвы новому кумиру, спасителю отчизны. А Гедеонъ сталъ судить свое племя и править надъ нимъ, и всѣ признавали его власть: вѣдь онъ спасъ израильтянъ отъ рукъ мадіанитянъ. Когда же Гедеонъ умеръ, то одинъ изъ его сыновей, Авимелехъ, перебилъ всѣхъ своихъ братьевъ, завладѣлъ ефодомъ и священнымъ дубомъ и былъ провозглашенъ царемъ надъ Манассіей. Но власти его подчинялись неохотно: про него говорили, что нѣтъ у него права быть царемъ—отецъ его сражался за Манассію, не дорожилъ жизнью своей и избавилъ своихъ соплеменниковъ отъ ига мадіанитянъ, а Авимелехъ перебилъ своихъ братьевъ и кровавою рукою проложилъ себѣ путь къ престолу. Противъ него возстали сихемляне; едва справился онъ съ этимъ возстаніемъ, какъ пришлось итти усмирять другой городокъ, Тевецъ. А тамъ его ждала смерть: когда онъ хотѣлъ поджечь башню, въ которой скрылись всѣ жители Тевеца, одна женщина бросила сверху обломокъ жернова и проломила ему голову. Такъ печально кончилась власть Гедеонова дома.

Другой герой, Іефѳай, былъ родомъ изъ Гилеада, въ восточно-іорданской странѣ. Ему пришлось вмѣстѣ со своимъ племенемъ отбиваться отъ аммонитянъ. О подвигахъ его разсказывается мало; но съ особеннымъ интересомъ преданіе останавливается на трагической судьбѣ его дочери. Когда Іефѳай отправлялся въ походъ, онъ далъ обѣтъ, что если Ягве поможетъ ему, онъ принесетъ ему въ жертву первое, что выйдетъ къ нему навстрѣчу изъ воротъ его дома. Когда онъ возвращался съ побѣдой, навстрѣчу съ музыкой вышла къ нему его единственная дочь. Два мѣсяца въ горахъ оплакивала она свою предстоящую гибель, смерть дѣвушкой, и за-

тѣмъ отецъ исполнилъ надъ ней свой обѣтъ. И съ тѣхъ поръ ежегодно дочери израилевы оплакиваютъ четыре дня въ году дочь Іефѳая гилеадитянина.

Третій герой, Самсонъ, боролся съ филистимлянами. Это былъ необыкновенный человѣкъ; рожденіе его было предвозвѣщено вѣстникомъ Ягве, а до его рожденія мать его была неплодна; когда младенецъ родился и выросъ, въ него вселился духъ Ягве и надѣлилъ его богатырскою силой. Самсонъ растерзалъ льва, какъ козленка, когда левъ напалъ на него съ отцомъ и матерью; женился онъ на филистимлянкѣ, но поссорился съ соплеменниками жены, и когда тѣ, въ количествѣ трехъ тысячъ человѣкъ, окружили его и связали веревками, онъ сорвалъ съ себя веревки, схватилъ ослиную челюсть, сталъ ею избивать филистимлянъ и убилъ тысячу человѣкъ; разъ онъ ночевалъ въ Газѣ и унесъ на плечахъ ворота Газы на вершину горы около Хеврона. Погубила его любовь къ одной филистимской красавицѣ Далилѣ; филистимляне подкупили ее, чтобы она узнала, отъ чего зависитъ сила Самсона. Далила узнала, что сила Самсона въ его длинныхъ волосахъ; тогда Далила усыпила его и остригла ему волосы, и онъ лишился своей силы. Филистимляне овладѣли имъ, выкололи ему глаза и заставили его вертѣть жерновъ въ темницѣ. Между тѣмъ волосы Самсона отросли, а тутъ насталъ праздникъ въ честь Дагона, главнаго филистимскаго бога. Филистимскіе начальники велѣли привести Самсона въ храмъ, гдѣ происходило празднество, чтобы натѣшиться надъ нимъ. Самсонъ терпѣлъ-терпѣлъ, и, наконецъ, велѣлъ мальчику подвесть его къ столбамъ, на которыхъ покоился сводъ дома, уперся въ два сосѣдніе столба руками и свалилъ ихъ; домъ обру-

шился на филистимлянъ и задавилъ ихъ вмѣстѣ съ Самсономъ.

Эти разсказы содержатъ въ себѣ много сказочнаго. Больше всего сказочнаго въ разсказахъ о Іефѳаѣ и Самсонѣ. Можно думать, что разсказъ о Іефѳаѣ составленъ только для того, чтобы объяснить обычай ежегоднаго траурнаго празднества, который издавна совершали по какой-то причинѣ израильскія женщины. Нѣкоторые ученые думаютъ, что этотъ ежегодный трауръ сродни тѣмъ печальнымъ церемоніямъ, которыя ежегодно совершались въ разныхъ земледѣльческихъ странахъ востока осенью, когда увядала вся природа. Вавилоняне говорили: это Иштаръ, богиня любви, весны и радости, сошла въ преисподнюю, гдѣ ее мучатъ злые демоны, и унесла съ собою всю жизнь и тепло. И вавилонскія женщины съ плачемъ и рыданіемъ совершали траурное празднество въ честь спустившейся въ преисподнюю богини. Въ Малой Азіи и въ Греціи также оплакивали Персефону, дочь богини плодородія Деметры (матери земли); полгода Персефона проводила на землѣ, полгода подъ землею. Возможно, что въ странѣ Ханаанской было изстари такое же траурное осеннее празднество, которое израильтяне переняли отъ хананеевъ; чтобы объяснить его происхожденіе, легенду о народномъ героѣ Іефѳаѣ разукрасили мотивомъ о томъ, какъ ему пришлось принести въ жертву дочь. Легенда о Самсонѣ еще болѣе сказочная. Сразу видно, что Самсонъ, не просто человѣкъ, а полубогъ; а если мы вдумаемся поглубже въ его имя, то можемъ угадать даже, какое онъ представлялъ божество. По-еврейски имя Самсона произносится Schimschon; оно происходитъ отъ корня schemesch—солнце, и значитъ «солнышко». А у фили-

стимлянъ и финикіянъ, сосѣдей израильтянъ, былъ миѳъ о Мелькартѣ, солнечномъ богѣ, который, какъ мы знаемъ, совершилъ двѣнадцать подвиговъ, дошелъ до конца земли и поставилъ тамъ два столба. Въ числѣ подвиговъ Мелькарта разсказывалось о сраженіи со львомъ; о солнечномъ вавилонскомъ героѣ Гильгамешѣ также разсказывали, что онъ боролся со львомъ, и что его постигла бѣда тоже изъ-за любви, къ бо-

Сраженіе Гильгамеша со львомъ.

гинѣ Иштаръ; греки приписали подвиги Мелькарта и Гильгамеша своему солнечному богу Гераклу. Сходство между исторіей Геракла и Самсона такъ ясно, что еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. церковный писатель Евсевій называлъ Геракла языческой копіей съ Самсона. У Мелькарта двѣнадцать подвиговъ: солнце въ теченіе года проходитъ по небу черезъ двѣнадцать созвѣздій зодіака, и двѣнадцать подвиговъ пріурочены къ этимъ двѣнадцати созвѣздіямъ. Подвиговъ Самсона только семь; но быть мо-

жетъ, въ старину легенда о Самсонѣ была длиннѣе и содержала тоже двѣнадцать подвиговъ.

Больше всего историческаго зерна мы находимъ въ разсказѣ о Гедеонѣ. Тутъ можно многому повѣрить, можно многое узнать изъ быта и нравовъ древняго Израиля. Можно повѣрить, что во время военной непогоды израильтяне больше всего призывали своего грознаго бога и временно забывали культъ мирнаго Ваала. Можно повѣрить, что Гедеонъ, дѣйствительно, существовалъ, и мы даже можемъ понять, почему именно онъ вышелъ на борьбу съ мадіанитянами: это былъ для него долгъ мести за павшихъ отъ предательскаго нападенія братьевъ. Но самое главное и интересное, что мы узнаемъ изъ преданій о Гедеонѣ и о другихъ вождяхъ, отъ которыхъ иной разъ сохранились только имена, заключается въ слѣдующемъ: нѣкоторые вожди племенъ послѣ побѣды надъ врагами не утрачивали своей власти. Во время войны всѣ имъ повиновались, и иначе было нельзя: только всеобщимъ подчиненьемъ одному вождю можно было спасаться отъ грозной опасности. Когда война оканчивалась, земля успокаивалась отъ враговъ, и ополченцы расходились подъ свои смоковницы и въ свои виноградники, все-таки нѣкоторые побѣдоносные вожди продолжали пользоваться почетомъ и властью: они судили народъ, какъ разсказываютъ преданія. Такихъ вождей, сохранившихъ свою власть послѣ войны, въ народѣ прозывали судьями, софетами по-еврейски; и книга Библіи, гдѣ собраны разсказы о подвигахъ и дѣлахъ народныхъ вождей во время войнъ за независимость, названа «книгой Судей». Если мы не всегда вѣримъ въ правдивость разсказовъ о чудесныхъ подвигахъ героевъ, то мы вполнѣ повѣримъ, что многіе изъ та-

кихъ героевъ были дѣйствительно судьями, судили народъ. Что же такое это значитъ судить народъ?

Пока израильскія племена кочевали по пустынѣ, не было большой нужды въ правильномъ судѣ. Если кто обижалъ другого, и обиженный и обидчикъ были родственники, то они обращались за разрѣшеніемъ своего спора къ старѣйшинѣ, къ патріарху; если обиженный и обидчикъ были чужіе, то они рѣшали дѣло борьбою; за того и другого вступались родственники, и начиналась война по правилу: око за око, зубъ за зубъ. Но когда израильскія племена поселились въ странѣ Ханаанской, стали вести осѣдлую земледѣльческую жизнь, прежніе способы разрѣшенія споровъ и отмщенія обидъ стали неудобными. Разселившись врозь, родственники стали рѣже видаться; отъ этого и власть старѣйшинъ ослабѣла; кровопролитныя войны и совсѣмъ уже были неудобны, такъ какъ онѣ разоряли хозяйство земледѣльца. Къ кому же обращаться за разрѣшеніемъ споровъ и за наказаніемъ обидъ? Естественнѣе всего къ такому человѣку, который лучше всего можетъ разсудить; а лучше всего можетъ разсудить такой человѣкъ, который знаетъ способы вступать въ сношенія съ самимъ божествомъ, узнавать его волю. Въ особенности, когда дѣло темное, когда преступникъ неизвѣстенъ, успѣлъ скрыться — какъ узнать его, чтобы наказать виновнаго, и чтобы не пострадалъ невинный? Надо спросить бога, богъ знаетъ и видитъ больше, чѣмъ люди, и онъ укажетъ виновника. А узнавать волю бога умѣетъ лучше всего тотъ человѣкъ, который постоянно служитъ богу, жрецъ бога. Жрецомъ, правда, въ ту пору могъ быть всякій: всякій могъ приносить божеству жертву по тому или другому случаю, не приглашая для этого профессіональ-

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

наго жреца; такъ Гедеонъ, одинъ изъ самыхъ славныхъ героевъ борьбы противъ мадіанитянъ, принесъ Ягве жертву на полѣ, когда къ нему во время молотьбы явился вѣстникъ Ягве и приказалъ итти противъ мадіанитянъ. Гедеонъ тутъ же приготовилъ жертву, набралъ на полѣ камней, сдѣлалъ изъ нихъ жертвенникъ и принесъ божеству жертву. Но въ священныхъ мѣстахъ, пользовавшихся всеобщимъ почитаніемъ, были профессіональные жрецы: они заботились о поддержаніи священнаго мѣста въ должномъ порядкѣ, охраняли статуи бога, если такія имѣлись, приносили для желающихъ жертвы, и они же узнавали волю боговъ. Для этого они носили при себѣ особые жребіи, уримъ и туммимъ; посредствомъ этихъ жребіевъ они узнавали волю Ягве, получали отъ него отвѣты, и потомъ возвѣщали ихъ народу, какъ тору (законъ) Ягве. Въ библіи мы находимъ любопытный примѣръ того, какъ жрецы посредствомъ гаданія узнавали преступника, если онъ не былъ обнаруженъ. Когда израильтяне завоевали Іерихонъ, они дали клятву ничѣмъ изъ добычи не пользоваться: все подъ заклятіемъ, все отдано Ягве. Но послѣ побѣды надъ Іерихономъ, они потерпѣли страшное пораженіе отъ жителей Гаи. Стали доискиваться причины, почему Ягве отказалъ имъ въ помощи. Іисусъ Навинъ спрашивалъ Ягве, и тотъ во снѣ отвѣтилъ Іисусу, что кто-то взялъ изъ заклятаго послѣ побѣды надъ Іерихономъ. На утро Іисусъ собралъ весь народъ и сталъ бросать жребій; сначала жребій указалъ колѣно, потомъ семейство; потомъ члены семьи подходили по одному человѣку, и жребій указалъ виновника. Виновникъ сознался и отдалъ то, что взялъ изъ заклятаго; вещи уничтожили, а преступника побили камнями; и куча камней, набросанныхъ на Ахана, уцѣ-

лѣла до сего дня,—прибавляетъ разсказчикъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли было все то, что разсказано въ этой легендѣ; быть можетъ, хотѣли только объяснить, откуда взялась около Гаи такая большая куча камней. Но обычай, описанный въ легендѣ, конечно, былъ срисованъ съ натуры; когда не знали преступника, обращались къ Ягве, и Ягве, посредствомъ гаданія, указывалъ его. Такъ поступали не одни евреи. Всѣ малокультурные народы обращаются въ затруднительныхъ случаяхъ къ суду божію. Лучше всего извѣстны сходные обычаи старинныхъ германцевъ, основателей теперешнихъ европейскихъ государствъ. У германцевъ даже всегда прибѣгали къ суду божію: предлагали обвиняемому очиститься посредствомъ испытанія кипящей водой или раскаленнымъ желѣзомъ, либо узнавали преступника посредствомъ разнаго рода гаданій, или предлагали спорящимъ биться. Поединокъ такъ и назывался судомъ божіимъ. А у древнихъ славянъ къ суду божію прибѣгали въ такихъ же случаяхъ, какъ и у древнихъ израильтянъ: когда не было «видоковъ и послуховъ», т. е. свидѣтелей, которые видѣли или слышали, то прибѣгали къ божьему суду.

Итакъ, въ обычное время судъ совершали старѣйшины или жрецы; въ трудныхъ случаяхъ безъ жрецовъ никакъ нельзя было обойтись. Но когда появились народные вожди, которыхъ народъ считалъ призванными самимъ божествомъ, ихъ власть и авторитетъ стали казаться еще выше, чѣмъ авторитетъ жрецовъ. Жрецъ служитъ только въ опредѣленномъ мѣстѣ, божеству этого мѣста; сегодня жрецъ здѣсь, а завтра тамъ; было много бродячихъ жрецовъ, которые нанимались къ состоятельнымъ людямъ, имѣвшимъ свои домашнія святилища съ ефо-

дами. Жрецовъ было много, и не ко всѣмъ могло быть довѣріе: можетъ быть, жрецъ знаетъ науку гаданій, а можетъ быть, и нѣтъ, можетъ быть, онъ угоденъ божеству, а можетъ быть, и нѣтъ. Поэтому, когда появились такіе народные вожди, какъ Гедеонъ или Іефѳай, въ трудныхъ случаяхъ естественнѣе всего было обратиться къ такому вождю. Если кто былъ недоволенъ рѣшеніемъ судьи-жреца, или судья-жрецъ отказывался своими силами разрѣшить дѣло, можно было обратиться къ судьѣ-вождю. Судья-вождь рѣшалъ дѣло, и если онъ оказывался хорошимъ судьею, то его власть упрочивалась, и онъ богатѣлъ. За судъ ему давали подарки, приносили жертвы въ его святилище его ефоду, и такой вождь могъ стать чрезвычайно могущественнымъ. Можно повѣрить, что такимъ могущественнымъ царькомъ сдѣлался Гедеонъ, послѣ смерти Гедеона — Авимелехъ и другіе судьи-вожди. Съ теченіемъ времени власть такихъ вождей-судей должна была усиливаться, военный вождь могъ стать, подобно Гедеону, царемъ и основать династію. Такимъ царемъ изъ военныхъ вождей сдѣлался во время борьбы съ филистимлянами Саулъ, а послѣ него въ Іудѣ сдѣлался царемъ Давидъ, который и основалъ династію царей, правившихъ южной Палестиной вплоть до разрушенія іудейскаго царства вавилонянами.

За тысячу съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х. (около 1050 года) филистимляне грозили окончательно уничтожить самостоятельность израильскихъ племенъ. Въ борьбѣ съ ними израильтяне прибѣгли къ послѣднему средству: взяли на поле битвы ковчегъ Ягве, стоявшій тогда въ Силомѣ; для ковчега тамъ былъ выстроенъ небольшой храмъ, а хранителями его была жреческая фамилія

Эли; Эли послалъ вмѣстѣ съ ковчегомъ двухъ своихъ сыновей. Но въ новой битвѣ израильтяне также потерпѣли страшное пораженіе, и филистимляне даже взяли въ плѣнъ ковчегъ Ягве; сыновья Эли погибли въ битвѣ, а самъ Эли скоропостижно умеръ, какъ только услыхалъ о позорномъ пораженіи и потерѣ святыни. Однако, филистимляне скоро возвратили ковчегъ, приписавъ его волшебному дѣйствію рядъ несчастій, обрушившихся въ это время на ихъ города; но возвращеніе ковчега не помогло Израилю, и онъ оставался данникомъ филистимлянъ. Въ довершеніе бѣдствій, въ Гилеадѣ, за Іорданомъ, появились опять орды аммонитянъ и грозили взять крѣпостцу Іависъ, на самомъ берегу Іордана. Въ это тяжелое время въ Веніаминѣ появился энергичный борецъ за свободу Израиля; звали его Саулъ. Онъ и сталъ первымъ настоящимъ царемъ въ Израилѣ.

О воцареніи Саула сохранилось много преданій; послѣ Давида Саулъ былъ любимымъ народнымъ героемъ. Одно преданіе разсказывало, что Саулъ выдвинулся геройскимъ подвигомъ освобожденія Іависа отъ аммонитянъ. Вождь аммонитянъ, Наасъ, осадившій Іависъ, соглашался заключить миръ съ жителями Іависа только на такомъ условіи: выколоть каждому правый глазъ и наложить тѣмъ безчестіе на всего Израиля;—и далъ шесть дней сроку. Осажденные послали по всему Израилю пословъ съ просьбой помочь имъ; когда они пришли въ Гиву, гдѣ жилъ Саулъ, послѣдній гналъ воловъ съ поля. Когда онъ услыхалъ дерзкое предложеніе Нааса, въ него вселился духъ Ягве, онъ пришелъ въ бѣшенство, разсѣкъ воловъ на части и разослалъ по всему Израилю со словами: «такъ поступлю я съ волами всякаго, кто не пойдетъ со мною помогать Іавису». На

кличъ Саула сошлось множество добровольцевъ изъ Веніамина, Іуды и Ефрема, и это ополченіе подъ предводительствомъ Саула выручило Іависъ. Тогда ополченіе, перейдя обратно черезъ Іорданъ, въ Гилгалѣ провозгласило Саула царемъ. Ходили разсказы, что Саула заранѣе указалъ Ягве, чрезъ жреца и прорицателя Самуила. Самуилъ былъ особымъ любимцемъ боговъ; его рожденіе было такъ же таинственно, какъ и рожденіе Самсона, а воспитывался онъ въ Силомѣ, при храмѣ Эли. Во времена Саула Самуилъ славился своей прозорливостью; Саулъ случайно будто бы встрѣтился съ нимъ еще раньше дѣла подъ Іависомъ, отыскивая пропавшихъ ослицъ. Рабъ, сопровождавшій Саула, посовѣтовалъ Саулу обратиться за совѣтомъ относительно отысканія ослицъ къ Самуилу; а Ягве заранѣе во снѣ предупредилъ Самуила, что къ нему придетъ будущій царь и избавитель народа отъ филистимскаго ига. Когда Саулъ пришелъ къ Самуилу, послѣдній приносилъ жертву на высотѣ; онъ отдѣлилъ Саулу лучшую долю жертвеннаго пира, сказалъ, что ослицы уже нашлись, а на утро помазалъ Саула въ цари. Было ли такъ, мы не знаемъ; но на Саула смотрѣли такъ же, какъ на Гедеона, какъ на вождя народа, въ котораго вселился духъ Ягве, грознаго бога войны и мщенія. Саулъ составилъ себѣ ополченіе изъ сильныхъ и воинственныхъ людей и началъ рѣшительную борьбу противъ филистимлянъ; при Михмасѣ ему удалось одержать надъ ними блестящую побѣду, а затѣмъ такую же побѣду онъ одержалъ надъ степными кочевниками амалекитянами. Послѣ этихъ побѣдъ всѣ южныя и восточныя израильскія племена признали его царемъ; въ своей родной Гивѣ, подъ развѣсистымъ тамарискомъ, окруженный блестящей свитой изъ молодыхъ мужествен-

ныхъ героевъ, совершалъ онъ судъ и расправу. Но филистимляне не были окончательно замирены; они скоро оправились отъ нанесенныхъ имъ пораженій; и война съ ними возобновилась съ новой силой. Тогда-то и выдвинулся соперникъ Саула, будущій царь Давидъ.

VI.

Царь Давидъ.

Саулъ со своей дружиной возвращался послѣ одной побѣды надъ филистимлянами въ свою резиденцію Гиву. Дружина гнала и несла огромную добычу, а въ свитѣ Саула шли его самые близкіе дружинники, въ томъ числѣ одинъ изъ главныхъ военноначальниковъ, молодой вождь Давидъ. По обычаю, женщины и дѣвушки высыпали навстрѣчу побѣдителямъ съ пѣніемъ, плясками и игрою на кимвалахъ; глядя на красавца Давида, шедшаго рядомъ съ царемъ Сауломъ, онѣ тутъ же импровизовали пѣсню: «Саулъ поразилъ тысячи, а Давидъ—десятки тысячъ!» Эта пѣсня повторялась на всѣ лады и скоро пошла по всему Израилю. Тотъ, въ честь котораго она была составлена, былъ еще молодъ, но уже успѣлъ стяжать себѣ громкую всенную славу; Саулъ уже началъ недоброжелательно поглядывать на него, видя въ немъ будущаго соперника.

Послѣдующія поколѣнія, преклоняясь передъ славой царя Давида, приписали ему неслыханные подвиги, прославившіе его будто бы еще въ дѣтствѣ. Какъ вокругъ всякаго замѣчательнаго человѣка, такъ и вокругъ Давида сплелся цѣлый вѣнокъ легендъ. Разсказывали, что самъ Ягве, разочаровавшись въ Саулѣ, который оказался не

Давидъ. Гвидо Рени.

вполнѣ послушнымъ слугою божества, внушилъ Самуилу пойти въ Бетъ-Лехемъ (Виѳлеемъ), гдѣ была родина и мѣстожительство семьи Давида, и помазать его въ будущіе цари. Давидъ былъ самый младшій въ семьѣ, еще совсѣмъ мальчикъ; но когда Самуилъ помазалъ Давида на царство, духъ Ягве сейчасъ же вселился въ мальчика, и этотъ тщедушный юнецъ черезъ нѣсколько дней одолѣлъ на поединкѣ филистимлянскаго великана, Голіаѳа. Эти чудесныя приключенія прославили имя Давида по всему Израилю; съ тѣхъ поръ на Давида стали смотрѣть, какъ на избранника Ягве. Такіе разсказы ходили про Давида; и народная масса, всегда склонная вѣрить всему чудесному, любящая окружать своихъ героевъ сверхъестественной славой, свято хранила ихъ въ своей памяти, забывая про дѣйствительную исторію возвышенія Давида. На самомъ дѣлѣ все было гораздо проще. Саулъ иногда страдалъ припадками тоски и меланхоліи; какъ тогда думали, въ него вселился злой духъ и мучилъ его. Чтобы прогнать злого духа, Саулу посовѣтовали пригласить человѣка, умѣющаго хорошо играть на гусляхъ: злой духъ услышитъ музыку и уйдетъ изъ Саула. Такимъ способомъ, игрой на музыкальныхъ инструментахъ, барабаннымъ боемъ и другими подобными же звуками и теперь еще дикіе и полудикіе народы стараются прогнать «злыхъ духовъ». Давидъ славился, какъ хорошій музыкантъ; былъ онъ родомъ изъ Іуды, жилъ неподалеку отъ Веніамина. Саулъ послалъ за нимъ и взялъ его къ себѣ; музыка Давида помогала Саулу, и царь сдѣлалъ его сначала оруженосцемъ, а потомъ, когда Давидъ отличился въ бояхъ, далъ ему команду надъ цѣлымъ отрядомъ и даже выдалъ за него свою дочь Михаль.

Но слава Давида не давала покоя Саулу. И вотъ

напалъ однажды на Саула злой духъ, и сталъ царь бѣсноваться, а Давидъ въ это время игралъ по обычаю. Въ рукахъ у Саула было копье, и подумалъ Саулъ: «пригвожду Давида къ стѣнѣ»—и бросилъ въ него копьемъ. Но Давидъ уклонился отъ удара и остался цѣлъ; однако, послѣ этого случая онъ рѣшилъ бѣжать. На юго-западъ отъ Веніамина, въ западномъ углу Іудейской пустыни, на самой границѣ филистимской земли, были Адулламскія горы, пустынное и дикое мѣсто. Туда-то и бѣжалъ Давидъ; скоро къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться недовольные и обиженные люди. Приходили къ нему больше всего мелкіе люди, попавшіе въ кабалу за долги и не хотѣвшіе жить въ неволѣ; но приходили и дружинники Саула, не поладившіе съ царемъ и теперь переходившіе на сторону его врага. Составилась сильная дружина, съ которой Давидъ сталъ вести вольную жизнь горнаго разбойника. Скоро къ нему пришла еще помощь. Саулъ поссорился съ Ахимелехомъ, главнымъ жрецомъ самаго крупнаго въ то время святилища Ягве въ Нобѣ, за то, что Ахимелехъ оказалъ Давиду помощь во время бѣгства. Боясь, что Ахимелехъ и его помощники и впредь будутъ помогать Давиду, спрашивать для него совѣта у Ягве, приносить за него жертвы, Саулъ послалъ въ Нобъ отрядъ дружинниковъ съ приказаніемъ истребить Ахимелеха и остальныхъ жрецовъ Ягве. Спасся отъ этой кровавой бойни только одинъ сынъ Ахимелеха, Авіаѳаръ. Онъ захватилъ ефодъ и съ этой драгоцѣнной святыней убѣжалъ къ Давиду. Теперь Давидъ вполнѣ былъ доволенъ: онъ могъ дѣйствовать не наудачу, а передъ каждымъ дѣломъ спрашивать Ягве. А у Саула не осталось поддержки среди жрецовъ; пробовалъ онъ самъ спрашивать Ягве, но не умѣлъ

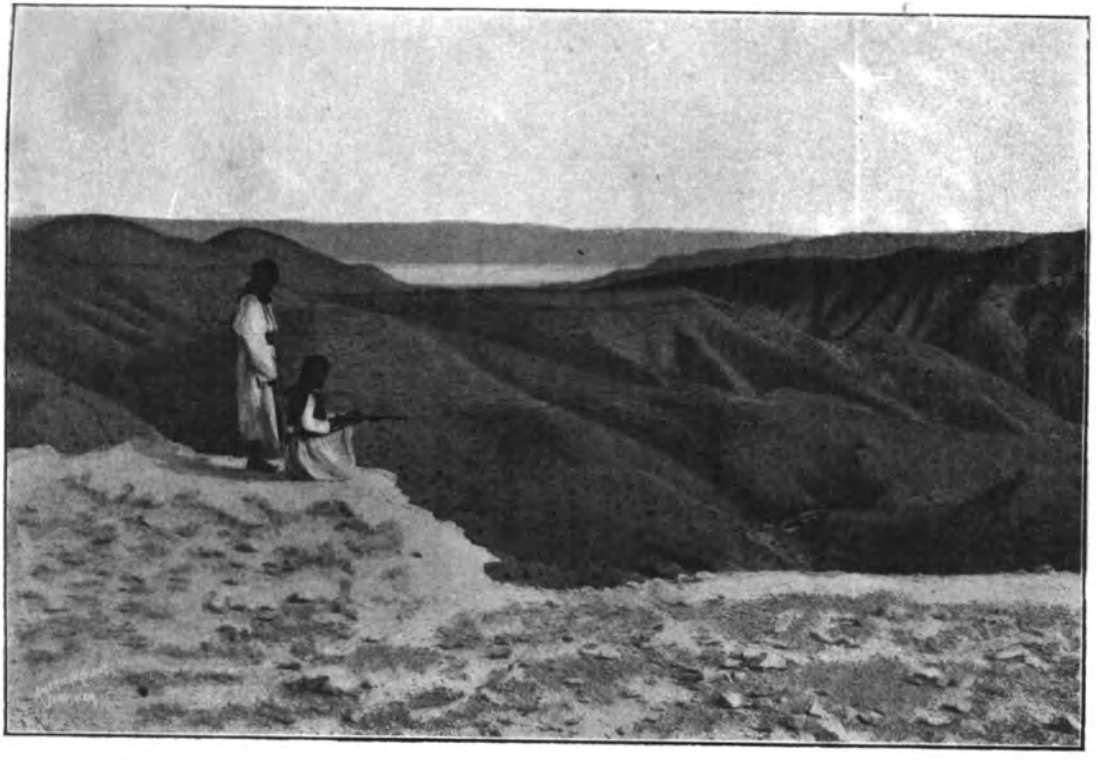
бросать уримъ и туммимъ, а когда загадывалъ увидѣть сонъ, ничего изъ этого не выходило. Ягве былъ съ Давидомъ, съ Сауломъ остался одинъ злой духъ.

Когда у Давида составилась своя большая дружина, она не хотѣла оставаться безъ дѣла. Для молодецкой удали нуженъ былъ выходъ; можно было бы сражаться съ филистимлянами, но Давиду не хотѣлось ссориться съ ними—вѣдь они были враги Саула, преслѣдовавшаго Давида. А въ Адулламской пустынѣ поживы большой не было. Тогда Давидъ съ дружиной перешелъ ближе къ Мертвому морю, къ горѣ Кармилъ, на цвѣтущихъ склонахъ которой паслись многочисленныя стада тамошнихъ вождей. Богаче всѣхъ былъ вождь Навалъ; у него было три тысячи овецъ и тысяча козъ, и была у него жена Авигаиль, умная и красавица, а самъ Навалъ вполнѣ оправдывалъ свое имя—былъ тупъ и злобенъ (Навалъ по-еврейски значитъ глупецъ). Весною пришелъ праздникъ стрижки овецъ; у скотоводовъ это былъ большой праздникъ, во время котораго устраивались богатые жертвенные пиры для всѣхъ домашнихъ. Давидъ послалъ къ Навалу десять человѣкъ и поручилъ сказать: «миръ тебѣ и всему дому твоему. Слышалъ я, что ты стрижешь теперь овецъ; а пастухи твои пасли овецъ рядомъ съ нами, и мы ничѣмъ ихъ не обидѣли, ничего у нихъ не пропало, пока они были на Кармилѣ—спроси ихъ самъ, они тебѣ скажутъ это. Будь же дружественен къ моимъ людямъ, они пришли къ тебѣ на праздникъ! Дай рабамъ твоимъ и рабу твоему Давиду, что найдется у тебя подъ рукою». Услыхавъ эти слова, Навалъ отвѣтилъ грубымъ отказомъ. «Кто такой Давидъ? Кто такой сынъ Исаи (Іессея)? Теперь много рабовъ, бѣжавшихъ отъ своего господина! Стану я давать никому

неизвѣстнымъ людямъ хлѣбъ, вино и жертвенный скотъ, который я закололъ для моихъ стрижниковъ!» Когда посланные вернулись къ Давиду съ этимъ отказомъ, онъ тотчасъ же приказалъ готовиться къ нападенію на Навала. Между тѣмъ Авигаиль узнала о всемъ происшедшемъ и стала думать, какъ бы отвратить грозную опасность. Поспѣшно взяла она двѣсти хлѣбовъ, два мѣха съ виномъ, пять свѣжеванныхъ овецъ, пять мѣръ сушеныхъ зеренъ, сто кистей изюму и двѣсти связокъ смоквъ, велѣла навьючить все это на ословъ и въ сопровожденіи слугъ отправилась въ пустыню къ Давиду, ничего не сказавъ мужу. Въ горахъ она встрѣтилась съ Давидомъ; грозный разбойникъ съ дружиной уже шелъ громить Навала и клялся, что до утра не останется въ живыхъ ни одного мужчины въ домѣ Навала. Авигаиль, увидавъ Давида, сошла съ осла и униженно стала молить о пощадѣ. «Не обращай вниманія на мужа моего,—говорила она,—глупецъ онъ, и глупость его всегда съ нимъ; а я не видала слугъ господина моего, которыхъ ты присылалъ къ Навалу. Но да не допуститъ Ягве руку твою до пролитія крови, и пусть будутъ, какъ Навалъ, всѣ враги твои и всякій, кто вздумаетъ напустить зло на господина моего! Вотъ подарки, которые раба твоя принесла для людей твоихъ». И еще разъ Авигаиль пожелала Давиду всякой удачи, а его врагамъ скорой гибели. Давидъ смягчился. «Благословенъ Ягве, богъ Израиля, пославшій тебя мнѣ навстрѣчу, ибо если бы ты не пришла и не удержала меня, то—живъ Ягве!—до разсвѣта утренняго не осталось бы въ домѣ Навала ни одного мужа!» Вождь принялъ подарки и вернулся въ свое становище. А когда Авигаиль пришла домой, то увидала, что у Навала пиръ, и самъ

онъ совсѣмъ пьянъ, такъ что только на утро она могла разсказать ему, какой страшной опасности онъ подвергался во время вчерашняго пира. Услыхалъ это Навалъ, и сердце стало у него, какъ камень; а черезъ десять дней Ягве совсѣмъ убилъ его. Когда слухи о смерти Навала дошли до Давида, онъ сейчасъ же послалъ своихъ дружинниковъ ко вдовѣ: Авигаиль очень ему приглянулась, и онъ велѣлъ привести ее къ себѣ, чтобы сдѣлать ее своею женою. Авигаиль повиновалась и тотчасъ же поѣхала къ Давиду; женившись на ней, Давидъ сталъ самымъ богатымъ вождемъ во всей округѣ. .

Мы не знаемъ теперь, навѣрно ли происходило то, что описано въ этомъ поэтическомъ разсказѣ. Но пусть и Навалъ и Авигаиль созданы народной фантазіей; зато какими яркими красками описана тутъ вольная жизнь будущаго царя, создающаго себѣ дружину, богатство и славу. Можетъ быть, не только у Кармила Давидъ прославился своими подвигами; можетъ быть, не одинъ Навалъ палъ его жертвою, не одни люди Навала трепетали при его имени. По взглядамъ тогдашняго времени, худого въ его жизни ничего не было: не онъ одинъ жилъ добычей, такъ поступали и всѣ его сосѣди. Поссорятся другъ съ другомъ—начинается война, и побѣдителю достается въ добычу все имущество побѣжденнаго, а самъ онъ, его семья и слуги или истребляются, или попадаютъ въ рабство къ побѣдителю. Такъ поступалъ раньше Давида Авимелехъ, такъ собирался поступить съ жителями Іависа царь Амалека. Но Давидъ былъ все-таки не пара всѣмъ прочимъ вождямъ южнаго Израиля. Онъ былъ изъ дружины Саула, царя Веніамина и Ефрема; у него было блестящее военное прошлое, и въ будущемъ онъ могъ занять



Іудейская пустыня. Съ фотографіи.

мѣсто Саула; у него въ дружинѣ былъ жрецъ одного изъ самыхъ почитаемыхъ святилищъ; поэтому его удача приписывалась вмѣшательству и помощи Ягве. «Ты ведешь войны Ягве», говорила ему еще Авигаиль. И имя Давида постепенно окутывалось особымъ блескомъ; вокругъ него сталъ сплетаться вѣнокъ легендъ; не было человѣка популярнѣе его въ южномъ Израилѣ.

Саулъ не могъ остаться равнодушнымъ къ успѣхамъ Давида. Съ дружиной онъ отправился въ пустыню преслѣдовать своего соперника. Соглядатаи Давида донесли ему, что царь Веніамина ищетъ его; Давиду пришлось спасаться. И сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: «когда-нибудь попаду я въ руки Саула; лучше бѣжать мнѣ въ землю филистимскую». Страна враговъ Саула была, дѣйствительно, для него лучшимъ убѣжищемъ. Царекъ филистимской области Гата, Ахисъ, съ радостью принялъ Давида и заключилъ съ нимъ договоръ. Самъ Ахисъ жилъ въ большомъ укрѣпленномъ замкѣ, но были у него маленькіе замки, которые онъ раздавалъ своимъ военнымъ людямъ за службу; вмѣстѣ съ замкомъ давалъ онъ и окрестную область, доходами съ которой дружинникъ могъ кормиться. Такъ поступали тогда всѣ царьки и князьки, и Саулъ, и другіе филистимскіе князья; и всегда поступали такъ князья и царьки всѣхъ другихъ народовъ въ такое время, когда мало денегъ, и приходится вознаграждать за службу землею. Ахисъ далъ Давиду за службу замокъ Сиклагъ. Этотъ замокъ стоялъ на самой границѣ пустыни и служилъ защитой отъ набѣговъ амалекитянъ, не дававшихъ покою и филистимлянамъ. Давидъ часто дѣлалъ экспедиціи въ пустыню и угонялъ каждый разъ огромную добычу; онъ пригонялъ ее въ Гатъ, къ своему

господину Ахису, и тотъ дѣлился съ нимъ. Но не всѣ филистимскіе князьки такъ довѣряли Давиду и дорожили имъ. Когда снова возгорѣлась война между филистимлянами и Сауломъ, Ахисъ хотѣлъ взять съ собою Давида. Но другіе князьки, увидавъ въ ополченіи Ахиса Давида съ его дружиной, побоялись, какъ бы этотъ прославленный герой не измѣнилъ филистимлянамъ и не перешелъ на сторону своихъ соплеменниковъ. «Отпусти этого мужа», сказали они Ахису: «пусть онъ сидитъ въ своемъ мѣстѣ, которое ты ему далъ, и не идетъ съ нами на войну, а то какъ бы не сдѣлался онъ противникомъ нашимъ». Ахисъ послушалъ ихъ совѣта и отпустилъ Давида съ дружиной въ Сиклагъ. А филистимляне пошли на Саула.

У горъ Гильбоа Саулъ и филистимляне сошлись лицомъ къ лицу. Увидалъ Саулъ станъ филистимскій и ужаснулся: никогда не было передъ нимъ такого грознаго непріятеля. Филистимляне собрали всѣ свои силы, чтобы окончательно побѣдить Саула и отплатить ему за прежнія пораженія. Саулъ побоялся начинать сраженіе, не спросивъ бога. На ночь задумалъ онъ вопросъ Ягве, но во снѣ богъ не явился къ нему; утромъ онъ бросилъ уримъ и туммимъ, но отвѣта тоже не было; позвалъ царь гадателей, которые стали кружиться въ дикой пляскѣ, пѣли, падали на землю съ пѣной у рта, терзали себя,—но и тутъ неудача: нѣтъ отвѣта отъ Ягве. Саулъ пришелъ въ ужасъ: Ягве, должно быть, окончательно отвернулся отъ него. Осталось только одно средство узнать волю Ягве: вызвать душу Самуила, того самаго прорицателя, который когда-то помогъ ему сдѣлаться царемъ. Саулу сказали, что есть въ Эндорѣ колдунья, которая умѣетъ вызывать души умершихъ.

Ночью Саулъ съ двумя товарищами пошелъ къ ней; она жила въ горахъ, въ пещерѣ, куда вела трудная дорога. Увидѣвъ царя, колдунья затряслась отъ страха и не сразу согласилась вызвать Самуила; только когда царь далъ ей обѣщаніе, что ей ничего не будетъ, каковъ бы ни былъ результатъ волшебства, она стала священнодѣйствовать. Душу умершаго лучше всего можно было привлечь вкусной жертвой и заклинаніемъ, въ которомъ душа приглашалась прилетѣть на приготовленный ей пиръ. Колдунья развела костеръ и положила на него жертву, а сама стала прыгать кругомъ костра, дико выкрикивая заклинанія. И вотъ ей показалось, что изъ земли показывается божественная тѣнь Самуила; онъ былъ одѣтъ въ то самое длинное одѣяніе, въ которомъ его похоронили, и медленно-медленно поднимался изъ-подъ земли. «Зачѣмъ ты тревожишь меня?» спросила тѣнь Саула. Саулъ отвѣтилъ, что Ягве не отвѣчаетъ ему ни во снѣ, ни черезъ жребій, ни черезъ гадателей; пусть Самуилъ научитъ его, что дѣлать. Отвѣтъ Самуила былъ неутѣшительный: «завтра ты и твой сынъ будете со мною, а лагерь Израиля Ягве предастъ въ руки филистимлянъ». И на другое утро все сбылось такъ, какъ предсказалъ Самуилъ. Войско Саула было разбито, а самъ онъ и сынъ его, Іонаѳанъ, были убиты. О павшемъ героѣ вспомнили жители Іависа, когда-то спасенные Сауломъ отъ аммонитянъ. Они подобрали его трупъ и похоронили подъ развѣсистымъ дубомъ; а въ народѣ пошла о Саулѣ и Іонаѳанѣ пѣсня, которую будто бы сочинилъ самъ Давидъ:

Краса твоя, о Израиль, лежитъ, пораженная на твоихъ высотахъ!
Какъ пали герои!
Не возвѣщайте объ этомъ въ Тирѣ,

Не разсказывайте на улицахъ Аскалона,
Чтобы дочери филистимскія не радовались,
Не ликовали дочери необрѣзанныхъ!..
О вы, горы Гильбоа!
Пусть не падаетъ ни роса, ни дождь на васъ, горы смерти,
Гдѣ лежитъ во прахѣ щитъ героевъ,
Щитъ Саула, помазаннаго масломъ.
Отъ крови убитыхъ, отъ руки героевъ не отставалъ лукъ Іонаѳана,
И мечъ Саула не возвращался пустымъ.
Саулъ и Іонаѳанъ, дорогіе и милые другъ другу при жизни,
Остались неразлучны и въ смерти,
Они, что были быстрѣе орловъ и сильнѣе львовъ.
О вы, дочери Израиля, плачьте о Саулѣ,—
Онъ одѣвалъ васъ въ пурпуръ и радости,
Украшалъ одежды ваши золотомъ...
Какъ пали герои среди боя,—
Іонаѳанъ пораженъ на твоихъ высотахъ!
Я плачу о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ; ты былъ мнѣ такъ дорогъ!
Твоя любовь для меня была дороже женской любви!
Какъ пали герои, сокрушены военные доспѣхи!

Пораженіе и смерть Саула открывали Давиду путь къ власти. Онъ ушелъ сейчасъ же изъ Сиклага; бояться было ему больше нечего, а оставшіеся безъ вождя соплеменники съ радостью встрѣтили его. Родной Іуда сейчасъ же провозгласилъ его своимъ царемъ въ Хевронѣ; семь лѣтъ съ половиной онъ царствовалъ надъ Іудеей, все время ведя непрестанную борьбу съ наслѣдникомъ Саула, Ишвааломъ, которому подчинился Веніаминъ и часть племенъ сѣвернѣе Іуды. Но Ишваалъ былъ малолѣтній; отъ его имени управлялъ одинъ изъ оставшихся въ живыхъ дружинниковъ Саула, Абнеръ. Пока Абнеръ былъ на сторонѣ Ишваала, послѣдній еще могъ бороться съ Давидомъ; но Абнеръ измѣнилъ Ишваалу и перешелъ на сторону Давида, а потомъ былъ убитъ. Послѣ этого Ишваалъ потерялъ послѣднюю опору. Дру-

жинники его, видя, что больше нѣтъ выгоды служить ему, составили заговоръ и убили его, а сами перешли на сторону Давида. Такъ Давидъ сталъ царемъ надъ Іудою и сѣверными израильскими племенами.

Подобно Саулу, всю жизнь свою Давидъ провелъ въ войнахъ. Подъ его предводительствомъ израильтяне окончательно справились съ филистимлянами, покорили сыновъ Эдома и отразили нападеніе новаго врага на сѣверо-востокѣ, сирійцевъ изъ Дамаска. Но народная память больше всего дорожила Давидомъ, какъ основателемъ Іерусалима. Начало этому «вѣчному городу» положилъ Давидъ. Слава Іерусалима, какъ святого города, распространилась по всей землѣ; какъ въ другой «вѣчный городъ», Римъ, стекаются со всѣхъ концовъ свѣта паломники, такъ текутъ они и къ Іерусалиму. Но Іерусалимъ болѣе, чѣмъ Римъ, заслуживаетъ названія «вѣчнаго города». Онъ уже существовалъ въ то время, когда о Римѣ не было еще и помину; Римъ вѣченъ только въ глазахъ части христіанъ, между тѣмъ какъ Іерусалимъ считается святымъ городомъ всѣми христіанами, всѣми евреями и отчасти мусульманами. Для евреевъ Іерусалимъ особенно дорогъ: вспоминая о Сіонѣ, той скалѣ, на которой основался Іерусалимъ, современный еврей вспоминаетъ не только храмъ, стоявшій тамъ когда-то, не только культъ, совершавшійся въ этомъ храмѣ, не только пророковъ, грозныя рѣчи которыхъ раздавались около этого храма. Онъ вспоминаетъ тѣ невозвратные дни, когда Ефремъ и Іуда были независимыми народами, составляли независимое царство, когда ефремляне и іудеи, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, жили на своей родинѣ и были господами у себя дома. Поэтому и царь Давидъ въ глазахъ позднѣйшихъ іудей-

скихъ поколѣній былъ не просто царь, какъ всѣ другіе, но основатель Сіона, первый царь между царями. Онъ сталъ казаться впослѣдствіи совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Изъ воина-разбойника, изъ богатыря-великана онъ превратился въ глазахъ позднѣйшихъ благочестивыхъ іудеевъ въ святого мужа. Про него стали разсказывать, что подъ акомпаниментъ своей арфы онъ пѣлъ псалмы, благочестивые гимны, которые онъ самъ сочинялъ; увѣряли, что онъ хотѣлъ построить и храмъ, но не успѣлъ сдѣлать этого; однако онъ успѣлъ составить планъ храма, заготовить для него матеріалы, отлить сосуды, организовать хоры пѣвцовъ и левитовъ, такъ что его сыну Соломону осталось только произвести самую постройку. Когда израильтяне потеряли политическую самостоятельность и подпали подъ власть другихъ народовъ, они ждали царя-избавителя, который непремѣнно будетъ изъ рода Давида, будетъ такой же святой, какъ Давидъ, и уничтожитъ на землѣ всякую неправду. Благодаря трудамъ многихъ ученыхъ, мы знаемъ теперь, каковъ на самомъ дѣлѣ былъ Давидъ; но тотъ образъ святого Давида, который создался въ умахъ позднѣйшихъ поколѣній, больше извѣстенъ, чѣмъ настоящій портретъ Давида. Быть можетъ, настоящій портертъ Давида разочаруетъ многихъ читателей, составившихъ себѣ ранѣе другое представленіе о Давидѣ. Но зато этотъ портретъ красоченъ и ярокъ, портретъ живого лица, боровшагося, страдавшаго, жившаго, какъ всѣ люди; да и въ этомъ видѣ Давидъ кажется головою выше всѣхъ своихъ современниковъ. Святой же Давидъ, Давидъ-пѣвецъ и регентъ церковнаго хора, похожъ скорѣе на мертвый ликъ иконы, чѣмъ на живое лицо: вокругъ него сіяніе,

и выглядитъ онъ такъ же, какъ и всѣ остальные святые, похожіе другъ на друга.

VII.

Древній Іерусалимъ.

За тысячу лѣтъ до Рождества Христова, когда Давидъ воцарился въ Израилѣ, въ странѣ Ханаанской еще не было городовъ въ томъ видѣ, какой теперь имѣютъ города у насъ и повсюду. Мы привыкли считать городъ такимъ поселеніемъ, въ которомъ живетъ, сравнительно съ деревней, много жителей, иногда больше милліона, какъ, напримѣръ, въ столицахъ Россіи, Москвѣ и Петербургѣ, и въ другихъ столицахъ крупныхъ государствъ. Мы привыкли представлять себѣ, что въ городѣ мы непремѣнно найдемъ все то, чего нѣтъ въ деревнѣ, и за чѣмъ деревенскій житель ѣздитъ въ городъ: найдемъ всякіе товары, начиная отъ самыхъ необходимыхъ для жизни предметовъ и кончая предметами роскоши; найдемъ магазины и лавки съ постоянной торговлей; найдемъ фабрики и заводы, въ которыхъ производятся всякіе продукты и издѣлія; найдемъ всякія учрежденія культурнаго характера: ученыя и учебныя заведенія, хорошія больницы, библіотеки, музеи, картинныя галлереи; въ городѣ, наконецъ, живутъ главныя въ мѣстности власти и изъ города управляютъ подчиненными имъ областями. Но въ землѣ Ханаанской въ эпоху Давида мы не нашли бы ни одного города, похожаго на только что описанный. И наши города, и города другихъ странъ также не всегда были такими; было время, когда многіе изъ нихъ даже

еще и не существовали, а другіе имѣли совсѣмъ другой видъ и совсѣмъ другое назначеніе. Городами въ такомъ старинномъ родѣ были и города въ Палестинѣ во времена Давида.

Въ наше время города—это торгово-промышленные центры и центры культуры. Во времена Давида въ Палестинѣ торговли еще почти не было. Населеніе еще не было настолько многочисленно, чтобы нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ, и потребности его еще были настолько просты, что всѣ предметы, необходимые въ хозяйственномъ обиходѣ, можно было изготовлять дома, своими средствами. Въ южной части Ханаана, въ горной странѣ, на границѣ пустыни, вообще было мало населенія не только во времена Давида, но и раньше, и послѣ. Излишекъ населенія, который не могла прокормить скудная природа горъ, уходилъ на чужбину, въ другія страны; немало выходцевъ изъ южной Палестины было еще во времена Давида въ финикійскихъ поселеніяхъ по берегу Средиземнаго моря. А сѣвернѣе Іудеи, въ предѣлахъ Ефрема, въ долинѣ Іезреель и еще сѣвернѣе, вокругъ Геннисаретскаго озера, страна была богаче, и тамъ населеніе могло долго увеличиваться, все еще обходясь своими собственными продуктами. Простые люди жили въ деревняхъ, лѣпившихся по западнымъ склонамъ горъ; такъ какъ плодородная земля была разбросана по всей странѣ какъ бы островками, то населеніе невольно скучивалось къ этимъ островкамъ и селилось не хуторами, а деревущками. О деревушкахъ библія говоритъ мало, больше она говоритъ о городахъ. Что же это были за города?

Мы можемъ теперь довольно точно судить объ этихъ городахъ, такъ какъ недавно были произведены раскопки

ПУШКИН

на мѣстѣ старинныхъ палестинскихъ городовъ, Таанаха, Гезера и Мегиддо. При раскопкахъ обнаружились стѣны этихъ городовъ и нѣкоторыхъ зданій; нашлись остатки городскихъ сооруженій, напр., водопроводовъ и цистернъ, и множество предметовъ домашняго обихода. По всѣмъ этимъ находкамъ мы можемъ составить себѣ представленіе о старинномъ израильскомъ городѣ; поможетъ намъ тутъ и старинный еврейскій языкъ.

Городъ въ библіи называется 'ir, и это же самое слово употребляется, когда надо обозначить замокъ или крѣпость. Городъ, по крайней мѣрѣ, въ старину, былъ укрѣпленнымъ поселеніемъ, обнесеннымъ стѣною. Значитъ, старинный израильскій городъ все равно, что нашъ старинный городъ (огороженное стѣною поселеніе) или средневѣковый бургъ, т.-е. большой замокъ, обнесенный стѣною и служившій пристанищемъ для окрестнаго населенія, когда на него нападали враги.

Мы уже знаемъ, что на израильскія колѣна тоже постоянно нападали враги, и что для защиты отъ нихъ израильтяне строили укрѣпленія. Въ западной Европѣ и у насъ въ старину города и бурги строили князья, графы или другіе большіе вожди; окрестное населеніе пользовалось защитой этихъ укрѣпленій и зато попадало въ подчиненное положеніе къ владѣльцу бурга или города. Когда израильтяне пришли въ землю Ханаанъ, они нашли тамъ много бурговъ, принадлежавшихъ тѣмъ самымъ князькамъ, про которыхъ я говорилъ во второмъ разсказѣ. Іерихонъ, Сихемъ, Силомъ, Рама, Гива, Офра и многіе другіе города были такими бургами. Чтобы завладѣть страною, израильтянамъ пришлось брать эти бурги. Деревенское населеніе подчинилось сразу, но съ царьками дѣло было труднѣе. Когда бурги

были завоеваны, въ нихъ сѣли вожди израильскихъ колѣнъ; но не сразу эти вожди пріобрѣтали такую же силу, какъ прежніе ханаанскіе князьки. Укрѣпленія, разрушенныя во время осады, не сразу возстановлялись; кромѣ того, между самими вождями было соперничество. Но мы знаемъ, что Гедеону удалось утвердиться въ Офрѣ, что Саулъ утвердился въ Гивѣ, что Давиду удалось для начала утвердиться въ Хевронѣ. Утвердившись въ какомъ-нибудь бургѣ, вождь старался подчинить себѣ другіе бурги и понастроить новые, и въ нихъ сажалъ своихъ ближайшихъ дружинниковъ. Мы уже знаемъ, что такъ поступали филистимскіе князьки; одинъ изъ нихъ, Ахисъ, далъ бургъ Сиклагъ Давиду. Но такъ поступалъ и Саулъ; своихъ дружинниковъ онъ ставилъ тысяченачальниками и сотниками, сажая ихъ въ подчиненныхъ бургахъ и давая имъ въ управленіе землю и виноградники. А населеніе тѣхъ земель, которыми управляли сотники и тысяченачальники, должно было платить имъ дань.

Деревни лѣпились по склонамъ холмовъ или располагались въ долинѣ. Городъ строился высоко надъ деревней, на скалѣ или на вершинѣ холма. Чѣмъ круче и недоступнѣе былъ холмъ, тѣмъ было лучше: труднѣе было врагамъ добраться. Лишь бы было только одно: была бы вода, а объ остальныхъ удобствахъ мѣстности строители бурга мало заботились. Главная часть укрѣпленій состояла изъ толстой каменной стѣны; пушекъ тогда не было, а стрѣлы и камни изъ пращей дальше чѣмъ на полверсты не били. Чтобы подвести къ стѣнѣ стѣнобитное орудіе, приходилось становиться подъ выстрѣлы защитниковъ бурга, и если тѣ хорошо защищались, бургъ былъ почти неприступенъ. Когда закладывали стѣну,

то приносили жертву богамъ-покровителямъ: боги должны были помочь выстроить городъ и охранять его отъ враговъ. Жертва должна была быть особенная: иначе богъ разгнѣвается и отдастъ въ руки враговъ всѣхъ будущихъ жителей бурга. И потому лучше всего ужъ напередъ принести богу человѣческую жертву. Этотъ ужасный обычай долго сохранялся: еще въ дни Ахава, полтораста лѣтъ послѣ Давида, Ахіэль, отстроившій заново разрушенныя укрѣпленія Іерихона, при построеніи стѣны принесъ въ жертву своего первенца Авирама, а при построеніи воротъ—своего младшаго сына Сегуба. Обычай этотъ примѣнялся и при постройкѣ зданій; когда производились раскопки на мѣстѣ Таанаха, Мегиддо и Гезера, то производившіе раскопки съ ужасомъ увидали подъ стѣнами города и подъ фундаментами домовъ дѣтскіе скелеты въ глиняныхъ кувшинахъ съ кружками и блюдами, съ которыми ихъ хоронили. Стѣна, построенная на человѣческой крови, будетъ нерушима—такъ думали древніе израильтяне и не они одни. Такія же ужасныя жертвы приносили и древніе ассиріяне, римляне, греки, можетъ быть, также древніе славяне.

Стѣну клали изъ камня, гдѣ было много известняка; но гдѣ былъ гранитъ или базальтъ, тамъ трудно было справляться съ такими крѣпкими породами. Известнякъ мягкій, онъ всегда залегаетъ плитками, легко отдѣляющимися другъ отъ друга; куски известняка легко раскалываются на части, и имъ безъ труда можно придать различную форму. Съ гранитомъ работать несравненно труднѣе. Въ наши дни гранитныя массы взрываютъ порохомъ, а иногда даже динамитомъ; ручными инструментами ломать этотъ камень очень трудно, и только

такіе могучіе владыки, какъ египетскіе фараоны, которые могли сгонять на работы тысячи своихъ рабовъ и крѣпостныхъ, могли позволять себѣ постройки изъ гранита. Гдѣ не было известняка, предпочитали дѣлать

Глиняный кувшинъ изъ Таанаха.

кирпичъ и выкладывать стѣну изъ кирпича. Не всегда стѣну дѣлали сплошь изъ одного и того же матеріала: это было и дорого и долго. Въ Гезерѣ стѣна была сдѣлана такимъ образомъ: насыпали валъ изъ земли, такъ что наружная сторона его была отвѣсная, а вну-

тренняя—съ круглымъ уклономъ; этотъ валъ обложили плитнякомъ, и стѣна была готова. Толщина такой стѣны была очень большая; стѣна въ Гезерѣ имѣла, напримѣръ, почти цѣлую сажень въ основаніи. Зато вышина была невелика: рѣдко-рѣдко вышина стѣны достигала двухъ саженъ; больше было и не нужно, за такой стѣной человѣкъ могъ прекрасно укрыться. На стѣнѣ дѣлались, какъ и повсюду въ мірѣ, зубцы, за которыми могли прятаться защитники бурга, а по угламъ строились башни. Такая стѣна была превосходной защитой. Благодаря своей толщинѣ, она не поддавалась стѣнобитнымъ орудіямъ, а зубцы и башни давали возможность защитникамъ осыпать врага сверху мѣткими ударами. Жители Іевуса, того бурга, на мѣстѣ котораго Давидъ построилъ свой Іерусалимъ, хвалились, что ихъ городъ могутъ отлично защищать даже слѣпые и хромые.

Мѣстность, въ которой основался городъ Давида, издавна славилась своею неприступностью. Въ старину она сильно отличалась отъ того вида, какой теперь имѣетъ Іерусалимъ и его окрестности. Мѣстность эта лежала между владѣніями Веніамина и Іуды; чрезъ нее шла дорога отъ Средиземнаго моря въ южную Палестину. Съ юга, съ востока и съ запада то мѣсто, гдѣ выросъ Іерусалимъ, окружено огромными недоступными горами. Если съ этихъ горъ посмотрѣть внизъ въ лощину, то мы увидали бы тамъ въ дни Давида нѣсколько холмовъ, отдѣленныхъ отъ горъ и другъ отъ друга глубокими ущельями, почти безднами. Теперь большая часть этихъ ущелій засыпана, ихъ отвѣсныя стѣны превратились въ пологіе спуски, по которымъ происходитъ постоянное движеніе людей, вьючныхъ животныхъ и повозокъ. Но во дни Давида пробраться къ этимъ холмамъ было не-

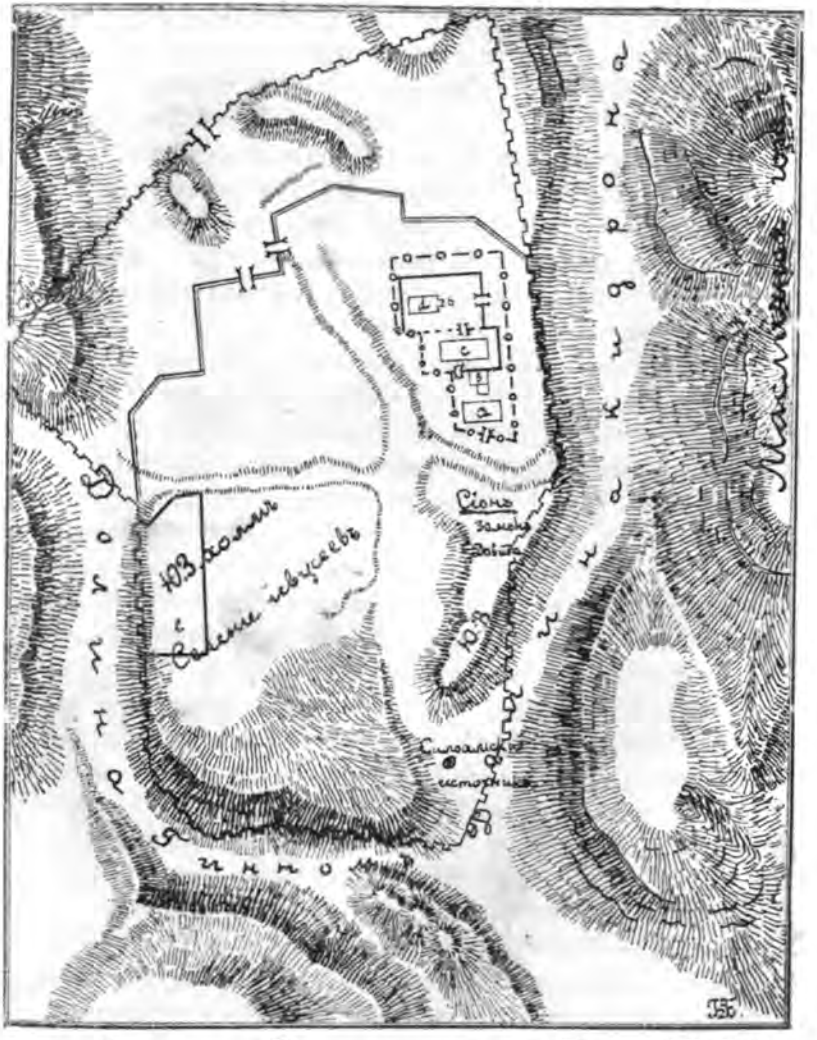
легко; великихъ трудовъ стоило спуститься съ горъ и перебраться черезъ ущелья, а затѣмъ начиналась еще болѣе трудная дорога: подниматься вверхъ по крутымъ склонамъ холмовъ. Въ старину можно было насчитать не менѣе четырехъ холмовъ, на которыхъ впослѣдствіи раскинулся Іерусалимъ. Благочестивымъ богомольцамъ, ходившимъ на поклонъ святому городу послѣ плѣна вавилонского, въ горахъ по дорогѣ къ Іерусалиму невольно просилась на уста пѣснь:

«Окрестъ Іерусалима горы,—
Такъ Ягве окрестъ своего народа
Отнынѣ и до вѣка».

Путникъ, идя съ сѣвера между высокими горами, узкой горной дорогой поднимался вверхъ на плоскогорье, съ середины котораго онъ вступалъ въ узкое, глубокое ущелье; справа и слѣва высились холмы, одинъ въ восточномъ направленіи, другой — въ западномъ. Всѣхъ круче былъ восточный холмъ. Онъ раздѣлялся глубокимъ ущельемъ на два холма; южный холмъ, вытянувшійся къ югу, точно морская коса, и былъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ стоялъ Сіонъ, замокъ іевусеевъ, превращенный Давидомъ въ свой городъ. Если бы мы поднялись на вершину этого холма, мы были бы поражены грозной и дикой картиной, раскинувшейся передъ нами. Съ восточной стороны подъ нами разверзлась бы бездна, въ которой, пѣнясь и шумя, бурлитъ ручей Кидронъ; а за нимъ высится огромный массивъ Масличной горы; весь ея западный склонъ, обращенный къ намъ, покрытъ зелеными маслинами, и только къ небу она простираетъ свои голыя дикія вершины. Если бы мы подошли къ острому, южному концу холма, мы увидали бы внизу широкую, но глубокую котловину, въ которой соеди-

няются долина Кидрона, другая долина, Гинномъ, идущая съ сѣверо-запада, и то ущелье, которое идетъ съ сѣвера. А съ сѣверной стороны южнаго холма глубокая лощина раздѣляетъ его отъ сѣверовосточной его части, гдѣ впослѣдствіи Соломонъ выстроилъ свой дворецъ и храмъ. И западный холмъ дѣлится лощиной на два холма; южная часть западнаго холма отдѣляется отъ окрестныхъ горъ долиной Гинномъ; на этомъ четырехугольномъ холмѣ была деревня іевусеевъ, платившихъ дань вождю замка на юго-восточномъ холмѣ а впослѣдствіи тамъ образовался, какъ сказали бы у насъ, посадъ, т.-е. городъ въ современномъ смыслѣ слова. Значитъ, древній Іерусалимъ занялъ всего три холма: юго-восточный, Сіонъ, крѣпость Давида, сѣверо-восточный, резиденція Соломона и мѣсто храма, и юго-западный—городъ въ собственномъ смыслѣ. Сѣверо-западный холмъ передъ плѣномъ вавилонскимъ тоже былъ застроенъ, а послѣ плѣна сѣверная граница города зашла уже за холмы, въ сѣверную долину.

Самымъ недоступнымъ былъ юго-восточный холмъ. Если бы въ старину были извѣстны пушки, конечно, онъ не выдержалъ бы долгой осады: на горахъ вокругъ него поставили бы осадныя орудія и скоро разгромили бы его укрѣпленія выстрѣлами сверху. Но за тысячу лѣтъ до Рождества Христова единственными осадными орудіями были деревянные, обитые металломъ, тараны; подтащить такой таранъ нужно было къ самой стѣнѣ осаждаемаго замка, находясь все время подъ ударами его защитниковъ. Глядя на окружающіе холмы, глубокія лощины и на ихъ крутые склоны, іевусеи могли, дѣйствительно, хвалиться, что даже слѣпые и хромые могутъ успѣшно защищать крѣпость отъ Давида. Недаромъ эти



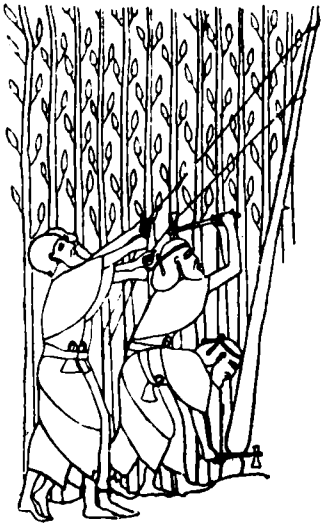
Планъ расположенія древняго Іерусалима.

холмы, на которыхъ стояли бургъ и селеніе іевусеевъ, до Давида не были завоеваны израильтянами; іевусеи были хананеи, и этотъ уголокъ все еще оставался хананейскимъ островкомъ въ израильскомъ морѣ. Завладѣть такимъ мѣстомъ для Давида было очень важно. Онъ пріобрѣлъ бы тогда такую твердыню, которая была недоступна для всѣхъ его враговъ; и кромѣ того, къ славѣ избавителя Израиля отъ филистимлянъ онъ прибавилъ бы славу покорителя подъ власть Израиля послѣдняго остатка хананеевъ.

Библія не сохранила намъ подробностей взятія Сіона. «Давидъ взялъ приступомъ замокъ Сіонъ... затѣмъ поселился Давидъ въ замкѣ и назвалъ его городомъ Давида». Городъ Давида былъ на мѣстѣ Сіона, и это имя стало особенно мило сердцу іудейства, когда въ дни плѣна тосковало оно о былыхъ дняхъ славы и независимости. Когда же «городъ Давида» обстроился и расширился, въ народѣ за нимъ осталось то названіе, какое носилъ онъ изстари, еще въ дни первыхъ нападеній израильскихъ племенъ на Ханаанъ. Тогда онъ назывался Урусалимъ; теперь за нимъ осталось то же названіе, только измѣнилось слегка его произношеніе: Іерушалаимъ—какъ говорили въ старину евреи, Іерусалимъ—какъ говоримъ теперь мы.

Въ своемъ новомъ городѣ Давидъ построилъ себѣ новый домъ, невиданный дотолѣ въ Палестинѣ. Простые люди строили себѣ легкіе домики, глинобитныя хижинки, въ которыхъ можно было укрыться на ночь или спрятаться отъ дождя; въ старину, какъ и теперь, большую часть дня народъ въ Палестинѣ проводилъ на воздухѣ, и нужды въ такихъ прочныхъ и обширныхъ домахъ, какъ у насъ, не было. Богатые люди строили дома съ тою

же цѣлью: имъ нуженъ былъ домъ не столько для того, чтобы жить въ немъ, сколько для того, чтобы спать въ немъ и спасаться отъ непогоды. Но богатые люди хотѣли еще, чтобы жилище спасало ихъ и отъ зноя; поэтому они строили себѣ дома изъ камня, низкія, сводчатыя жилища. Полъ въ такихъ домахъ, какъ и въ домахъ бѣдняковъ, очень часто былъ просто земляной; стѣны были низкія, шли сводами, и въ такомъ помѣщеніи было сумрачно, прохладно и сыро. Домъ простого человѣка заключалъ въ себѣ чаще всего одну единственную комнату; въ ней хозяева обѣдали, спали и укрывались отъ дождя. Люди побогаче раздѣляли домъ на двѣ—на три комнаты: устраивали особыя комнаты для женщинъ и для пріема гостей. Плоскія крыши, одинаковыя у всѣхъ домовъ, служили, какъ и теперь, мѣстомъ отдохновенія при вечерней прохладѣ.



Рубка лѣса на Ливанѣ.

Такія жилища казались царю слишкомъ простыми. Онъ задумалъ поэтому неслыханную и невиданную въ Іудѣ и въ Израилѣ затѣю: послалъ пословъ къ царю финикійскаго Тира, и тотъ прислалъ съ Ливанскихъ горъ огромные строевые кедры и плотниковъ, чтобы поставить царю деревянный домъ. Какъ у насъ на Руси въ старину каменные дома были диковинкой, и наши

мастера не умѣли ихъ строить, такъ и въ землѣ Ханаанской деревянные дома были невиданнымъ чудомъ, и свои мастера ихъ построить не могли. И когда финикійскіе искусные плотники возвели новое жилище царю Давиду, оно, навѣрное, вызвало у однихъ взрывъ восхищенія, а у другихъ неодобреніе новой модѣ. Новое жилище совсѣмъ не было похоже на старые дома. Вмѣсто низенькой угрюмой сводчатой постройки сѣраго цвѣта, со входомъ, похожимъ скорѣе на входъ въ могильную пещеру, чѣмъ въ человѣческое жилище, передъ зрителемъ стояла легкая высокая постройка, вся на деревянныхъ рѣзныхъ колоннахъ; въ ней было много воздуха и свѣту, а рѣзныя украшенія и мѣдный приборъ дверей, оконъ и мѣдныя украшенія стѣнъ и колоннъ блестѣли на яркомъ солнцѣ и радовали взоръ. Вмѣсто тѣсныхъ узенькихъ и низенькихъ комнатъ стараго каменнаго дома посѣтитель входилъ въ большую залу, поддерживавшуюся также нѣсколькими рядами деревянныхъ колоннъ; другія комнаты были также крупнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ комнаты стараго каменнаго дома.

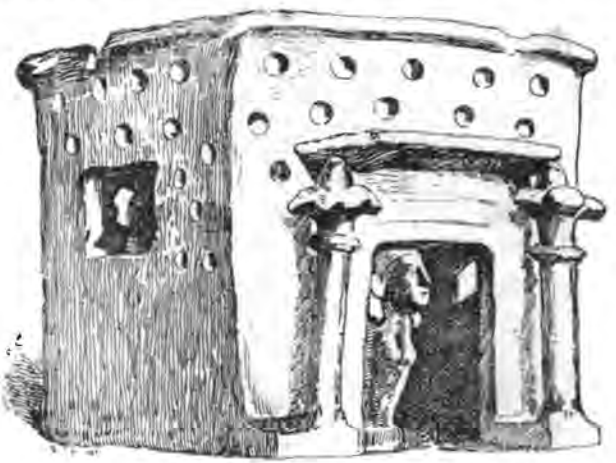
Теперь для окончательнаго утвержденія новаго бурга Давиду не хватало одного: присутствія и охраны божества. Онъ рѣшилъ взять и перенести къ себѣ самую почитаемую въ народѣ святыню, тотъ самый священный ковчегъ, который когда-то сопутствовалъ израильтянамъ въ пустынѣ, во время завоеванія ими Ханаана и борьбы съ филистимлянами. Это была такая святыня, которую одинаково почитали всѣ израильтяне; это была, кромѣ того, такая святыня, которая считалась лучшей помощью во время войны. Ковчегъ въ это время стоялъ въ Киріаѳъ-Іаримѣ; туда-то и отправился Давидъ со своею свитой и въ торжественной процессіи понесъ ков-

чегъ въ свой городъ. Перенесеніе такой страшной святыни было не простымъ дѣломъ. И у Давида и у прочихъ участниковъ процессіи мелькала мысль: а что если богъ, живущій въ ковчегѣ, не хочетъ, чтобы его переносили на новое мѣсто? Что если ему не нравятся тѣ люди, которые его несутъ? И Давидъ постарался сдѣлать все пріятное для бога. И самъ онъ и остальные участники процессіи плясали вокругъ ковчега, пѣли гимны, играли на цитрахъ, арфахъ, барабанахъ и кимвалахъ. Легенда разсказываетъ, что эти предосторожности все-таки не спасли отъ бѣды. По дорогѣ волы, везшіе повозку съ ковчегомъ, взбѣсились, а когда Усса, одинъ изъ сопровождавшихъ ковчегъ, хотѣлъ удержать его отъ паденія, онъ былъ опрокинутъ и убился до смерти. Гнѣвъ Ягве былъ очевиденъ; ковчегъ поставили въ первый попавшійся домъ. Не сразу рѣшился Давидъ везти святыню дальше. Однако, скоро пошелъ слухъ, что ковчегъ принесъ счастье тому дому, въ которомъ стоялъ. Богъ умилостивился— рѣшилъ Давидъ, и возобновилъ попытку. Сначала онъ принесъ передъ ковчегомъ жертву: быка и молочнаго теленка. Это была чрезвычайная жертва, и божество могло ею удовлетвориться. Послѣ этого ковчегъ понесли опять въ томъ же порядкѣ, съ плясками, пѣніемъ и музыкой. На этотъ разъ все было благополучно; ковчегъ былъ внесенъ въ городъ Давида и былъ поставленъ въ шатрѣ, спеціально для него построенномъ. На новомъ мѣстѣ передъ ковчегомъ опять прежде всего была принесена жертва, сопровождавшаяся жертвеннымъ пиромъ для всѣхъ участниковъ процессіи. Теперь городъ Давида имѣлъ могучаго покровителя: у Давида былъ не только ефодъ и гадатель по ефоду, Авіаѳаръ—этимъ могъ похвалиться всякій вельможа—у него была еще един-

ственная въ своемъ родѣ святыня, равной которой не было во всей странѣ. Для народа Сіонъ сталъ послѣ этого святою горою; говорили, что вмѣстѣ съ ковчегомъ переселился на Сіонъ и Ягве. А Давидъ могъ теперь глядѣть смѣло въ лицо всякой опасности.

Городъ Давида даже послѣ тѣхъ построекъ, какія произвелъ въ немъ Давидъ, мало чѣмъ отличался отъ другихъ городовъ. Правда, Сіонъ могъ похвастать домомъ царя, выстроеннымъ изъ ливанскихъ кедровъ и бросавшимся въ глаза среди окружающихъ его домовъ царскихъ дружинниковъ, построившихъ себѣ дома по старому способу. Но зато другіе города могли похвастать передъ молодой столицей своими «божьими домами» (beth haelohim). Въ каждомъ бургѣ было тогда свое святилище, какъ мы уже знаемъ; за стѣнами города, на сосѣдней вершинѣ всегда устраивалась «высота», и на ней жертвенникъ мѣстному богу, а если въ городѣ или около города было какое-нибудь священное дерево, или священный источникъ, или священный камень, то жертвенникъ устраивался около этого предмета. Но нѣкоторые князьки, владѣвшіе бургами, дѣлали изображеніе бога изъ драгоцѣнныхъ металловъ; такое изображеніе могли украсть, если его оставить въ открытомъ мѣстѣ, и поэтому для такого ефода строили храмъ, божій домъ. Такой божій домъ былъ въ Офрѣ у Гедеона, въ Данѣ у Михи, въ Нобѣ у Ахимелеха; ефодъ изъ Ноба, какъ мы знаемъ, попалъ въ руки Давида послѣ истребленія рода Ахимелеха Сауломъ. Божій домъ устраивался небольшихъ размѣровъ; статуя была обыкновенно небольшая, а для жреца, охранявшаго ефодъ и служившаго ему, достаточно было одной комнаты. Сосѣди израильтянъ, финикіяне, устраивали инс-

гда для своихъ мелкихъ божковъ прямо игрушечные домики, сдѣланные изъ глины, величиною съ небольшой сундучокъ. Божій домъ считался въ то время очень важнымъ учрежденіемъ: онъ былъ не только вмѣстилищемъ для изображенія божества; тогда думали, что въ ефодѣ живетъ само божество, и вмѣстѣ съ ефодомъ въ божьемъ домѣ поселяется само божество. Поэтому



Финикійскій «божій домъ» изъ глины.

божій домъ старались устраивать какъ можно богаче, чтобы помѣщеніе было достойно божественнаго обитателя, и къ божьему дому старались приставить профессіональнаго жреца, левита, какъ называли такихъ профессіональныхъ жрецовъ. Жертву божеству могъ принести всякій,—это было нехитрымъ дѣломъ; но постоянно служить божеству, поселившемуся въ божьемъ домѣ, угадывать его желаніе, узнавать его волю, ухаживать за его изображеніемъ—на это нужна была

особая наука, которую знали немногіе. Не всякій могъ ей научиться, тѣмъ болѣе князьки, умѣвщіе хорошо владѣть мечомъ, но плохо и мало размышлявщіе. Такой божій домъ, обслуживавшійся профессіональными левитами, былъ когда-то и у ковчега Ягве, когда ковчегъ стоялъ въ Силомѣ, во время филистимскаго ига. Тогда ковчегу служила жреческая фамилія Эли; когда она погибла въ борьбѣ съ филистимлянами, разрушился и божій домъ въ Силомѣ. Давидъ, завладѣвщій ковчегомъ, не могъ построить дома для него и для обитавшаго въ ковчегѣ Ягве; можетъ быть, у него не хватило средствъ, можетъ быть, занятый постоянными войнами, онъ просто не удосужился это сдѣлать. И ковчегъ Ягве стоялъ въ городѣ Давида въ простой палаткѣ, между тѣмъ какъ святыни, гораздо менѣе цѣнныя, какъ напр., ефоды, имѣли свои крѣпкіе дома, защищавщіе ихъ и отъ непогоды и отъ лихихъ людей. Можетъ быть, Давидъ не рѣшился построить домъ для Ягве именно потому, что хотѣлъ бы превзойти всѣхъ владѣльцевъ храмовъ, но не надѣялся, что у него хватитъ средствъ и времени на сооруженіе храма, достойнаго вмѣщать величайшую святыню Израиля. Какъ бы то ни было, но онъ умеръ, не построивъ храма. Задача построить храмъ и расширить Іерусалимъ выпала на долю его сына, Соломона.

Соломонъ могъ сдѣлать то, чего не додѣлалъ Давидъ. Его власть была уже безспорна; противъ него никто уже не возставалъ, какъ противъ Давида, противъ котораго поднялъ возстаніе даже его сынъ Абсаломъ. Соломонъ смирилъ мелкихъ князьковъ, однихъ превратилъ въ своихъ подчиненныхъ, другихъ замѣнилъ своими людьми. Весь Израиль, отъ Дана до Бееръ-Шева, подчинялся Соломону, и онъ спокойно пользовался огромными до-

ходами, которые присылали ему начальники отдѣльныхъ областей; все управленіе царя въ томъ и заключалось, что онъ собиралъ дань съ подчиненныхъ и судилъ народъ. Каждый день къ царскому столу доставляли около двухъ пудовъ крупичатой муки и около четырехъ пудовъ простой муки; пригонялось десять воловъ, спеціально откормленныхъ для убоя, и двадцать воловъ прямо съ пастбища, сотня овецъ и «безъ числа» дичи и битой откормленной птицы. При такомъ богатствѣ было изъ чего скопить средства для постройки роскошнаго храма для Ягве.

Въ тѣсныхъ стѣнахъ старой крѣпости Сіона Соломонъ не нашелъ мѣста, подходящаго для новаго сооруженія. Да и домъ, выстроенный его отцомъ, казался ему малымъ и тѣснымъ. Его отецъ, привыкшій къ лагерной жизни искателя приключеній и воинау, довольствовался очень скромнымъ жилищемъ; Соломонъ уже росъ, какъ царскій сынъ, не знавшій ни въ чемъ отказа, и находилъ домъ Давида недостаточнымъ для себя и своего двора. Нужно было найти мѣсто для новой стройки. Такое мѣсто нашлось очень близко, на сѣверной части восточнаго холма, отдѣленной отъ города Давида только небольшой котловиной. Тутъ издавна лежалъ огромный черный камень, упавшій съ неба, какъ мы теперь говоримъ, метеоритъ; его считали священнымъ камнемъ, и иные боязливые люди приносили ему жертвы. А во дни Давида святая слава за этимъ мѣстомъ окончательно укрѣпилась. Случилась тогда чума. Ягве за что-то разгнѣвался на свой народъ и послалъ своего вѣстника, духа чумы, покарать согрѣшившій народъ; когда духъ чумы дошелъ уже до Іерусалима и стоялъ уже на гумнѣ Арауны, находившемся какъ разъ на сѣверной части

восточнаго холма, Ягве перемѣнилъ свое намѣреніе и приказалъ духу опустить свою губительную руку. Чума пощадила Іерусалимъ, а мѣсто, гдѣ находилось гумно Арауны, прослыло священнымъ. Давидъ купилъ его у Арауны, построилъ тамъ жертвенникъ Ягве и принесъ обильныя жертвы. На этомъ-то мѣстѣ и рѣшилъ Соломонъ строить храмъ Ягве; рядомъ съ храмомъ онъ рѣшилъ выстроить себѣ новый дворецъ и другія зданія, необходимыя для царской резиденціи. Всѣ постройки Соломонъ рѣшилъ строить не по старому образцу, а по иностранной модѣ. Его отецъ, Давидъ, и тотъ прельстился архитектурой деревянныхъ домовъ; у Соломона было еще больше поводовъ подражать иностранной модѣ. Одна его жена была дочь фараона, другая—родомъ изъ финикійскаго города Сидона; у себя на родинѣ его жены привыкли къ роскоши, къ тонкой художественной отдѣлкѣ домовъ, къ утонченному культу боговъ. Грубыя израильскія жилища даже богатыхъ людей оскорбляли ихъ взоры; нехитрое богослуженіе, для котораго не требовалось ничего, кромѣ наскоро сложеннаго изъ неотесанныхъ камней жертвенника, казалось имъ слишкомъ простымъ и мало дѣйствительнымъ. И приступая къ своимъ сооруженіямъ, Соломонъ прежде всего обратился къ царю финикійскаго города Тира, Хираму, съ просьбой прислать потребное количество кедровъ и кипарисовъ съ Ливана, мастеровъ плотничнаго дѣла и мѣдно-литейныхъ мастеровъ; за это онъ обязался ежегодно поставлять Хираму хлѣбъ, до 15.000 пудовъ, и оливковаго масла, очень дорогого продукта, до 1.500 пудовъ. Всю эту дань царь переложилъ на народъ, а для построекъ потребовалъ поставить на царскую барщину 30.000 человѣкъ (по другой версіи

70.000 человѣкъ). Работники должны были привозить съ Ливана лѣсъ, а съ окрестныхъ горъ огромные камни для фундамента и стѣнъ, а потомъ, подъ руководствомъ финикійскихъ мастеровъ, производили самыя постройки.

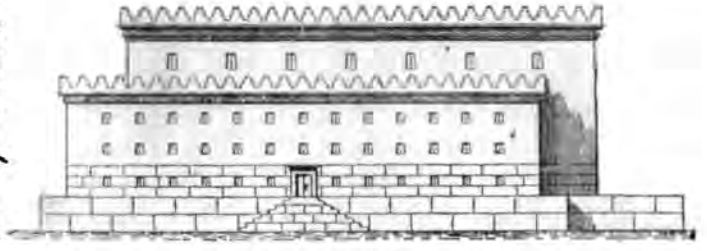
Перенесемся мысленно въ новый городъ Соломона. Выйдя изъ бурга Давида и перейдя по разводному мосту черезъ котловину, раздѣлявшую городъ Давида отъ города Соломона, мы проходимъ черезъ ворота въ новой стѣнѣ, построенной Соломономъ вокругъ своего города, и видимъ прямо передъ собой большое сооруженіе, цѣликомъ построенное изъ ливанскихъ кедровъ (*a*). По своимъ размѣрамъ оно было не меньше современнаго четырехъэтажнаго дома: 100 локтей (25 саж.) длины, 50 локтей (12½ саж.) ширины и 30 локтей (7½ саж.) вышины. По нѣсколькимъ ступенямъ мы поднимаемся ко входу и входимъ въ огромную залу, поддерживаемую тремя рядами стройныхъ колоннъ изъ кедра, по пятнадцати въ рядъ; кромѣ узенькихъ боковыхъ окошекъ, свѣтъ вливается спереди и сзади черезъ тотъ выходъ, черезъ который мы вошли, и черезъ противоположный, ибо дверей нѣтъ — вмѣсто нихъ тоже колоннады. Въ залѣ сейчасъ никого нѣтъ, но въ дни царскихъ пріемовъ и торжественныхъ празднествъ въ храмѣ тутъ собирается множество народа; тогда тутъ мы увидимъ и царскихъ придворныхъ, и евнуховъ царицъ, и пріѣзжихъ вождей изъ разныхъ мѣстъ Израиля, и иностранныхъ пословъ; вся эта публика жужжитъ и гудитъ, жестикулируетъ и хохочетъ. А сейчасъ все тихо, никого нѣтъ, только, какъ недвижныя изваянія, стоятъ стражи, зорко оглядывающіе каждаго входящаго. Стража и живетъ здѣсь. Надъ залой, во второмъ этажѣ, находятся ея казармы и рядомъ съ ними арсеналъ, гдѣ сложено

Ливанскіе кедры. Съ фотографіи.

всякое оружіе, и свое, и отнятое у врага. Черезъ выходъ на противоположной стѣнѣ мы выходимъ опять на площадь, и передъ нами другое сооруженіе, еще больше перваго. Это тронная зала царя, гдѣ онъ творитъ судъ и расправу (*b*). По нѣсколькимъ ступенямъ мы входимъ въ небольшую залу (50 локтей длины и 30 ширины), гдѣ просители и тяжущіеся ждутъ своей очереди. А оттуда мы входимъ въ самую тронную залу. Это огромная зала, по размѣрамъ еще больше, чѣмъ зала въ первомъ домѣ. Вся она обложена рѣзными кедровыми досками, и полъ сдѣланъ тоже изъ кедровыхъ досокъ; въ глубинѣ стоитъ царскій тронъ, украшенный инкрустаціями изъ мѣди и слоновой кости. Тутъ судитъ царь. Тутъ Соломонъ выносилъ свои приговоры, составившіе ему славу перваго мудреца въ своемъ народѣ. Справедливый и мудрый судья былъ тогда рѣдкостью во Израилѣ; царскіе намѣстники судили пристрастно, притѣсняли слабыхъ и мирволили сильнымъ. Слава Соломона, какъ мудраго судьи, гремѣла въ народѣ; и хорошій судья скоро сталъ казаться народу надѣленнымъ особою мудростью, посланною самимъ божествомъ. «И далъ Ягве Соломону много много мудрости и разума и богатства ума, подобно песку на берегу моря; и мудрость Соломона была больше, чѣмъ мудрость всѣхъ, живущихъ на востокѣ (халдеевъ), и чѣмъ вся мудрость египетская. И былъ онъ мудрѣе всѣхъ людей, мудрѣе, чѣмъ Еѳанъ, сынъ Зары, и Геманъ, и Халколъ, и Дарда. И изрекъ онъ три тысячи притчей, а пѣсенъ его была тысяча. И онъ говорилъ о деревьяхъ, отъ кедра ливанскаго до иссопа, вырастающаго изъ стѣны. Говорилъ онъ о скотѣ, о птицахъ, о пресмыкающихся и о рыбахъ. И приходили изъ всѣхъ народовъ послушать мудрость

Соломона, и принималъ онъ дары отъ всѣхъ царей земли, которые слышали о его мудрости». И когда впослѣдствіи ученые книжники собрали изреченія мудрыхъ людей и народныя поговорки и составили изъ нихъ большія

I. Входъ.



II. Боковой видъ.

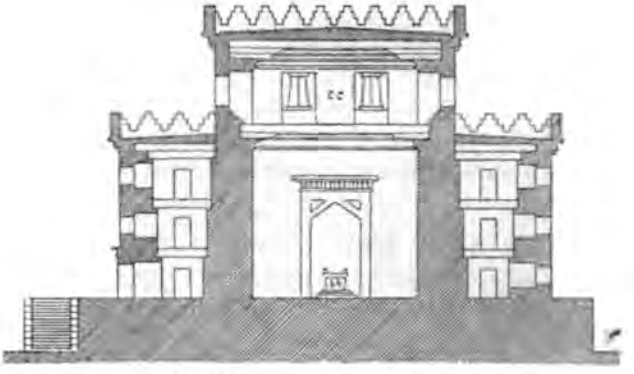
Храмъ Соломона (реконструкція).

книги, они объявили авторомъ ихъ Соломона. Только такой мудрецъ, — говорили они, — могъ составить всѣ эти притчи и всю эту мудрость.

Выходя изъ тронной залы, мы видимъ домъ, въ которомъ жилъ мудрый царь со своими женами (*c*). Домъ обнесенъ

стѣною, и за стѣну нельзя было проникнуть простому смертному. Объ устройствѣ царскаго дворца знали немногіе; они разсказывали, что царскій дворецъ очень великъ, больше всѣхъ зданій въ городѣ Соломона.

III. Продольный разрѣзъ.



IV. Поперечный разрѣзъ.
Храмъ Соломона (реконструкція).

Состоитъ онъ изъ трехъ частей: залы съ колоннами, въ томъ же родѣ, какъ и тронный залъ, изъ аппартаментовъ самого царя и изъ аппартаментовъ царицы, дочери фараона, главной жены Соломона. Въ задней части стѣны, окружающей дворецъ, были сдѣланы ворота въ

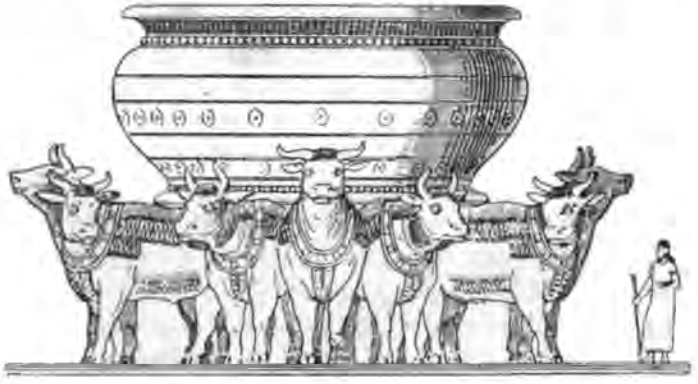
огромный дворъ, окруженный особой стѣною: на этомъ дворѣ и стоялъ храмъ, домъ Ягве (*d*). Народъ могъ проходить во дворъ храма черезъ другія ворота, сдѣланныя въ восточной части стѣны.

Домъ Ягве былъ невеликъ; онъ былъ меньше всѣхъ остальныхъ зданій въ городѣ Соломона; внутренность его имѣла только 60 локтей (15 саж.) длины, 20 локтей (5 саж.) ширины и 30 локтей (7½ саж.) вышины. Но за то всякій, кто побывалъ въ храмѣ, воочію убѣждался въ «мудрости» Соломона: ничего подобнаго израильтяне никогда не видали ни въ Офрѣ, ни въ Нобѣ, ни въ Силомѣ. Предназначенный для помѣщенія величайшей святыни, ковчега Ягве, храмъ нельзя было построить изъ дерева: дерево легко горитъ, и для божьяго дома матеріалъ ненадежный. Кромѣ того, Ягве не любитъ дерева: ему пріятнѣе всего камень, изъ котораго надо ему строить жертвенники, котораго такъ много на Синаѣ, исконномъ мѣстожительствѣ бога. И поэтому Соломонъ не рѣшился построить домъ Ягве изъ дерева. Храмъ выложили изъ камня; только полъ сдѣлали изъ кипарисовыхъ досокъ, а внутреннія стѣны обшили кедромъ. Но если мы войдемъ внутрь храма и внимательно его осмотримъ, то мы увидимъ, что во всемъ остальномъ Соломонъ далъ полную волю финикійскимъ мастерамъ, и они построили израильскому Ягве домъ съ такими же принадлежностями и въ такомъ же стилѣ, какъ своимъ роднымъ богамъ— господину Тира, Мелькарту, или госпожѣ Сидона, Астартѣ.

Входъ въ храмъ находился съ восточной стороны; передъ храмомъ стоялъ большой жертвенникъ для жертвоприношеній Ягве въ великіе праздники, такъ какъ храмъ назначался, собственно, не для богослуженія, а

для пребыванія Ягве, присутствующаго въ ковчегѣ. По десяти каменнымъ ступенямъ мы входимъ въ небольшой притворъ храма (*III*, *a*). У входа, въ притворѣ, стоятъ по бокамъ двѣ мѣдныя колонны (*I*, *aa*), отлитыя мѣднолитейнымъ мастеромъ изъ Тира; тотъ же мастеръ сдѣлалъ и всѣ другія мѣдныя вещи для храма. Каждая колонна была почти въ 4 сажени вышиной; каждая покоилась на четыреугольномъ каменномъ постаментѣ. Эти колонны были одною изъ достопримѣчательностей храма; израильтянина онѣ прежде всего поражали своей вычурной формой. Мастеръ особенно постарался надъ ихъ капителями (верхушками). Капитель представляла изъ себя шаръ, съ сѣтчатой инкрустаціей; шаръ кончался кверху вѣнцомъ изъ листьевъ лиліи, а на самомъ шарѣ, какъ ожерелья, висѣли двѣ цѣпи изъ гранатовыхъ яблоковъ; все было отлито изъ мѣди. Подивившись на вычурный видъ колоннъ, посѣтитель замѣчалъ на нихъ еще нѣчто таинственное: на каждой колоннѣ была вырѣзана надпись, на правой—jakin, на лѣвой—boᶜaz. Даже грамотный израильтянинъ не понималъ этихъ надписей, потому что онѣ были сдѣланы не на еврейскомъ, а на финикійскомъ языкѣ: мастеръ изъ Тира поставилъ колонны и, чтобы онѣ твердо стояли, снабдилъ ихъ какими-то талисманическими надписями, понятными ему одному. А въ теперешней библіи эти надписи переданы, должно быть, невѣрно, потому что до сихъ поръ даже самые лучшіе знатоки финикійскаго языка не могутъ разгадать ихъ. И потому до сихъ поръ мы не можемъ отгадать, для чего были поставлены эти столбы. Если бы ихъ поставили только для украшенія, ихъ не снабдили бы таинственными надписями; но не понимая этихъ надписей, мы не

можемъ понять и ихъ назначенія. Быть можетъ, они должны были замѣнять собою священные каменные столбы (массевы), которые обыкновенно ставили на высотахъ около жертвенника. А быть можетъ финикійскій мастеръ поставилъ ихъ потому, что у его родного Мелькарта тронъ покоился на двухъ основаніяхъ, Правдѣ и Судѣ, которыя поддерживаютъ тронъ Мелькарта и всюду его сопровождаютъ; отчего же нельзя



Мѣдное море (реконструкція).

было дать такихъ же спутниковъ и Ягве? Въ качествѣ ихъ символовъ и могли быть поставлены эти двѣ колонны. Все это чуждо было израильтянину. Но онъ находилъ тутъ одинъ предметъ, который изстари пользовался необыкновенной святостью. Это было мѣдное изображеніе змѣи, называвшееся Нехуштанъ; про него разсказывали, что его сдѣлалъ въ пустынѣ Моисей, когда на народъ Ягве послалъ ядовитыхъ змѣй. Всякій, кто съ мольбою обращался къ этому змѣю, исцѣлялся. Эту святыню Соломонъ помѣстилъ въ своемъ храмѣ.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Изъ притвора мы вступаемъ въ главную залу храма (*III*, *b*). Въ глубинѣ ея стѣна изъ кедроваго дерева; посрединѣ стѣны пятиугольная створчатая дверь изъ масличнаго дерева ведетъ въ дебиръ-святилищъ, гдѣ живетъ самъ богъ. Передъ дверью стоялъ большой столъ (*bb*), на который ежедневно клались хлѣбы для божества (хлѣбы предложенія); по правой и лѣвой сторонѣ стояло по пять мѣдныхъ свѣтильниковъ, горѣвшихъ днемъ и ночью. Затѣмъ, тутъ мы видимъ огромное мѣдное море: это большая чаша, покоящаяся на подставкѣ, которая изображаетъ собою двѣнадцать воловъ: три съ сѣверной стороны, три съ южной, три съ восточной и три съ западной. Это море служило водоемомъ, изъ котораго черпали воду въ подвижныя чаши; чашъ было десять, онѣ были тоже мѣдныя, каждая была на колесахъ, могла передвигаться съ мѣста на мѣсто. И опять для израильтянина всѣ эти принадлежности были необычнымъ новшествомъ; зато онѣ хорошо были извѣстны финикійскому мастеру. Умывальницы на колесахъ были во всеобщемъ употребленіи въ финикійскихъ храмахъ; при раскопкахъ на островѣ Кипрѣ было найдено много такихъ подвижныхъ чашъ, чрезвычайно похожихъ на чаши соломонова храма. Только мастеръ не сообразилъ одного, что жрецамъ соломонова храма трудно было догадаться, для чего чаши служатъ. Въ финикійскихъ храмахъ вода, налитая въ эти чаши, считалась святою; она была символомъ той воды жизни, которую финикійскій богъ Мелькартъ досталъ во время своихъ странствованій по свѣту. Жрецы іерусалимскаго храма думали, что это просто умывальницы, спеціально для нихъ устроенныя. Мѣдное море было сдѣлано по образцу такого же предмета, употре-

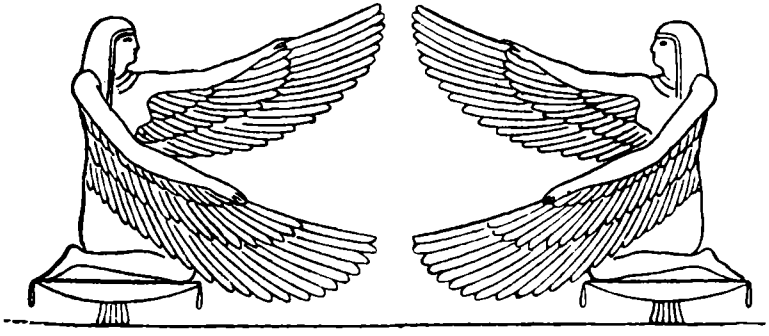
блявшагося въ вавилонскомъ храмѣ въ честь Мардука. Тамъ оно было символическимъ изображеніемъ небеснаго океана, покоящагося на созвѣздіяхъ зодіака, этой небесной плотинѣ, которая идетъ по горизонту и поддерживаетъ небесныя воды; двѣнадцать быковъ—двѣнадцать созвѣздій зодіака. Но жрецы іерусалимскаго храма не понимали символическаго значенія этого моря и употребляли его просто какъ водоемъ для умывальницъ.

Финикійская подвижная чаша.

Наконецъ, мы у двери, которая ведетъ къ самому богу Ягве. Дверь раскрывается, и мы въ дебирѣ, въ совершенно темномъ тайникѣ (*c*), гдѣ стоитъ ковчегъ Ягве; по бокамъ его распростерли свои огромныя крылья два керуба, миѳическія чудовища, на которыхъ летаетъ Ягве, и которыя поддерживаютъ его тронъ. Финикійскій мастеръ сдѣлалъ ихъ такъ, какъ изображали ихъ финикіяне: въ видѣ крылатыхъ существъ съ человѣческой головою и огромныхъ размѣровъ: въ двѣ съ половиной сажени вышиною, а крылья—по сажени. Между этими огромными изваяніями изъ масличнаго дерева ковчегъ, старый, изрубленный въ бояхъ домъ Ягве, казался такимъ маленькимъ и невзрачнымъ. Но Соломонъ и Израиль твердо вѣрили, что въ немъ-то и заключена вся

могущественная и таинственная сила; для этого невиднаго ящичка изъ акаціева дерева было сооружено все это величественное зданіе. И когда ковчегъ былъ торжественно перенесенъ изъ Давидова шатра въ новое роскошное жилище и поставленъ въ дебирѣ, всѣмъ показалось, что храмъ наполнился какъ бы облакомъ, такъ что жрецы и царь долгое время не могли приступить къ жертвоприношенію. Пораженный царь, какъ говоритъ легенда, обратясь къ ковчегу, произнесъ слѣдующій стихъ, записанный въ собраніи древне-еврейскихъ пѣсенъ:

Ягве, ты, который возвѣстилъ, что хочешь
жить въ сумракѣ облака,
Вотъ я построилъ домъ—жилище тебѣ,
Мѣсто, гдѣ жить тебѣ во вѣки вѣковъ!



Керубы изъ Дендеры.

И потомъ, разсказываетъ легенда, царь принесъ безчисленныя жертвы: 22.000 быковъ и 120.000 овецъ, и весь народъ принялъ участіе въ жертвенномъ пирѣ. Такъ разукрасила легенда освященіе храма; въ дѣйствительности, врядъ ли оно было столь грандіозно.

Таково было новое жилище Ягве. Для служенія

богу Соломонъ назначилъ обширный штатъ жрецовъ, среди которыхъ были сыновья Давида, его братья и другіе жрецы; но старшимъ былъ уже не Авіаѳаръ, котораго Соломонъ не любилъ за самостоятельный характеръ, а Садокъ, новый человѣкъ, назначенный въ жрецы Давидомъ. Для жрецовъ нужно было также жилище; для нихъ сдѣлали вокругъ храма узкую трехъэтажную пристройку, около 4 саж. вышины, въ родѣ галлереи (*II*, *d*); въ каждомъ этажѣ было по тридцати маленькихъ комнатъ. Входъ въ эту пристройку былъ особый, съ южной стороны (*II*, *e*). Такимъ образомъ, храмъ представлялъ изъ себя очень высокое, узкое и длинное зданіе, окруженное узкой пристройкой вдвое ниже самаго храма. Стѣны, вѣроятно, были по обычаю того времени, зубчатыя, а крыша плоская.

«Домъ Ягве», выстроенный Соломономъ, былъ царскимъ храмомъ. Царь жилъ рядомъ со своимъ божествомъ-покровителемъ, и простому человѣку было также трудно пробраться въ домъ Ягве, какъ и въ домъ царя. И надо думать, что первое время въ народѣ говорили о новомъ храмѣ, какъ о диковинкѣ, свидѣтельствующей о великой мудрости Соломона, но врядъ ли считали его болѣе святымъ, чѣмъ старинныя мѣста богослуженія. Когда израильтянинъ входилъ въ храмъ Соломона, все казалось ему тамъ чуждымъ и необычнымъ; старинныя святыни, хранившіяся, какъ зѣница ока, въ Гилгалѣ, Силомѣ, Бееръ-Шева и въ другихъ мѣстахъ, были ему дороже и милѣе. Старыя ашеры (священныя деревья) и массевы уже не разъ показывали свою чудодѣйственную силу; новые мѣдные столбы съ надписями на невѣдомомъ языкѣ еще ничѣмъ не проявили своего могущества. Старые дубы и священные колодцы были у всѣхъ

на виду, всякій могъ притти къ нимъ и попытаться вступить въ сношенія съ жившимъ въ нихъ божествомъ: лечь около нихъ спать или прислушаться къ голосу божества, раздающемуся въ шелестѣ листьевъ или въ журчаніи воды. А къ ковчегу Ягве, скрывшемуся во мракѣ дебира, путь былъ теперь заказанъ. Поэтому построеніе храма первое время мало въ чемъ измѣнило народные религіозные обычаи. Возможно, что первое время къ новому храму въ народѣ относились даже враждебно: вѣдь чтобы построить это новое святилище, простому люду пришлось вынести на своихъ плечахъ такую тяжелую барщину, которая надолго осталась въ памяти народа — не даромъ долгое время вспоминали, какъ царь Соломонъ истязалъ своихъ подданныхъ бичами. Слава храма была еще въ будущемъ, такъ же, какъ и слава Іерусалима. Іерусалиму еще нужно было превратиться въ настоящій городъ, чтобы стать настоящимъ центромъ Израиля; а пока онъ былъ только царскимъ бургомъ, грозной крѣпостью, отдѣленной отъ всего сосѣдства высокими стѣнами. Бургъ Давида и резиденція Соломона, расположенные на восточныхъ холмахъ, еще не составляли единаго цѣлаго съ бѣдной деревушкой іевусеевъ на юго-западномъ холмѣ; деревушка отдѣлялась отъ царскаго замка глубокимъ ущельемъ, а входъ въ замокъ охранялся неумолимою стражей. Должно было пройти около ста лѣтъ, пока поселокъ на юго-западномъ холмѣ не превратился въ городъ, разросшійся впослѣдствіи къ сѣверу и сѣверо-востоку и окружившій собою Сіонъ и резиденцію Соломона такъ же, какъ теперешній Китай-городъ и Бѣлый городъ въ Москвѣ окружили собою Кремль, эту первоначальную Москву.

VIII.

Жизнь Израиля послѣ Соломона.

Соломону подчинялась большая часть израильскихъ племенъ; но его власть была очень непрочна. Когда онъ умеръ, израильскіе князья собрались въ Сихемъ; пріѣхалъ туда и сынъ Соломона, Ровоамъ, которому очень хотѣлось, чтобы его выбрали царемъ въ Израилѣ. Но князья были очень недовольны царствованіемъ Соломона. Они помнили, какъ много требовалъ онъ отъ нихъ для поддержанія роскоши своего дворца; удовлетворяя царскія требованія, они должны были заставлять своихъ людей нести непосильныя работы и чувствовали, что народъ начинаетъ ненавидѣть ихъ; да и самимъ имъ хотѣлось пожить въ роскоши и въ удовольствіи, не отказывая себѣ ни въ чемъ ради царскихъ прихотей. И поэтому они сказали Ровоаму: «отецъ твой наложилъ на насъ тяжелое иго; если ты облегчишь его, то мы будемъ служить тебѣ». Ровоамъ посовѣтовался со своими приближенными; тѣ уже привыкли къ роскоши и думали, что отказываться отъ требованій Соломона не слѣдуетъ: лучше хорошенько припугнуть князей, — все равно, кромѣ Ровоама, вѣдь выбрать некого. И Ровоамъ отвѣтилъ: «если отецъ мой обременялъ васъ тяжкимъ игомъ, то я его увеличу; отецъ наказывалъ васъ бичами, а я буду бить васъ скорпіонами». Услыхавъ такой отвѣтъ, князья всѣхъ племенъ, кромѣ Іуды, сказали ему: «тогда довольно съ тебя твоего собственнаго дома», — и выбрали царемъ Іеровоама, сына Навата, изъ Ефрема. При Соломонѣ этотъ Іеровоамъ былъ намѣстникомъ царя въ Ефремѣ и тогда еще пытался отдѣлиться отъ Соломона, но

неудачно; отъ царскаго гнѣва онъ бѣжалъ въ Египетъ, а теперь вернулся и былъ выбранъ царемъ въ Ефремѣ. Такъ стало въ Израилѣ два царя — одинъ царь на югѣ, въ Іудѣ, другой царь на сѣверѣ, въ Ефремѣ; къ царству Ефрема тянули всѣ остальныя племена, а подъ скипетромъ дома Давида остался только Іуда. Зато на сѣверѣ было постоянное соперничество князей между собой, и тамъ часто мѣнялись династіи. Иногда противъ царя тамъ составляли заговоры его же военноначальники; такъ Вааса, изъ Иссахара, составилъ заговоръ противъ Навата, сына Іеровоама, а впослѣдствіи Іиуй составилъ заговоръ противъ Іорама, сына Ахава, изъ династіи Омри (Амврія). Иногда князья не соглашались на то, чтобы надъ ними правилъ сынъ предшествующаго царя и выбирали другого — такъ была возведена на престолъ династія Омри. Только изрѣдка соединялись вмѣстѣ южный и сѣверный цари, когда грозила имъ опасность со стороны какого-либо сильнаго врага. Пришлось имъ отбиваться вмѣстѣ отъ сирійскаго царства, которое при царѣ Венададѣ стремилось подчинить себѣ израильскія царства; а потомъ пришлось вмѣстѣ защищаться отъ ассиріянъ. Но чаще южный и сѣверный цари враждовали другъ съ другомъ. Каждый хотѣлъ объединить подъ своею властью всѣ израильскія племена; изъ-за этого и кипѣла вражда.

Но по прежнему царей слушались больше всего только на войнѣ, а въ мирное время царю приходилось самому прислушиваться къ голосу своихъ князей, иначе тѣ могли и отказаться помогать ему въ трудную минуту. Эти князья, «доблестные рыцари» (gibborê chaïl), были тогда настоящими господами въ Израилѣ. Одни изъ нихъ славились древностью рода, считали своими предками тѣхъ

самыхъ старѣйшинъ родовъ, подъ начальствомъ которыхъ израильскія племена заняли Палестину. Но такихъ было немного; больше всего было такихъ князей, которые вели свое происхожденіе отъ старинныхъ дружинниковъ царей и судей. Этимъ доблестнымъ рыцарямъ было хорошо жить. Своимъ дружинникамъ цари раздавали лучшія поля и виноградники, а крестьянское населеніе земель, достававшихся дружинникамъ, должно было на нихъ и на царя работать. Но князьямъ часто и этого казалось мало: они пользовались своею силою, тѣмъ, что управы на нихъ не было, и отнимали у крестьянъ приглянувшіяся имъ поля. Сами цари показывали примѣръ. Израильскому царю Ахаву очень понравилось поле крестьянина Навуѳея, настолько, что онъ ни день ни ночь ни о чемъ другомъ думать не могъ. Царица Іезавель, видя, что царь тоскуетъ, спросила его, въ чемъ дѣло. Ахавъ разсказалъ ей свое желаніе. «Развѣ ты не царь во Израилѣ?» удивилась Іезавель. Сейчасъ же написала она письмо къ судьямъ, на Навуѳея возвели ложное обвиненіе и казнили его, а его имѣніе досталось царю. Живя даровою работою и оброкомъ крестьянъ, князья и цари утопали въ роскоши. Иной князь строилъ себѣ такой домъ и такъ украшалъ его, что позавидовалъ бы самъ царь Соломонъ. Всюду золото и слоновая кость; софы у столовъ изъ слоновой кости, постели изъ пуха, столы съ утра до ночи гнутся подъ грудами вкусныхъ яствъ, а вино льется рѣкою. А сами господа возлежатъ вокругъ стола разодѣтые и напомаженные, ихъ тѣло натерто лучшимъ благовоннымъ масломъ, которое растерто руками деревенскихъ дѣвушекъ, согнанныхъ на эту работу; на рукахъ и ногахъ—золотые браслеты; въ волосахъ золотыя повязки; у дамъ брови

подведены и щеки подрумянены лучшими средствами, привезенными прямо изъ Вавилона, который тогда былъ изобрѣтателемъ всяческихъ модъ, какъ теперь Парижъ. Вельможамъ было мало дѣла до того, что вся эта роскошь создавалась тяжкими трудами и слезами простого народа. «Они поютъ подъ звуки гуслей, пьютъ изъ чашъ вино и не сокрушаются о бѣдствіяхъ Іосифа!»

Современныя женскія украшенія и наряды въ Палестинѣ.

Простые люди очень страдали отъ притѣсненій князей. Прошло давно то время, когда во дни Саула или Давида князь довольствовался только десятой частью посѣвовъ и винограднаго сбора. Въ тѣ времена больше князьямъ и не было нужно, и не только потому, что тогда сами князья жили проще и не гнущались еще сами ручной черной работой. Если бы тогда князь сталъ тре-

бовать слишкомъ много, ему некуда было бы дѣвать собранную дань—пришлось бы хлѣбу гнить въ амбарахъ, а вину—киснуть въ бочкахъ. Лѣтъ семьдесятъ спустя послѣ Соломона жизнь въ Палестинѣ сильно измѣнилась. Около большихъ бурговъ появились торговыя и ремесленныя слободы, потянувшіяся лучами отъ воротъ бурга, у которыхъ князья чинили судъ и расправу. Сюда, къ этимъ воротамъ, въ дни судебныхъ засѣданій и въ дни большихъ праздниковъ, издавна привыкли приходить окрестные крестьяне—поэтому сюда же удобнѣе всего было приходить со своими товарами купцамъ, которые и устраивали тутъ рынки, и тутъ же удобнѣе всего было поселиться ремесленникамъ, которые въ дни собраній могли получать и выдавать заказы. Совсѣмъ какъ у насъ въ старой Москвѣ или какъ въ старыхъ западно-европейскихъ городахъ, ремесленники и торговцы располагались и селились вмѣстѣ по спеціальностямъ. Въ Іерусалимѣ были «Рыбныя ворота» и «Овечьи ворота», была «Булочная улица», «Суконное поле», «Плотничья долина»,—подобно тому какъ у насъ Конная площадь или Сѣнная площадь, Мясницкая улица, Кузнецкій мостъ. Надо полагать, что такія же слободы выросли и въ другихъ бургахъ. Ремесленный и торговый людъ, поселившійся въ этихъ слободахъ, самъ не пахалъ и не сѣялъ, но, конечно, нуждался въ хлѣбѣ. Поэтому теперь князьямъ было выгодно собирать съ своихъ земель и своихъ крестьянъ какъ можно больше продуктовъ; всѣ излишки можно было продать въ городѣ, а на вырученныя деньги обставить свой домъ и свою жизнь такъ же, какъ въ тогдашнихъ міровыхъ столицахъ—какъ въ Тирѣ или Сидонѣ, или какъ въ Вавилонѣ. Крестьянамъ стало теперь много труднѣе,

чѣмъ прежде. Ихъ поля отбирали себѣ князья, а ихъ самихъ отягощали работой. Не всѣ выносили это тяжкое иго. Одни убѣгали на югъ, въ Іудейскую пустыню, другіе пробовали возставать, но неудачно. Лишь немногіе счастливцы, у которыхъ оказывалась хорошая земля, успѣвали сами сколачивать деньги продажей своихъ продуктовъ на рынкѣ, и спѣшили скорѣе уйти изъ деревни совсѣмъ въ городъ. Поселяясь тамъ, они уже больше не боялись, что ихъ пуститъ по міру могущественный сосѣдъ.

Горожане и крестьяне одинаково не любили аристократовъ за неправедный судъ. Судили по стародавнимъ обычаямъ, и, какъ всегда бываетъ, обычаи были противорѣчивы и спорны; можно было рѣшить и такъ и иначе. Правда, судьи ссылались на то, что ихъ устами говоритъ божество, что ихъ рѣшеніе все равно, что тора Ягве. Но провѣрить ихъ было очень трудно. Рѣшивъ дѣло по старому обычаю, они говорили, что такая раньше была тора Ягве, такъ рѣшали прежніе судьи; наоборотъ, рѣшивъ дѣло несогласно со старымъ обычаемъ, они говорили, что испросили у Ягве тору спеціально для даннаго случая. За подарокъ золотомъ или серебромъ, а иной разъ за пару сандалій, судья рѣшалъ дѣло въ пользу сильнаго и богатаго, а незнатный или бѣдный невинно страдалъ. Ничего не стоило подкупить ложныхъ свидѣтелей, какъ было во времена Ахава въ дѣлѣ Навуѳея. Это зло тяготило и простыхъ и городскихъ жителей, и они возставали противъ него; они требовали, чтобы судьи судили не по обычаю, а по писаному закону; хотѣли, чтобы тора Ягве была записана въ точныхъ выраженіяхъ и всѣмъ извѣстна. Но, кажется, только царь іудейскій Іосафатъ внялъ этимъ

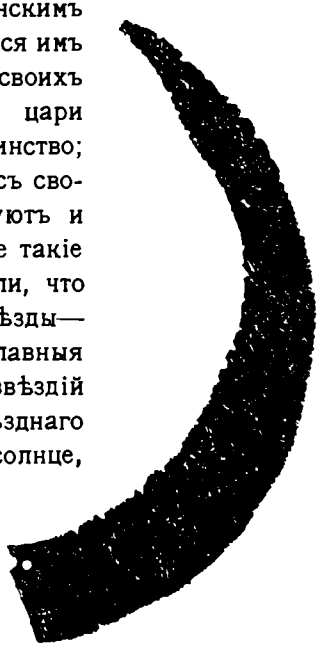
требованіямъ. Про него мы знаемъ (хотя не навѣрно), что при немъ была составлена книга торы Ягве; эту книгу онъ разослалъ всѣмъ судьямъ и велѣлъ судить впредь только по этой книгѣ. Составляли эту книгу жрецы, такъ какъ они лучше всѣхъ знали тору Ягве, и, конечно, жрецы Іерусалимскаго храма. Поэтому, въ этой первой книгѣ закона были записаны не одни судебные обычаи; жрецы прибавили туда еще особыя религіозныя предписанія. Имъ не хотѣлось, чтобы съ іерусалимскимъ храмомъ соперничали высоты и святилища въ другихъ мѣстахъ, чтобы народъ служилъ не только Ягве, но и другимъ мѣстнымъ божествамъ. Поэтому они начали книгу закона такою заповѣдью: «я Ягве, богъ твой, пусть не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ меня», и включили въ разныя мѣста книги предписанія и напоминанія о томъ, что надо служить только Ягве, но не другимъ богамъ, что надо помнить три великихъ праздника и дѣлать въ эти праздники обычныя приношенія Ягве, что не слѣдуетъ поносить и злословить судей (они же и жрецы) и начальниковъ. Мы можемъ найти эту книгу закона во второй книгѣ Моисея (Исходъ), гл. 20—24, въ сильно измѣненномъ видѣ. Тамъ разсказывается, что эти законы далъ народу самъ Ягве въ пустынѣ, у горы Синая. Во время грозы и землетрясенія онъ явился передъ своимъ народомъ; на гору къ нему взошелъ Моисей, выслушалъ и записалъ всѣ эти законы. Начинаются они тѣми самыми десятью заповѣдями, которыя извѣстны всему міру. Эти десять заповѣдей представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ изреченій, которыя, вѣроятно, были составлены раньше отдѣльными жрецами и пользовались широкой извѣстностью въ народѣ. Десять

изреченій, ставшихъ десятью заповѣдями, говорятъ, чего не долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы быть честнымъ и порядочнымъ; всякій, кто будетъ дѣлать запрещенное десятью заповѣдями, будетъ преступникомъ и подлежитъ суду и наказанію. Эти десять заповѣдей были написаны на двухъ каменныхъ доскахъ и, вѣроятно, были выставлены на главной площади Іерусалима; чтобы придать имъ особую святость, про нихъ говорили, что ихъ вырѣзалъ на этихъ доскахъ самъ Моисей. За десятью заповѣдями идутъ различныя предписанія, въ которыхъ судебные обычаи перепутаны съ жреческими требованіями. Но должно быть, законъ этотъ плохо исполнялся. Въ Ефремѣ его совсѣмъ не знали и не приняли; а въ Іудѣ имъ тоже не всѣ были довольны. Въ особенности были недовольны этимъ закономъ левиты, служившіе на высотахъ и въ другихъ мѣстныхъ святилищахъ, потому что этотъ законъ прославлялъ Ягве и запрещалъ служеніе другимъ богамъ. Но за предѣлами Іерусалима другіе мѣстные боги-Ваалы были больше извѣстны и казались ближе, чѣмъ Ягве; поэтому въ провинціяхъ Іуды этотъ законъ не получилъ большого распространенія.

Такъ началось раздѣленіе и вражда среди Израиля. Прежнія времена, когда не было порабощенія мелкихъ людей крупными, когда не было ни приниженной нищеты, ни высокомѣрнаго богатства, канули въ вѣчность. Знать и народъ раздѣлились, стали другъ другу враждебны и даже молиться стали разнымъ богамъ. Цари Іуды и Израиля устроили свои царскіе храмы и вводили новые религіозные обычаи и новыхъ боговъ. Соломонъ построилъ храмъ Ягве; когда, послѣ его смерти, Ефремъ выбралъ себѣ своего царя, Іеровоама, Іеровоамъ построилъ въ

Бетъ-Элѣ домъ богу Бетъ-Эля, поставилъ въ немъ два изображенія божества въ видѣ быковъ и призвалъ всѣхъ жителей своего царства приходить молиться въ его царское святилище. Царь говорилъ, что богъ Бетъ-Эля и есть тотъ богъ, который вывелъ Израиля изъ земли Египетской. А самый сильный царь изъ династіи Омри, Ахавъ, построилъ себѣ новый бургъ, Шомеронъ (Самарія), на горѣ, гдѣ издавна была священная дубрава; въ этой дубравѣ онъ построилъ свое царское святилище. Но, несмотря на всѣ старанія царей, народъ не любилъ царскихъ святилищъ. Правда, цари строили эти святилища богамъ, почитаемымъ среди народа; но народъ видѣлъ, что рядомъ со святилищами стариннымъ палестинскимъ богамъ, цари строятъ храмы совсѣмъ еретическіе, въ честь басурманскихъ боговъ, какъ сказали бы у насъ на Руси въ XVI или XVII вѣкѣ. Князья и цари принадлежали къ высшему обществу, которое было и наиболѣе образовано; они роднились съ иноземными царскими и княжескими домами и знакомились этимъ путемъ съ иноземною вѣрою и обычаями. Иноземныя принцессы, съ которыми вступали въ бракъ іудейскіе и израильскіе цари, не мѣняли своей вѣры, когда переѣзжали въ Іерусалимъ или Самарію, но хотѣли молиться по прежнему. И вотъ, для своихъ женъ Соломонъ построилъ храмъ въ честь тирскаго бога Мелькарта; такой же храмъ былъ потомъ построенъ въ честь другого финикійскаго божества, Молоха, въ долинѣ Гинномъ, около Іерусалима; когда грозила какая-нибудь опасная бѣда, этому Молоху приносили въ жертву дѣтей; Ахавъ построилъ въ Самаріи для Іезавели храмъ въ честь сидонскаго Ваала. Всѣ эти храмы продолжали существовать послѣ смерти

ихъ основателей, и послѣдующіе цари продолжали приносить жертвы ихъ богамъ; цари вполнѣ вѣрили въ существованіе этихъ боговъ и старались задобрить и умилостивить ихъ жертвами. Мало того, цари, познакомившись съ вавилонскимъ богословіемъ, стали пользоваться имъ для того, чтобы прославить своихъ мѣстныхъ боговъ. Іудейскіе цари знали, что у Ягве есть воинство; когда онъ сражается вмѣстѣ съ своимъ народомъ, ему сопутствуютъ и помогаютъ его воины. Кто же такіе эти воины? Вавилоняне думали, что войско боговъ—это звѣзды; звѣзды—воинство небесное. Самыя главныя звѣзды — это двѣнадцать созвѣздій зодіака, широкій поясъ звѣзднаго неба, по которому ходитъ солнце, луна и планеты. Іудейскіе цари, не долго думая, рѣшили, что воинство Ягве—это и есть звѣзды, и поставили для него особые жертвенники и назначили особыхъ жрецовъ; потомъ были поставлены жертвенники лунѣ, солнцу и созвѣздіямъ зодіака. Утварь для всѣхъ этихъ новыхъ культовъ хранилась въ храмѣ Ягве, и простолюдины, приходившіе въ храмъ, видѣли тамъ всѣ эти «мерзости». И служба самому Ягве стала совершаться по новой модѣ: ему уже не только приносили жертвы, но также курили ѳиміамъ—этотъ обычай тоже



Старинный серпъ (изъ Лахиша, въ Іудеѣ).

былъ заимствованъ изъ Тира. Всѣ эти новшества отталкивали народъ. Онъ предпочиталъ держаться старой вѣры.

Эта старая вѣра оставалась почти неизмѣнной съ самаго поселенія въ землѣ Ханаанъ. Она, какъ и раньше, заключалась въ поклоненіи не только Ягве, но и мѣстнымъ богамъ-Вааламъ, богамъ покровителямъ. Боговъ вспоминали, главнымъ образомъ, три раза въ году, когда земледѣлецъ совершалъ три важнѣйшихъ для его хозяйства работы. Первый разъ вспоминали боговъ и приносили имъ жертвы въ самомъ началѣ жатвы, когда созрѣетъ ячмень; онъ созрѣваетъ раньше всѣхъ другихъ злаковъ. Когда появится впервые серпъ въ полѣ, первый снопъ въ торжественной и веселой процессіи несли къ жрецу, и старый и малый вертѣлись въ хороводахъ и пѣли пѣсни; оттого и всѣ праздники назывались chaggim—хороводы. Жрецъ приносилъ торжественно этотъ снопъ божеству—это доля божества, благодарность и даръ ему за урожай. Вторая часть праздника заключалась въ томъ, что божеству приносили въ жертву первые наскоро изготовленные хлѣбы. Первыя зерна, сушеныя или сырыя, не могъ ѣсть человѣкъ; они тоже шли божеству. Ихъ наскоро растирали на ручной мельницѣ въ муку и готовили прѣсное тѣсто; изъ него пекли нѣчто въ родѣ нашихъ блиновъ, и эти опрѣсноки, mazzoth, были главнымъ кушаньемъ жертвеннаго пира, который обычно устраивался на каждомъ праздникѣ. На жертвенныхъ пирахъ насыщались и боги, и люди; всѣ веселились, ѣли и пили, и продолжались нескончаемые хороводы. Этотъ первый праздникъ носилъ названіе праздника опрѣсноковъ (mazzoth); но въ южной Палестинѣ, среди Іуды, его чаще называли стариннымъ

названіемъ пасхи, pesach. На южныхъ горахъ еще въ большомъ ходу было скотоводство, и тамъ первый праздникъ совершался весною, когда скотъ давалъ приплодъ. Божеству приносили тутъ не первинки плодовъ, а первенцевъ скота, и на пасхальномъ жертвенномъ пиру фигурировали не опрѣсноки, а пасхальный ягненокъ. Праздникъ тоже былъ веселый, всѣ принаряжались въ лучшія платья, пѣли пѣсни и играли на пастушьихъ свирѣляхъ; жертвенный пиръ совершался ночью, когда впервые показывался послѣ перваго весенняго новолунія молодой серпъ луны. Въ Іерусалимѣ оба праздника соединялись вмѣстѣ, и на жертвенномъ пиру красовался и ягненокъ, и опрѣсноки, и праздникъ тамъ назывался, то mazzoth, то pesach. Второй такой же веселый праздникъ совершался по окончаніи жатвы. Жатва подходитъ къ концу, уже пшеница созрѣла, осталось сжать ее—надо опять вспомнить боговъ и принести имъ жертву. И начинался второй chagg, второе время хороводовъ и пѣсенъ, праздникъ kazir; тутъ на жертвенномъ пиру красуются кислые пшеничные хлѣбы, испеченные изъ первыхъ зеренъ со-

Ручная каменная мельница (изъ Гезера, въ Іудеѣ).

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

зрѣвшей пшеницы; этотъ праздникъ обыкновенно начинался черезъ семь недѣль послѣ перваго, и потому его иначе называли праздникомъ недѣль или пятидесятницей (schabuoth). Когда хлѣбъ созрѣлъ и убранъ, начинается благодатная осень: поспѣваютъ маслины и виноградъ, даетъ свой плодъ виноградная лоза, которая веселитъ и боговъ и людей. Какъ же опять не праздновать, какъ опять не вспомнить боговъ? И старый и малый собирались тогда въ сады и виноградники, и начинался праздникъ собиранія плодовъ (asiph); этотъ праздникъ продолжался цѣлую недѣлю, пока не будутъ собраны всѣ плоды, и все это время и старый и малый жили въ виноградникахъ въ легкихъ шалашахъ (sukkoth, кущи); отъ этого осенній праздникъ иначе назывался праздникомъ кущей, sukkoth. На этомъ праздникѣ было особенно весело; богу приносили въ жертву вино, и израильтянинъ былъ весь радостью, не только отъ вина, но и отъ того, что конецъ вѣнчаетъ дѣло. Тутъ можно было устроить всенародный праздникъ: когда всѣ работы кончены, можно было пойти въ Іерусалимъ или въ Бетъ-Эль посмотрѣть, какъ тамъ совершается этотъ праздникъ въ царскомъ святилищѣ. Въ Іерусалимѣ и Бетъ-Элѣ, прямо подъ открытымъ небомъ, около храма, разставлялись столы съ жертвенными яствами; беззаботныя дѣвушки вертѣлись въ бѣшеной пляскѣ, ударяя себя въ грудь; вмѣстѣ съ ними кружились юноши, стоялъ стонъ отъ гуслей, тимпановъ и пѣнія; ѣли до пресыщенія, пили до безчувствія. И вмѣстѣ съ людьми радовались и веселились боги, вкушая жертвы изъ вина, масла и мяса.

Но во дни преемниковъ Соломона въ Іудѣ и во дни династіи Омри въ Ефремѣ народъ сталъ чувствовать,

что старая вѣра не вполнѣ себя оправдываетъ. Несмотря на всѣ обильныя жертвы, несмотря на увеселенія пѣніемъ и плясками, жить становилось изъ году въ годъ труднѣе. Простого человѣка совсѣмъ притѣснили князья; но мало этого, начались неурожаи. Во дни Ахава былъ такой неурожай, что матери ѣли собственныхъ дѣтей, а царю пришлось съ трудомъ отыскивать пастбища для

Точило для выдавливанія сока маслинъ (изъ Таанаха).

своихъ коней. Ясно было, что старые боги плохо помогаютъ и плохо прислушиваются къ тому, что дѣлается среди ихъ почитателей, такъ какъ они допустили разореніе и голодъ, неправду и насиліе. И вотъ среди народа появляются такіе люди, которые совершенно отрицаютъ старыхъ боговъ и старый способъ поклоненія имъ; эти люди въ то же время изобличаютъ князей, царей и жре-

цовъ въ насиліяхъ и въ неправдѣ по отношенію къ народу и грозятъ насильникамъ гибелью. Эти люди извѣстны подъ названіемъ пророковъ.

IX.

Пророки.

Изстари въ Израилѣ были такіе люди, которые спеціально занимались гаданіемъ и узнаваніемъ воли боговъ; иногда такими гадателями были и жрецы, но далеко не всегда, потому что жертву принести умѣлъ всякій, а науку гадателей зналъ не всякій, она была трудная и держалась въ секретѣ. Такихъ гадателей звали прозорливцами (roe) или прорицателями, пророками (nabi). Къ нимъ обращались въ трудныя минуты жизни; они умѣли сказать, гдѣ найти потерянное или украденное, какъ кончится начатое дѣло, могли помочь въ болѣзни, выгнавъ духа, причинившаго болѣзнь. Волю божества они узнавали особеннымъ способомъ; всего лучше имъ казалось сдѣлать такъ, чтобы въ нихъ вселилось само божество и заговорило ихъ устами. Для этого они возбуждали себя игрою на гусляхъ или пѣніемъ и плясками; кружились въ бѣшеномъ танцѣ, иногда ударяли себя ножами и мечами, такъ что лилась кровь. Когда пророкъ доходилъ до изступленія, онъ начиналъ бормотать изреченія, непремѣнно въ стихотворной формѣ; эти изреченія жадно ловились слушателями и часто записывались, потому что ихъ считали словами самого бога, вселившагося въ пророка. Этимъ способомъ узнавать волю Ягве пророки отличались отъ

гадателей-жрецовъ и всѣхъ остальныхъ людей. Жрецъ умѣлъ бросать уримъ и туммимъ передъ ефодомъ, умѣлъ опредѣлить, пріятна жертва божеству, или нѣтъ; всякій могъ получить откровеніе отъ божества во снѣ; но только пророки умѣли привлекать божество и дѣлать такъ, чтобы оно вселялось въ нихъ и говорило ихъ устами. Цари не сразу заинтересовались этими пророками; но когда пришлось имъ совершать большіе походы, они стали приглашать пророковъ къ себѣ на службу. Такіе пророки по профессіи повсюду сопровождали царя и, когда онъ имъ приказывалъ, спрашивали божество и давали отвѣтъ. При Ахавѣ были такіе пророки, которые спрашивали о финикійскаго Ваала; но онъ держалъ при себѣ и пророковъ Ягве. Конечно, оракулы пророковъ не всегда сбывались; такъ какъ царямъ и вельможамъ всегда пріятна лесть и предсказанія удачи, то пророки, состоявшіе на службѣ у царей, всегда предсказывали миръ, но вмѣсто мира часто бывала война. Тогда говорили, что въ пророка вселился духъ лжи, который любитъ посмѣяться надъ людьми и обмануть ихъ; пророку, ставшему игрушкой духа лжи, уже не давали вѣры и даже казнили его. При Ахавѣ за это погибла цѣлая коллегія пророковъ Ягве. Должность пророковъ была, значитъ, очень опасная, но ловкій и свѣдущій человѣкъ, который хорошо зналъ отношенія между разными царями и ихъ силы, могъ въ должности пророка получить большія выгоды.

Но царскіе пророки, дававшіе совѣты царямъ и вельможамъ и получавшіе за это большое жалованье, были не единственными пророками. Среди народа часто появлялись свои пророки. Они отличались отъ царскихъ пророковъ только своимъ образомъ жизни; они ходили

изъ одного мѣста въ другое, питались доброхотными подаяніями, а иногда имѣли и какое-либо свое собственное занятіе, доставлявшее имъ средства къ жизни. Отвѣты божества они давали такимъ же способомъ, какъ и царскіе пророки; они вѣрили, что въ нихъ вселяется духъ, который и говоритъ ихъ устами. Но они не прилаживались къ желаніямъ своихъ слушателей и часто говорили грозныя и печальныя рѣчи, предвѣщали не миръ, а войну. Выходцы изъ среды простого народа, они принимали близко къ сердцу его нужды и негодовали на царей и вельможъ, притѣснявшихъ народъ. За 800—750 лѣтъ до Рождества Христова, когда народу стало особенно тяжело жить отъ притѣсненій, когда самому существованію Ефрема и Іуды стала грозить гибель отъ Ассиріи и Вавилона, когда, не видя ниоткуда спасенія, люди извѣрились въ старыхъ богахъ и въ старыхъ способахъ поклоненія имъ, появилось нѣсколько замѣчательныхъ народныхъ пророковъ. Это были необыкновенно горячіе и талантливые проповѣдники; становясь всею душою за правду, они проповѣдывали новую религію, непохожую на старую, призывали князей и народъ къ исправленію и обѣщали Израилю чудесное царство въ награду за исправленіе. Они помогали простому люду не только словомъ, но и дѣломъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ ходили разсказы, что они совершали чудеса на пользу народа. Въ библіи сохранилось много такихъ чудесныхъ разсказовъ о двухъ первыхъ изъ такихъ пророковъ, Иліи и Елисеѣ, а также въ нѣсколькихъ книгахъ собраны рѣчи слѣдующихъ пророковъ, Амоса, Осіи, Михея, Исаіи, Іереміи и другихъ.

Илія и его ученикъ Елисей были пророками Ягве;

они жили во дни царя Ефрема, Ахава. Илія явился неожиданно передъ Ахавомъ и сказалъ: «живъ Ягве, богъ Израиля, которому я служу: въ эти годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову». И начался страшный голодъ въ царствѣ Ефрема, тотъ голодъ, о которомъ я уже говорилъ. Всѣ люди и животныя болѣли и умирали отъ истощенія; одинъ Илія, ушедшій въ пустыню, питался чудеснымъ образомъ: пилъ онъ изъ чудеснаго ручья, а хлѣбъ и мясо утромъ и вечеромъ приносили ему вороны. Изъ пустыни онъ прошелъ въ Сарепту; тамъ его пріютила одна вдова, и за это Илія сдѣлалъ чудо: мука въ кадкѣ и масло въ кувшинѣ не убывали вплоть до прекращенія засухи. Вскорѣ послѣ поселенія Иліи у этой вдовы у нея захворалъ и умеръ сынъ—и тутъ Илія сейчасъ же пришелъ на помощь гостепріимной хозяйкѣ: положилъ тѣло мальчика на свою постель и взмолился Ягве, чтобы богъ вернулъ душу мальчика въ его тѣло; Ягве услышалъ молитву Иліи, душа вернулась, и мальчикъ ожилъ. Но самыми славными подвигами Иліи были состязаніе его съ царскими пророками Ваала на горѣ Кармилѣ и наказаніе царя Ахава за казнь Навуѳея. Когда приблизился къ концу третій годъ засухи, Ягве приказалъ Иліи пойти къ Ахаву и посрамить пророковъ Ваала, показать, что настоящій богъ Израиля не чужеземный Ваалъ изъ Финикіи, а родной израильскій Ягве. Въ это время объ Иліи уже повсюду ходила молва; его имя произносили съ любовью всѣ обездоленные и прославляли его, какъ мужественнаго борца за народъ. Ахавъ никакъ не ожидалъ, чтобы Илія самъ явился къ нему; но пораженный его смѣлостью, не рѣшился арестовать его. И вотъ Илія пригласилъ всѣхъ 450 пророковъ Ваала и весь народъ

израильскій на гору Кармилъ, чтобы произвести состязаніе боговъ. Это приглашеніе уже само по себѣ было необыкновеннымъ—вѣдь гора Кармилъ лежитъ на самомъ югѣ Палестины, южнѣе Іерусалима: значитъ, народу и пророкамъ Ваала пришлось сдѣлать огромный путь. Но въ разсказѣ о своемъ любимцѣ народная фантазія не стѣсняется разстояніемъ. Пришли на Кармилъ. Тамъ Илія предложилъ поступить такъ: пророки Ваала и Илія сдѣлаютъ по костру, положатъ на костеръ по тельцу, но огня подкладывать не будутъ; пророки Ваала призовутъ Ваала, а Илія призоветъ Ягве; тотъ богъ, который въ отвѣтъ пошлетъ на жертву огонь, и будетъ настоящимъ богомъ Израиля. Пророки Ваала согласились; Илія предложилъ начать имъ первымъ. Цѣлый день, съ утра до ночи, плясали они около костра священный танецъ, призывали громко Ваала, кололи себя ножами до крови—но все было напрасно: Ваалъ былъ далеко и не услышалъ ихъ. Къ вечеру сдѣлалъ жертвенникъ и Илія, изъ камней, какъ любилъ Ягве, вокругъ камней сдѣлалъ яму, наложилъ дрова, положилъ тельца, да еще велѣлъ облить все это водою, пока яма не наполнилась до краевъ; затѣмъ обратился къ Ягве съ мольбою: «услышь меня, покажи, что ты одинъ богъ во Израилѣ». И сейчасъ же Ягве услышалъ своего пророка, послалъ огонь съ неба, который спалилъ жертву и дрова. Такъ были посрамлены Ваалъ и его пророки. Вслѣдъ за этимъ нашла туча, и полился долгожданный дождь. Но царь былъ посрамленъ не только на Кармилѣ. Вскорѣ послѣ этого произошла уже извѣстная намъ исторія Навуѳея. Когда послѣ казни Навуѳея царь вошелъ въ его виноградникъ, чтобы завладѣть имъ, Ягве сказалъ Иліи: «встань, поди навстрѣчу Ахаву, — онъ теперь

въ виноградникѣ Навуѳея,—и скажи ему: такъ говоритъ Ягве: на томъ мѣстѣ, гдѣ псы лизали кровь Навуѳея, псы будутъ лизать и твою кровь!» Это предсказаніе не исполнилось, ибо Ахавъ палъ мужественно въ бою съ сирійцами и былъ похороненъ въ своей столицѣ Самаріи; но за Иліей осталась слава заступника за всѣхъ страдающихъ отъ притѣсненій царя и вельможъ. Такой необыкновенный человѣкъ казался неприкосновеннымъ: его нельзя было взять; ходила молва, что когда Охозія, сынъ Ахава, хотѣлъ его арестовать, Илія призвалъ огонь, который сейчасъ же и спалилъ воинскій отрядъ, пришедшій за Иліей. Народъ не могъ допустить, чтобы такой чудесный человѣкъ умеръ, какъ всѣ люди; разсказывали, что онъ не умеръ, но взятъ живымъ на небо: во время грозы явилась огненная колесница, которая и увезла Илію къ Ягве. Послѣ него остался его ученикъ Елисей, который совершалъ такія же чудеса, какъ и Илія, былъ также популяренъ среди народа и былъ такимъ же горячимъ борцомъ за Ягве противъ Ваала. Легенды объ Елисеѣ такъ похожи на легенды объ Иліи, что можно усумниться, былъ ли на самомъ дѣлѣ Елисей, или его создала народная фантазія по образцу Иліи.

Голова ефремлянина.

Объ Иліи и Елисеѣ разсказывали одни чудеса; мы мало знаемъ о томъ, что такое представляли изъ себя Илія и Елисей въ дѣйствительности. Но одно мы знаемъ навѣрное: это то, что Илія и Елисей, какъ и всѣ послѣ-

дующіе пророки, стояли за народъ и убѣждали народъ поклоняться только одному Ягве; Ягве—настоящій національный богъ Израиля, кромѣ него, не должно быть другихъ боговъ во Израилѣ, и только Ягве спасетъ свой народъ отъ всѣхъ бѣдствій и несчастій. Другіе народные пророки не дѣлали такихъ чудесъ, какъ Илія и Елисей, но зато они все свое вниманіе обратили на проповѣдь; мы мало знаемъ о ихъ жизни, но хорошо сохранились ихъ рѣчи. Въ своихъ рѣчахъ они повторяли тѣ же взгляды, какъ и у Иліи, только еще ярче, опредѣленнѣе и глубже.

Въ Бетъ-Элѣ, незадолго до 760 г., справлялъ Ефремъ свой осенній праздникъ съ небывалымъ еще торжествомъ и весельемъ: только что окончательно былъ разбитъ самый опасный врагъ Ефрема, дамасское царство. Среди народа было немало всякаго рода гадателей, юродивыхъ, прозорливцевъ, и сначала никто не обратилъ вниманія на одного изъ нихъ, человѣка, одѣтаго въ пастушью одежду, съ посохомъ въ рукѣ. Онъ пришелъ сюда издалека, съ іудейскихъ горъ, изъ пустыни, гдѣ не разъ приходилось ему встрѣчаться съ бѣглецами съ сѣвера, уходившими изъ родины съ проклятіями своей судьбѣ. Отъ нихъ слышалъ онъ немало разсказовъ о томъ, что дѣлалось въ сѣверномъ царствѣ, о томъ, сколько тамъ неправды и горя, какъ мало тамъ судьи соблюдаютъ законы, какъ заботятся о роскоши, не заботясь о бѣдныхъ, какъ устраиваютъ великолѣпные жертвенные пиры и богу Бетъ-Эля, и Ягве и другимъ богамъ, но не печалятся о томъ, что многіе бѣдняки умираютъ съ голоду. Амосъ (такъ звали пастуха) пришелъ сюда, въ Бетъ-Эль, почувствовавъ, что Ягве посылаетъ его изобличать неправду Ефрема и образумить его, ибо иначе на грѣшное

царство придетъ лютая гибель. И вотъ, насмотрѣвшись на безумную роскошь и веселье безъ оглядки, Амосъ вдругъ выступилъ впередъ и сталъ причитать речитативомъ, какъ причитали плакальщики объ умершихъ на похоронахъ:

Упала, не встаетъ дѣва Израиля!
Лежитъ она распростертая на своей землѣ,
И никто не подниметъ ее!..

Этотъ дикій вопль обратилъ на Амоса всеобщее вниманіе; толпа окружила его, а изъ устъ его полились гнѣвныя, неслыханныя доселѣ рѣчи. Обратясь къ вельможамъ и царю, онъ отъ имени Ягве осыпалъ ихъ угрозами и проклятіями: «Вы судъ превращаете въ отраву, а правду повергаете на землю; вы продаете праваго за серебро, а бѣднаго за пару сандалій; вы насиліемъ и грабежомъ собираете сокровища въ чертоги свои! Ваши притѣсненія и безчинства прославлены по всей землѣ— и на кровляхъ въ Азотѣ и въ землѣ египетской. Но близокъ день гнѣва Ягве! Вотъ вы безпечно возлежите на ложахъ изъ слоновой кости, нѣжитесь на постеляхъ вашихъ, ѣдите лучшихъ ягнятъ изъ стада и тельцовъ съ тучнаго пастбища, поете подъ звуки гуслей, пьете изъ чашъ вино и мажетесь лучшими мастями и считаете день бѣдствія далекимъ. Но Ягве-богъ, Ягве-воинствъ такъ говоритъ: гнушаюсь гордыней Іакова и ненавижу чертоги его. Вотъ непріятель, вокругъ всей земли! Онъ сокрушитъ могущество твое и разграбитъ чертоги твои; пойдете вы въ плѣнъ во главѣ плѣнныхъ и замолкнутъ крики ликующихъ!» За рѣчами противъ вельможъ и судей послѣдовали такія же гнѣвныя рѣчи противъ нечестныхъ торгашей, уменьшающихъ мѣру, обманывающихъ невѣрными вѣсами. Израиль—все равно, что корзина со спѣлыми пло-

дами,—говорилъ Амосъ; приспѣлъ конецъ его, и тогда, въ тотъ страшный день, солнце зайдетъ въ полдень, и настанетъ ночь среди бѣлаго дня, всюду будетъ плачъ и рыданіе, всюду будутъ трупы, и некому будетъ хоронить ихъ... Когда въ отвѣтъ на гнѣвныя изобличенія пророка ему стали грозить, стали его допрашивать, какое право онъ имѣетъ говорить такъ, онъ гордо отвѣтилъ, кто послалъ его: «тотъ, кто устроилъ чертоги свои на небесахъ и своды ихъ утвердилъ на землѣ, создалъ семизвѣздіе и Оріонъ! Онъ превращаетъ темную ночь въ утро, а день затемняетъ ночью, онъ вызвалъ къ жизни морскія воды и разлилъ ихъ по лицу земли—Ягве имя ему!» Это было неслыханной рѣчью: Ягве создалъ всю вселенную, правитъ міромъ — значитъ, онъ стоитъ надъ всѣмъ міромъ, значитъ, ничто передъ нимъ всѣ прочіе боги, нельзя надѣяться на нихъ. И Амосъ высмѣялъ всѣ любимыя святилища и всѣхъ привычныхъ боговъ Израиля: и Бетъ-Эль, и Гилгалъ, и Бееръ-Шева — все обратится въ ничто, все будетъ сожжено огнемъ. Если ефремляне хотятъ спасенія, продолжалъ Амосъ, для этого только одно средство: перестать заботиться только о внѣшнемъ благочестіи, приносить только безчисленныя жертвы и куренія. Это все ненужно Ягве. «Ищите добра, а не зла, чтобы вамъ остаться въ живыхъ, возненавидьте зло и возлюбите добро, и возстановите у воротъ правосудіе—можетъ быть богъ Ягве помилуетъ остатокъ Іосифа».

Рѣчи Амоса произвели необыкновенное впечатлѣніе. До сихъ поръ думали, что Ягве сильный богъ, но подобенъ другимъ богамъ; онъ живетъ на Сіонѣ и покровительствуетъ ему, не вступаясь въ предѣлы власти другихъ божествъ. Въ каждомъ мѣстѣ есть свой богъ-покровитель,

къ которому мѣстные жители и должны больше всего обращаться. Нѣкоторые, какъ Илія, находили, что Ягве сильнѣе всѣхъ мѣстныхъ боговъ, что онъ общій богъ всего Израиля, но не возносили его на небеса, не думали, чтобы онъ правилъ всѣмъ міромъ. А между тѣмъ Амосъ прямо заявилъ, что Ягве живетъ на небесахъ, сотворилъ и небеса, и звѣзды, и землю, и море, управляетъ днемъ и ночью и правитъ не только Израилемъ, но и другими народами—грозитъ навести на Израиля какого-то чужеземнаго врага, который покараетъ Израиля за его неправду. Это была совсѣмъ новая, неслыханная вѣра. Какъ же могъ Амосъ, простой пастухъ, дойти до такой вѣры? Какъ онъ могъ такъ ярко и опредѣленно, и такъ поэтически описать ее? Амосу подсказала эту вѣру картина тогдашней жизни во Израилѣ. Мы знаемъ уже, сколько было тамъ неправды; мы знаемъ, что старые боги, несмотря на безчисленныя жертвы, не приходили на помощь народу во Израилѣ. Амосъ легко могъ сообразить, что старая вѣра также, должно быть, стала неправой, если при ней царитъ неправда. Старые боги и старые способы богослуженія больше не помогаютъ; надо, значитъ, поискать новой вѣры. Новая вѣра должна быть такая, какая поможетъ возстановить на землѣ правду. Правда только одна, двухъ правдъ быть не можетъ; значитъ, истинный настоящій богъ долженъ быть богомъ правды, и другихъ боговъ рядомъ съ нимъ не можетъ быть; какъ правда одна, такъ и богъ одинъ. Какой же это одинъ богъ? Амосъ былъ іудей, онъ, какъ и всѣ іудеи, больше всего почиталъ Ягве, стариннаго израильскаго бога, чудесно помогавшаго Израилю завоевать Палестину. Ему были извѣстны также десять заповѣдей Ягве, въ

которыхъ была изложена вся тогдашняя практическая мудрость. И вотъ въ пустынѣ, въ звѣздную ночь, когда Амосъ особенно глубоко задумался о бѣдствіяхъ Израиля и о способахъ помочь ему, пророку показалось, что онъ видитъ видѣніе: съ неба спустился Ягве и призвалъ его. Онъ пошелъ и сталъ проповѣдывать правду Ягве.

Новая вѣра требовала новыхъ дѣлъ; Ягве говорилъ устами Амоса: «ненавижу, презираю праздники ваши, и не хочу нюхать запаха жертвъ вашихъ, звуковъ гуслей вашихъ не хочу слушать. Но пусть, какъ вода, течетъ судъ, и правда—какъ стремительный потокъ». Въ пустынѣ, среди бѣднаго скотоводческаго населенія Амосъ не привыкъ къ такой роскоши жертвенныхъ пировъ, какую онъ видѣлъ въ Бетъ-Элѣ и Самаріи; въ пустынѣ всѣ празднества были скромныя, и Амосу казалось, что лучше богу приносить скромные дары, какъ въ тѣ времена, когда Израиль еще кочевалъ въ пустынѣ, но зато соблюдать правду Ягве. Амосу казалось, что если все будетъ итти такъ же, какъ до сихъ поръ, то Израиль не справится съ врагами и погибнетъ. Народъ нищаетъ и ненавидитъ людей, власть имущихъ; власть имущіе изнѣжились и неспособны выдержать борьбу съ сильнымъ врагомъ. По всей Палестинѣ было извѣстно, что дамасскіе цари были настоящимъ бичемъ Ефрема: самый сильный царя Ефрема, Ахавъ, еле-еле отбился отъ сирійскаго царя Венадада, а за тридцать лѣтъ до Амоса дамасскій царь, Азаэль, совсѣмъ почти покорилъ Ефрема, такъ что Ефремъ одно время былъ данникомъ Дамаска. Но тутъ Дамаску стала грозить съ сѣвера Ассирія, новая грозная держава, войска которой дошли уже до Ливана, и только поэтому царь Іоасъ незадолго до выступленія Амоса, побѣдилъ сирійскаго царя Венадада II. Эта по-

бѣда была, однако, непрочная: настоящимъ врагомъ былъ теперь уже не Дамаскъ, а Ассирія, и не сегодня-завтра ассиріяне могли вторгнуться въ Палестину. Ихъ-то и имѣлъ въ виду Амосъ, предсказывая гибель Израилю отъ чужеземныхъ враговъ, которыхъ пошлетъ Ягве; но «пьяные ефремляне», побѣдивъ Венадада II, не думали объ Ассиріи.

Народъ горячо привѣтствовалъ выступленіе Амоса; но не такъ посмотрѣли на его рѣчи жрецы и вельможи. Амасія, жрецъ Бетъ-Эля, послалъ сказать царю Іеровоаму II: «Амосъ производитъ возмущеніе противъ тебя среди царства Израилева; земля не можетъ вынести рѣчей его, ибо такъ сказалъ онъ: Іеровоамъ умретъ отъ меча, а Израиль пойдетъ въ изгнаніе». Царь, должно быть, не осмѣлился схватить Амоса во время праздника, среди народа, ставшаго за пророка; Амасіи пришлось самому упрашивать Амоса уйти: «пойди, удались въ землю Іудину, тамъ ѣшь хлѣбъ и пророчествуй, а въ Бетъ-Элѣ ты больше пророчествовать не можешь, это царское святилище, придворный храмъ». На это Амосъ отвѣтилъ, что онъ не профессіональный пророкъ и не сынъ пророка, т. е. не думаетъ отбивать хлѣбъ у царскихъ пророковъ. Но не пророчествовать онъ не можетъ, ибо Ягве взялъ его отъ овецъ и послалъ пророчествовать. А на Амасію за его преслѣдованія Амосъ призвалъ проклятіе: «такъ говоритъ Ягве: твоя жена будетъ посрамлена на весь городъ, твои сыновья и дочери падутъ отъ меча, твоя земля будетъ раздѣлена межевою веревкой, а ты самъ умрешь въ нечистой землѣ». Мы не знаемъ, какая была судьба Амоса; очень вѣроятно, что онъ погибъ въ концѣ концовъ отъ преслѣдованій царя.

Вслѣдъ за Амосомъ, одинъ за другимъ стали появляться другіе пророки, съ такими же рѣчами, съ такою же проповѣдью новой вѣры, съ такими же угрозами преступному Ефрему. Народъ сочувствовалъ имъ, цари ничего не осмѣливались съ ними сдѣлать. Самые крупные изъ нихъ — Осія, Михей и, въ особенности, Исаія. Осія больше всего нападалъ на жрецовъ: жрецы ради своей выгоды обманываютъ народъ, учатъ его служить Ваалам, приносить безчисленныя жертвы, но скрываютъ отъ народа законъ Ягве. Ягве хочетъ милости, а не жертвы; между тѣмъ, жрецы требуютъ, чтобы народъ приносилъ только жертвы: это грѣхъ, и этимъ грѣхомъ жрецы кормятся. Жертвенниковъ много, законъ Ягве кратокъ; но если бы Ягве написалъ Ефрему законы тысячами, онъ все-таки смотрѣлъ бы на нихъ, какъ на законы чужого. «Когда Ефремъ былъ юнъ, я полюбилъ его и вызвалъ его изъ Египта; но чѣмъ больше я звалъ его, тѣмъ дальше ефремляне уходили отъ меня: они закалывали Ваалам и приносили жертвы кумирамъ; не знали они, что я, давалъ имъ хлѣбъ, вино и масло, изъ котораго они приносили жертвы Ваалам. Зато я возьму назадъ хлѣбъ мой и вино мое, отниму шерсть мою и ленъ мой. Сѣяли они вѣтеръ, пожнутъ бурю, хлѣба на корню не будетъ у нихъ, и зерно не дастъ муки имъ. Ефремъ вернется назадъ въ Египетъ, ассиріянинъ будетъ царемъ надъ нимъ». Осія, какъ и другіе пророки, потому такъ ополчался противъ жрецовъ и старыхъ мѣстъ культа, что жрецы и старыя мѣста культа были неразрывно связаны другъ съ другомъ. Жрецы владѣли мѣстами культа и получали отъ нихъ большую выгоду, такъ какъ лучшія части жертвъ шли въ ихъ пользу. У святилищъ были огромные доходы,

и ихъ владѣльцы держали въ зависимости отъ себя множество крестьянъ. Жрецы и князья были всегда заодно, и поэтому пророкамъ казалось, что и все богослуженіе, по старымъ обычаямъ, въ старыхъ мѣстахъ, такъ свято соблюдавшееся жрецами, столь же грѣшно и непріятно и ненавистно для Ягве, какъ ненавистны ему всѣ притѣснители народа.

Михей грозилъ уже не только Самаріи, но и Іерусалиму. Онъ прямо обращался къ вельможамъ и говорилъ имъ, что для нихъ пріятенъ только такой пророкъ, который проповѣдуетъ о счастіи и мирѣ, о винѣ и сикерѣ*); но пусть лучше пророки князей воздержатся отъ такихъ пророчествъ, чтобы не осрамиться. Скоро Ягве совсѣмъ перестанетъ давать отвѣты имъ, ночь будетъ имъ вмѣсто видѣній, тьма—вмѣсто пророчествъ. Михей приглашалъ послушать лучше его рѣчь: «Слушайте же это, вы, начальники дома Іакова и вы, властители дома Израиля, вы, которые отвергаете право и все прямое дѣлаете кривымъ; вы, которые строите Сіонъ, проливая кровь, и Іерусалимъ, совершая преступленіе! Слушайте, что говоритъ Ягве: слушайте вы, горы, судъ Ягве, и прислушайтесь вы, основанія земли! У Ягве судъ съ народомъ своимъ, съ Израилемъ онъ ведетъ тяжбу!» Съ чѣмъ же явиться Израилю на судъ передъ Ягве, со всесожженіями, съ однолѣтними тельцами? Можно ли угодить Ягве тысячами барановъ и несчетными потоками масла? Не принести ли Ягве въ жертву своего первенца въ искупленіе за грѣхи? Но Ягве ничего не приметъ изъ этихъ жертвъ и грозно отвѣтитъ: «сказано тебѣ, человѣкъ, что благочестиво

*) Хмѣльной напитокъ, приготовлявшійся изъ сока гранатовыхъ плодовъ.

и чего требуетъ отъ тебя Ягве: творить справедливость, горѣть любовью и смиренно ходить передъ твоимъ богомъ». Но у ефремлянъ, вмѣсто правды и любви, въ сумѣ невѣрные вѣсы и фальшивыя гири, и поэтому Ягве осуждаетъ ихъ: они будутъ сѣять, а жать не будутъ, будутъ давить оливки, но не будутъ мазаться масломъ, выжмутъ виноградный сокъ, а вина пить не будутъ, и земля ихъ станетъ пустынею за грѣхи ихъ. Гроза, дѣйствительно, была уже близко.

Гроза надвигалась изъ той самой Ассиріи, которую поминали первые пророки. Кто же были эти ассирійцы? Это было племя сродни вавилонянамъ; раньше они жили въ горной странѣ, на верховьяхъ Тигра и Евфрата, а потомъ спустились внизъ въ долину средняго теченія двухъ великихъ рѣкъ. Тамъ построили они себѣ городъ Ниневію и жили нѣкоторое время спокойно. Но потомъ снова они заволновались; стало имъ тѣсно, и, какъ лавина, двинулись они на югъ, въ благодатную воздѣланную Вавилонію. Страшенъ былъ дикій видъ этихъ воиновъ: длиннобородые, въ мѣдныхъ шлемахъ, съ длинными копьями и мечами, шли они непобѣдимой громадой, и не было для нихъ никакихъ препятствій. Завоевавъ Вавилонію, двинулись они на юго-западъ, на царство Дамаска; а дальше лежала уже Палестина, и настала, наконецъ, и ея очередь.

Въ 745 году, когда надъ Ефремомъ царствовалъ царь Менаемъ, ассирійскій царь Фулъ пришелъ на Ефрема. Іудейскій пророкъ Исаія такъ изобразилъ это страшное нашествіе: «Ягве призвалъ народъ съ края земли; поспѣшно и быстро онъ двигается, нѣтъ среди него ни усталыхъ, ни спотыкающихся, никто среди него не спитъ, не развязывается поясъ на бедрахъ его и не рвется

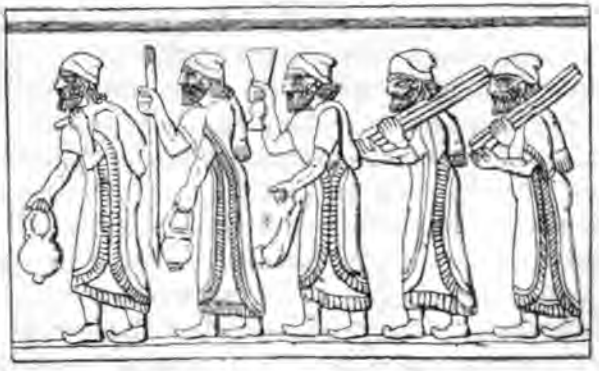
ремень на сандаліяхъ его; стрѣлы его наточены, и всѣ луки его натянуты, копыта коней его, какъ кремень, колеса колесницъ его, какъ вихрь, ревъ его, какъ ревъ львицы, рычатъ они, какъ молодые львы, хватаютъ добычу и уносятъ ее, и никто не спасетъ отъ нихъ». Передъ такимъ страшнымъ врагомъ царь Менаемъ содрогнулся отъ ужаса и спасся отъ погрома только выкупомъ: онъ долженъ былъ заплатить тысячу талантовъ серебра, разложивъ эту дань на всѣхъ состоятельныхъ людей. Тогда царь ассирійскій пошелъ назадъ и не остался въ землѣ Ефремовой. Но это была только отсрочка. Черезъ десять лѣтъ ассирійскій царь Тиглатъ-Пилесеръ II занялъ всю сѣверную Палестину и увелъ въ плѣнъ все племя Нефѳа-

Ассирійское войско.

лимово, а потомъ осадилъ Самарію. Загремѣли удары тарановъ о стѣны царскаго замка; искусные мастера принялись уже сооружать подкопъ подъ основанія стѣнъ. Спасенія не было, и пришлось просить мира. На этотъ разъ условія мира были еще тяжелѣе: Тиглатъ-Пилесеръ потребовалъ, чтобы, кромѣ огромнаго выкупа, къ его ногамъ положили голову самарійскаго царя Факея. Съ этихъ поръ цари Ефрема стали данниками Ассиріи. Тяжело было имъ платить эту дань и смотрѣть на свое ослабѣвшее и уменьшившееся царство. Наконецъ, царь Осія не выдержалъ. Услыхавъ, что противъ Ассиріи возсталъ Дамаскъ, онъ попытался тоже сбросить ассирійское иго, пересталъ платить дань и завелъ переговоры о союзѣ съ царемъ египетскимъ. Этой измѣны тогдашній царь ассирійскій Салманассаръ не простилъ: онъ явился подъ стѣнами Самаріи и послѣ трехлѣтней осады взялъ ее. Царь Осія былъ заключенъ въ тюрьму, а всѣхъ князей и вельможъ Салманассаръ переселилъ далеко за рѣку Тигръ, въ Калахъ и Арменію. На мѣстѣ остались только тѣ самые бѣдные крестьяне, за которыхъ вступались пророки; но имъ не стало лучше. Правда, Ягве покаралъ ихъ прежнихъ жестокихъ господъ, но вмѣсто старыхъ господъ имъ очень скоро пришлось подчиниться новымъ. Города и земли, отнятые у князей Ефрема Салманассаръ роздалъ своимъ воинамъ, которые и стали теперь владѣть и править сынами Ефрема. Новые господа принесли съ собою и своихъ боговъ, и Ягве долго еще не могъ сдѣлаться единымъ богомъ въ Ефремѣ.

Ефремъ погибъ, остался Іуда. Удары, одинъ за другимъ постигавшіе царство Ефрема, и окончательная его гибель произвели среди Іуды страшное впечатлѣніе.

Въ это время въ Іерусалимѣ жилъ знаменитый пророкъ Исаія; по рѣчамъ его мы можемъ судить, какъ волновались и ждали ежеминутно своей очереди сыны Іуды. Исаія видѣлъ, что и въ Іудѣ было столько же неправды, сколько и въ Ефремѣ. Земля Ефрема опустошена, города сожжены огнемъ, все запустѣло, осталась одна дочь Сіона, но она все равно, что Содомъ и Гоморра. По прежнему князья гоморрскіе стараются умилостивить Ягве тысячами жертвъ, облаками ѳиміама и торжествен-



Ефремляне несутъ Ассиріи дань

ными праздниками; но все это для Ягве ненавистно. Когда князья Іуды простираютъ къ нему руки и говорятъ молитвы за молитвой, Ягве закрываетъ глаза свои и не слушаетъ, потому что руки ихъ полны крови, потому что князья Іерусалима мошенники и воры, всѣ они любятъ подарки и гоняются за подкупомъ, сиротѣ не оказываютъ правосудія, и дѣло вдовы не доходитъ до нихъ; а сама чинная столица стала блудницей, судъ и правда жили въ ней прежде, а теперь убійцы. Видя

столько неправды, Исаія болѣлъ душой и чувствовалъ, что Іуда не можетъ устоять. Онъ разсказывалъ, что ему было тоже видѣніе о будущемъ судѣ надъ Израилемъ. Въ храмѣ явился ему Ягве, сидящій на высокомъ тронѣ, возвышавшемся до самаго неба; онъ былъ окруженъ чудесной свитой ихъ шестокрылатыхъ серафимовъ, пѣвшихъ такую пѣснь въ честь бога: «святъ, святъ Ягве воинствъ, слава его наполняетъ весь міръ». Исаія думалъ, что погибъ, но одинъ серафимъ взялъ горящій уголь съ жертвенника, подлетѣлъ къ Исаіи, коснулся его устъ и очистилъ этимъ всѣ грѣхи его. Тогда Ягве сказалъ ему: «поди и скажи этому народу: будете слушать, но не поймете, будете смотрѣть, но не узнаете! Ожесточи сердце этого народа, заглуши ему уши и ослѣпи ему глаза, чтобы онъ не видѣлъ своими глазами и не слышалъ своими ушами, чтобы его сердце стало неразумно и не могло исцѣлиться. И пусть будетъ такъ, пока не будутъ разорены города и останутся безъ жителей, а дома безъ людей, и пашни не сдѣлаются пустыней».

Это страшное видѣніе побудило Исаію объявить во всеуслышаніе о грозящемъ судѣ: и безъ того встревоженные и смятенные іудеи услыхали отъ него такую рѣчь: «вотъ богатство Дамаска и добыча самарійская въ рукахъ царя Ассиріи; но и на этотъ народъ, народъ Іуды, Ягве наведетъ могучія и великія воды съ Евфрата, царя ассирійскаго и всю силу его, и воды разбушуются по Іудѣ, наводнятъ и затопятъ его». Этотъ день будетъ днемъ суда Ягве воинствъ, днемъ суда надъ всякой гордыней и высокомѣріемъ, надъ всѣми кедрами ливанскими и надъ всѣми дубами васанскими, надъ всѣми высокими горами и надъ всѣми тянущимися къ нимъ холмами, надъ всѣми высокими башнями и всѣми крутыми стѣ-

нами, надъ всѣми кораблями тарсисскими*) и надъ всѣми драгоцѣнными украшеніями. Горе будетъ тогда вельможамъ и князьямъ, прибавляющимъ поле къ полю, отнимающимъ поля у бѣдняковъ, какъ будто вся земля принадлежитъ имъ. Горе будетъ тогда богохульнымъ правителямъ народа; думаютъ они, что заключили союзъ со смертью и преисподняя не тронетъ ихъ; но Ягве пошлетъ на нихъ градъ и наводненіе, и погибнутъ они отъ гнѣва его. Горе тогда будетъ царю: костеръ будетъ приготовленъ для него, высоко и широко будутъ наложены дрова, огню среди дерева будетъ раздолье, и дыханіе Ягве, какъ потокъ сѣры, воспламенитъ костеръ! Тогда всякая гордыня будетъ сломлена, одинъ Ягве будетъ величаться въ тотъ день, и всѣ боги передъ нимъ погибнутъ; тогда люди бросятся въ пещеры и подземелья въ ужасѣ передъ Ягве и его славой, но не уйдутъ отъ его суда. У знатныхъ дѣвъ и дамъ Ягве отниметъ браслеты и серьги, ожерелья и опахала, запястья и пояса, флакончики съ духами и амулеты, кольца на пальцахъ и въ носу, праздничныя одежды и покрывала, зеркала и тонкія ткани, а мужья ихъ падутъ отъ меча, юноши умрутъ въ бою, ворота Іерусалима будутъ вздыхать и плакать, и столица будетъ лежать во прахѣ опустошенная; народъ пойдетъ въ плѣнъ, его вельможи будутъ голодать, его бражники будутъ томиться жаждою.

Отчаяніемъ и ужасомъ вѣяло отъ этихъ словъ Исаіи; и самъ пророкъ не менѣе, чѣмъ его слушатели, страдалъ, говоря такія рѣчи. Исаія горячо любилъ свою родину, несмотря на всѣ ея пороки, и никакъ не могъ примириться съ мыслію, что послѣ праведнаго суда и нака-

---

*) Т. е. плавающими въ Тарсисъ—Испанію.

занія его родина никогда не возродится. Ему стало казаться, что наказаніе очиститъ грѣхи Іуды, и тогда Ягве вновь вернетъ свою любовь и милость Іудѣ. И изъ устъ Исаіи полились другія рѣчи, въ которыхъ пророкъ старался утѣшить и ободрить Іуду. Исаія говорилъ, что Ассуръ только бичъ въ рукахъ Ягве; пройдетъ немного времени послѣ суда, и успокоится божественный гнѣвъ противъ Іуды, тогда сниметъ Ягве съ шеи его ярмо и возвратитъ ему свою милость. Тогда Ягве пошлетъ своему народу новаго царя, подобнаго царю Давиду, царство котораго въ тѣ тяжелыя времена казалось золотымъ вѣкомъ благоденствія и справедливости. Вотъ какъ описываетъ Исаія царство этого будущаго своего помазанника: «Тогда пробьется отпрыскъ изъ древа Іессея, и выростетъ ростокъ изъ его корня, на него спустится духъ Ягве, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и военной доблести, духъ страха и познанія бога, онъ будетъ дышать страхомъ Ягве. Онъ будетъ судить не по взору очей своихъ, и будетъ рѣшать не по слуху ушей своихъ; онъ будетъ судить правосудно малыхъ, и дѣла несчастныхъ въ странѣ будетъ рѣшать по справедливости; но преступника онъ будетъ поражать жезломъ своихъ устъ и дыханіемъ своихъ губъ, грѣшника онъ будетъ убивать; праведность будетъ опоясаніемъ его чреслъ, и вѣрность будетъ опоясаніемъ его бедръ. Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать около козленка, теленокъ и львенокъ будутъ ѣсть вмѣстѣ, и маленькій мальчикъ будетъ стеречь ихъ. Тогда будутъ рядомъ пастись корова и медвѣдица, рядомъ будутъ лежать дѣтеныши ихъ, и левъ будетъ ѣсть солому, какъ волъ; грудной младенецъ будетъ гладить усики ехидны, и отнятый отъ груди протянетъ руку къ

глазамъ василиска; не будетъ ни преступленій, ни несправедливостей на всей моей святой горѣ».

Это пророчество о будущемъ царѣ глубоко запало въ душу еврейскаго народа, когда онъ былъ оторванъ отъ родной страны и навсегда остался подъ чужеземнымъ игомъ. Каждый разъ, когда совершались великія событія, или когда становилось невыносимо тяжело жить, вспоминались эти пророческія слова Исаіи, и оживали надежды на близкое появленіе обѣщаннаго царя изъ дома Давидова, Мессіи (т.-е. помазанника, евр. maschiah), какъ его стали коротко называть. Мессію представляли себѣ по разному, судя по тѣмъ нуждамъ и желаніямъ, какія господствовали во дни страстныхъ ожиданій Мессіи; но всегда думали, что Мессія не только избавитъ Израиля отъ чужеземнаго ига, но также непремѣнно положитъ конецъ всему злу и неправдѣ на землѣ. За свое пророчество о Мессіи Исаія сталъ такъ знаменитъ и такъ дорогъ, славнѣе всѣхъ другихъ пророковъ; его предшественники возвѣщали только судъ и гибель, а Исаія надѣялся на обновленіе послѣ суда и наказанія.

Исаія пользовался большимъ уваженіемъ; цари іудейскіе, Ахазъ и Хискія (Езекія), которые царствовали во время его дѣятельности, хотя и не долюбливали его за грозныя обличенія, однако часто обращались къ нему за совѣтомъ въ минуту опасности. При Ахазѣ Іерусалимъ едва не былъ взятъ сирійцами; Ахазъ въ отчаяніи хотѣлъ просить помощи у своихъ же враговъ, ассиріянъ, но Исаія отговаривалъ его отъ такого необдуманнаго шага и совѣтовалъ надѣяться и просить только Ягве. При Хискіи подъ стѣнами Іерусалима уже было ассирійское войско; Хискія обратился за помощью къ фараону, но Исаія опять-таки предостерегалъ царя: зачѣмъ на-

дѣяться на Египетъ, эту трость надломленную? Лучше обратиться къ Ягве. На счастіе Іерусалима, въ ассирійскомъ войскѣ началась чума, и ассиріянамъ пришлось снять осаду. Исаія ликовалъ; значить, Ягве еще не совсѣмъ оставилъ свой народъ, если внялъ его мольбамъ и послалъ духа смерти на ассирійскую рать. Но все-таки, видя, что внутри Іерусалима и Іуды все по прежнему царитъ неправда, Исаія отчаялся въ спасеніи Іуды отъ меча ассиріянъ. Пророкъ сталъ тогда готовиться къ будущему обновленію. Онъ собралъ вокругъ себя кружокъ ревностныхъ учениковъ и думалъ: это будетъ тотъ вѣрный остатокъ Израиля, который уцѣлѣетъ отъ гибели и увидитъ будущее избавленіе и будущаго царя. Только своимъ ученикамъ сталъ онъ повѣрять свои откровенія и училъ ихъ, какъ надо жить, чтобы спастись отъ гнѣва Ягве. Заботами и трудами учениковъ Исаіи были собраны и записаны въ книгу всѣ рѣчи этого замѣчательнаго пророка.

Исаія не былъ послѣднимъ пророкомъ; послѣ него было еще нѣсколько замѣчательныхъ пророковъ, о которыхъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Но познакомившись съ проповѣдью Амоса, Михея, Осіи и Исаіи, мы уже можемъ ясно представить себѣ, что такое были народные пророки, и насколько они отличались отъ царскихъ пророковъ-профессіоналовъ. Царскіе пророки служили только царямъ, были ихъ чиновниками, пророчествовали за деньги. Народные пророки выступали страстными защитниками угнетеннаго народа, говорили свободно, что подсказывала имъ ихъ совѣсть, и за свои рѣчи не получали ничего, кромѣ преслѣдованій со стороны царей и вельможъ. И содержаніе пророчествъ царскихъ пророковъ и народныхъ пророковъ было разное.

Царскіе пророки должны были давать царямъ оракулы относительно предстоящихъ событій и предпріятій, также какъ и тѣ звѣздочеты, которыхъ держали при себѣ цари. Народные пророки проповѣдывали новую религію. Они говорили, что на землѣ нарушенъ божественный законъ правды и милости, царствуютъ зло и насиліе, и призывали господъ земли измѣнить свою жизнь и политику, иначе на нихъ придетъ гибель отъ суда единаго и царствующаго во всемъ мірѣ бога Ягве. Ягве они представляли себѣ совсѣмъ по новому: они уже не считали его спеціальнымъ богомъ Іуды и Израиля, обитающимъ въ деревянномъ ковчегѣ и мирно уживающимся со всѣми многочисленными мѣстными божествами. Нѣтъ, — говорили пророки, — правда одна, и богъ одинъ. Ягве есть еди-

Осада ассиріянами города и расправа съ побѣжденными.

ный богъ во всемъ мірѣ, всѣ другіе боги ничто передъ нимъ, должны трепетать передъ нимъ и исчезнуть; Ягве сотворилъ небо и землю и правитъ міромъ по справедливости. Правда, Іуда и Израиль—его любимые сыны, онъ вывелъ ихъ любящею рукой изъ рабства египетскаго и далъ имъ эту цвѣтущую страну въ обладаніе. Но разъ Израиль и Іуда нарушили божественный законъ справедливости и милости, забываютъ даже о самомъ существованіи Ягве, то земля отнимается у нихъ и передается другимъ. Ягве нашлетъ на нихъ орудія своего суда, Ассирію и Вавилонъ, и эти державы совершатъ казнь надъ измѣнившими слугами Ягве. Но Ягве—не только разрушитель. Онъ уничтожитъ все зло и всю неправду, а потомъ, на расчищенной пашнѣ, устроитъ на землѣ такое царство, въ которомъ не будетъ высокомѣрныхъ и обездоленныхъ, «царь будетъ господствовать по закону, а князья будутъ управлять по справедливости, каждый будетъ какъ пріютъ отъ бури, какъ защита отъ непогоды, подобно ручьямъ воды въ пустынѣ, какъ тѣнь тяжелой скалы въ томящейся жаждой странѣ». Такое содержаніе проповѣди народныхъ пророковъ сдѣлало ихъ имена и ихъ идеи безсмертными. Когда сыны Іуды окончательно разсѣялись по всей землѣ, и одновременно съ этимъ стала распространяться по всему цивилизованному міру христіанская религія, считавшая еврейскую библію священной книгой наравнѣ съ новымъ завѣтомъ, мысли и рѣчи Амоса, Исаіи, Іереміи распространились въ самыхъ разнообразныхъ странахъ, среди самыхъ разнообразныхъ народовъ. Ими вдохновлялись пламенные народные проповѣдники въ Германіи во время великихъ народныхъ движеній въ XV и XVI вѣкахъ, и въ Англіи, во время революціи въ XVII вѣкѣ;

эти проповѣдники называли себя тоже пророками, подражали рѣчамъ пророковъ въ своихъ обличеніяхъ власть имущихъ и также предрекали близкое наступленіе божественнаго суда надъ насильниками, забывшими божію правду, и установленіе послѣ суда чудеснаго царства благоденствія и справедливости. Были такіе же подражатели пророкамъ и въ Москвѣ въ старину: въ XVI вѣкѣ, во время царя Ивана Грознаго, выступалъ съ обличеніями въ пророческомъ духѣ Максимъ Грекъ, а въ XVII вѣкѣ изобличалъ такими же рѣчами преслѣдователей старой вѣры народный проповѣдникъ и мученикъ, протопопъ Аввакумъ. И въ наши дни проповѣдь пророковъ такъ же жива и такъ же волнуетъ наши чувство и умъ, какъ и три тысячи лѣтъ тому назадъ. И она останется во всей своей силѣ до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ съ лица земли насиліе, ложь и неправда, и не установится царство соціальнаго мира и справедливости. Оно придетъ не чудеснымъ путемъ, но та картина его, какую нарисовалъ Исаія, навсегда останется его поэтическимъ и вдохновеннымъ идеаломъ.

X.

Гибель Іуды.

Маленькое царство Іуды было на краю гибели черезъ сто лѣтъ послѣ паденія Самаріи. Съ сѣвера его сосѣдомъ стала могущественная держава Мессопотаміи, во главѣ которой теперь уже стояли цари Вавилона. На югѣ были владѣнія египетскаго фараона. Египтяне уже давно вооружались противъ сѣверныхъ сосѣдей

Іуды, такъ какъ ассиріяне завоевали уже все финикійское побережье Средиземнаго моря и грозили уничтожить въ скоромъ времени всю торговлю Египта. Египтянамъ предстояла жестокая борьба за сохраненіе своего могущества и богатства. И маленькая Іудея оказалась сдавленной между этими двумя колоссами. Спасенія ей, казалось, не было: либо та, либо другая сторона грозила поглотить ее. Въ эти тяжелые дни томительнаго ожиданія многіе въ Іудѣ раздумывали о трудномъ положеніи и искали способовъ изъ него выйти. Жрецамъ іерусалимскаго храма казалось, что они угадали, въ чемъ дѣло, что они поняли, почему погибъ Ефремъ, и что́ надо сдѣлать Іудѣ, чтобы избѣжать той же участи. Они стали говорить, что вся бѣда Ефрема произошла отъ того, что ефремляне не признавали Ягве за единаго бога Израиля, а храмъ его въ Іерусалимѣ—за главное святилище во Израилѣ. Они говорили, что Ягве, не уставая, твердилъ этимъ упрямымъ ефремлянамъ: не почитайте другихъ боговъ, кромѣ Ягве, который вывелъ васъ изъ Египта,—а они не слушали, поступали по своему старому обычаю, Ягве почитали, но молились и другимъ богамъ, и какъ дѣлали ихъ отцы, такъ поступали и ихъ дѣти. За это-то,—заключали жрецы,—Ягве сильно разгнѣвался на Израиля и отвратилъ свое лицо отъ него—и ничего не осталось, кромѣ одного племени Іуды. Такъ разсуждали іерусалимскіе жрецы, и въ одномъ отношеніи они были правы. Если бы Ефремъ почиталъ главнымъ богомъ Ягве и главнымъ святилищемъ іерусалимскій храмъ, то само собою прекратилось бы раздѣленіе между израильскими племенами; ефремляне привыкли бы ходить на поклоненіе въ Іерусалимъ и скоро привыкли бы думать, что настоящій царь во Израилѣ есть іудейскій

царь, потому что ему принадлежитъ храмъ Ягве, и Ягве живетъ въ его владѣніяхъ. И тогда всѣ израильтяне объединились бы подъ властью одного царя, ихъ царство стало бы сильнѣе и могло бы успѣшнѣе бороться съ врагами, а іерусалимскимъ жрецамъ перепала бы немалая выгода: всѣ жертвенныя приношенія начали бы стекаться въ іерусалимскій храмъ, на пользу іерусалимскаго жречества. Такъ разсуждали жрецы. Теперь, когда опасность грозила уже Іудѣ, они стали замышлять произвести эту важную перемѣну, не осуществившуюся въ Ефремѣ, въ іудейскомъ царствѣ.

Голова іудея.

Въ іудейскомъ царствѣ у іерусалимскихъ жрецовъ Ягве соперниковъ было также немало. Въ Бееръ-Шева, въ Хебронѣ, въ Гивѣ, въ Бетъ-Лехемѣ, въ другихъ городахъ были свои старинныя святилища; тамошніе жрецы были очень могущественны, владѣли большими землями и мало подчинялись іудейскому царю, вели себя, какъ самостоятельные князья. А въ самомъ Іерусалимѣ соперниками жрецовъ Ягве были жрецы многочисленныхъ божествъ, которыя были введены царями изъ подражанія иноземной модѣ: были жрецы финикійскаго Ваала, Молоха, Астарты, солнца, луны, воинства небеснаго; кромѣ того, на каждой улицѣ стояли свои жертвенники богамъ-покровителямъ улицы или квартала. Многочисленные жрецы всѣхъ этихъ божествъ кормились такъ же,

какъ и жрецы Ягве, отъ царскихъ милостей. Жрецамъ Ягве, національнаго бога, было невыгодно и обидно дѣлить съ жрецами чужихъ боговъ царскія щедроты. И теперь, когда Іуда особенно нуждался въ объединеніи и сильной царской власти, жрецы Ягве попробовали еще разъ попытаться заставить царя уничтожить поклоненіе всѣмъ богамъ, кромѣ Ягве. Такая попытка дѣлалась уже два раза: когда царь Іосафатъ разослалъ книгу завѣта, въ которой было сказано, что Ягве одинъ богъ Израиля, и другихъ боговъ у него не должно быть, и когда царь Хискія, испуганный гибелью Самаріи, попробовалъ уничтожить мѣстныя святилища; въ первый разъ на заповѣди книги завѣта мѣстныя жреческія фамиліи просто не обратили вниманія, а во второй разъ сейчасъ же послѣ царскаго повелѣнія о разрушеніи старыхъ святилищъ отстроили ихъ вновь.

Въ 640 году на іудейскій престолъ вступилъ Іосія, который былъ въ это время восьмилѣтнимъ мальчикомъ. Жрецы Ягве окружили его своимъ попеченіемъ и постоянно внушали ему чувство преданности служенію Ягве. Когда Іосія выросъ и сдѣлался взрослымъ мужемъ, онъ показалъ себя самымъ преданнымъ слугою Ягве и рѣшилъ произвести передѣлки и поправки въ храмѣ Ягве. И вотъ во время работъ царю донесли, что въ храмѣ верховный жрецъ Хелкія нашелъ неизвѣстно откуда взявшуюся книгу закона; пошелъ слухъ, что книга эта попала въ храмъ чудеснымъ образомъ, что это—законъ самого Ягве. Надо думать, что жрецы Ягве составили сами эту книгу и затѣмъ поступили по тому обычаю, какой былъ въ Египтѣ: тамъ всякій новый законъ клали въ храмъ бога суда и правды, Тота, у ногъ его статуи, а затѣмъ народу торжественно воз-

вѣщали, что у ногъ бога найдена новая книга закона, очевидно, составленная самимъ богомъ. Хелкія передалъ книгу царскому писцу (секретарю) Шафану, и Шафанъ прочиталъ новую книгу закона царю. Въ книгѣ оказались постановленія и законы, которые надлежало исполнять народу въ той землѣ, которую далъ ему во владѣніе богъ Ягве. Нужно было истребить всѣ тѣ мѣста, гдѣ прежніе поселенцы Ханаана служили своимъ богамъ, всѣ высоты, священныя рощи, священные каменные столбы, всѣ жертвенники; служить нужно было только одному Ягве и только въ одномъ мѣстѣ,—тамъ, гдѣ Ягве изберетъ мѣсто для своего пребыванія. Въ это мѣсто нужно было приносить всѣ жертвы на всѣ праздники, а если кто заколетъ быка или барана дома и съѣстъ его, это не будетъ уже жертва, а просто домашній пиръ. Нужно истребить всѣхъ пророковъ другихъ боговъ, всѣхъ волшебниковъ, всѣхъ заклинателей духовъ; должны остаться только жрецы Ягве. Потомъ въ законѣ говорилось о томъ, какъ надо совершать праздники и приносить жертвы; кромѣ того, повторялись — въ нѣсколько измѣненномъ видѣ — судебныя и гражданскія постановленія книги завѣта. А царю внушалось, чтобы онъ, возсѣвъ на престолѣ царства своего, списалъ для себя списокъ съ этого закона (самый законъ долженъ храниться у жрецовъ) и читалъ этотъ законъ во всѣ дни жизни своей и не уклонялся отъ закона ни направо, ни налѣво. За исполненіе этого закона Ягве обѣщалъ народу всяческія блага: «я буду посылать землѣ вашей дождь благовременный, дождь ранній и поздній, и соберешь ты (Израиль) свой хлѣбъ и вино свое и масло свое. И дамъ скоту твоему траву въ полѣ твоемъ, и ты будешь ѣсть его и насытишься... Поразитъ предъ тобою

Ягве враговъ твоихъ, возстающихъ на тебя; однимъ путемъ они пойдутъ противъ тебя, а семью—побѣгутъ отъ тебя; изгонитъ Ягве всѣ народы отъ лица вашего, и вы одолѣете народы, которые больше и сильнѣе васъ; всякое мѣсто, на которое ступитъ нога ваша, будетъ ваше, отъ пустыни до Ливана, отъ рѣки Евфрата до моря западнаго будутъ предѣлы ваши». Но если законы новой книги не будутъ исполняться, то Ягве грозилъ всяческими проклятіями: «придутъ на тебя всѣ проклятія сіи: проклятъ ты въ городѣ и проклятъ въ полѣ, прокляты житницы твои и кладовыя твои, проклятъ плодъ чрева твоего, и плодъ земли твоей, и плодъ воловъ твоихъ и овецъ твоихъ... Поразитъ тебя Ягве чахоткою, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавчиною, и небеса надъ головою твоею станутъ, какъ мѣдь, а земля подъ тобою—какъ желѣзо, вмѣсто дождя дастъ тебѣ Ягве пыль, и прахъ съ неба будетъ падать на тебя, пока ты не будешь истребленъ. Пошлетъ на тебя Ягве народъ дальній, отъ края земли, языка котораго ты не разумѣешь, онъ будетъ тѣснить тебя во всѣхъ жилищахъ твоихъ, доколѣ во всей землѣ твоей не разрушитъ высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ твоихъ, на которыя ты надѣешься,—и будешь ты разсѣянъ по всѣмъ народамъ земли. И какъ радовался Ягве, дѣлая вамъ добро и умножая васъ, такъ будетъ радоваться Ягве, губя васъ и истребляя васъ. И изгнаны будете вы изъ земли, которую Ягве далъ вамъ»*).

---

*) Этотъ законъ мы теперь находимъ въ пятой книгѣ Моисея, Второзаконіи, въ гл. 12—26. Чтобы внушить къ новому закону такое же уваженіе, какимъ пользовалась книга завѣта и десять заповѣдей, къ закону впослѣдствіи прибавили разсказъ о томъ,

Когда Іосія услыхалъ слова новой книги закона, онъ разодралъ отъ ужаса одежды свои, такъ какъ до сихъ поръ этотъ законъ не исполнялся; сейчасъ же онъ послалъ Хелкію и Шафана съ двумя приближенными къ пророчицѣ Хульдѣ, женѣ царскаго придворнаго Шаллума, спросить ее о словахъ книги: «великъ гнѣвъ Ягве на насъ за то, что отцы наши не исполняли предписаній книги сей». Хульда спросила Ягве и дала отвѣтъ: «такъ говоритъ Ягве: поистинѣ наведу я горе, всѣ ужасы книги сей, которую прочелъ царь Іуды, на всѣхъ жителей этой земли за то, что забыли меня и курили другимъ богамъ. А за то, что царь смирился передъ Ягве и разодралъ одежды свои, отойдетъ онъ къ отцамъ своимъ въ мирѣ, и не увидятъ глаза его бѣдствій, которыя наведетъ Ягве на мѣсто сіе». Послѣ этого отвѣта царю ничего не оставалось дѣлать, какъ только умилостивить Ягве строгимъ исполненіемъ его воли, выраженной въ новомъ законѣ. Всѣхъ іерусалимскихъ жителей созвали въ храмъ Ягве, и тамъ царь, окруженный придворными, жрецами и пророками Ягве, прочиталъ вслухъ книгу, найденную въ домѣ Ягве; затѣмъ, обратясь лицомъ къ ковчегу, царь произнесъ клятву исполнять законъ, а весь народъ повторилъ ее за царемъ. Послѣ этого началась чистка храма. Изъ храма вынесли всю утварь, служившую для поклоненія Ваалу, Астартѣ и воинству небесному, всѣ ихъ изображенія и священные сосуды, коней и колесницу бога солнца; все это вынесли за Іерусалимъ, въ долину Кидрона, и тамъ сожгли; Тофетъ, святилище Молоха, находившееся въ долинѣ сыновъ Гиннома, было разрушено и превра-

---

будто бы этотъ законъ далъ Израилю самъ Моисей передъ вступленіемъ въ землю Ханаанъ.

щено въ свалку нечистотъ. Затѣмъ настала очередь высотъ, сначала іерусалимскихъ, а потомъ провинціальныхъ: жертвенники на нихъ были разрушены, священныя деревья сожжены, каменные столбы разбиты, священныя рощи вырублены. Жрецы всѣхъ уничтоженныхъ святилищъ потеряли свои мѣста и свои доходы; только нѣкоторые жрецы высотъ получили мѣста въ іерусалимскомъ храмѣ; заклинатели духовъ, гадатели и всѣ другіе волшебники были перебиты. А потомъ, когда всѣ эти мѣры были приведены въ исполненіе, была торжественно отпразднована пасха, во всемъ согласно съ новымъ закономъ, какъ ни разу не праздновалась раньше.

Жрецы Ягве достигли своей цѣли: кромѣ іерусалимскаго храма, другихъ святилищъ больше не стало. Доходы ихъ сразу увеличились, но радость ихъ не была продолжительна. Во многихъ мѣстахъ народъ оплакивалъ своихъ прежнихъ боговъ, и какъ только умеръ Іосія, многія провинціальныя высоты были отстроены заново. Іудейскій царь не сталъ отъ этой реформы сильнѣе, а недовольство народное возросло. При такихъ обстоятельствахъ Іудѣ было очень трудно защищаться; и несчастный Іосія погибъ въ бою съ египтянами, а его наслѣдника фараонъ взялъ въ плѣнъ и наложилъ на іудейскую землю дань. Реформа не помогла царю, пошла на пользу только жрецамъ; не помогла она и народу.

Какъ разъ во время Іосіи жилъ народный пророкъ Софонія (Цефанія). Онъ въ своихъ рѣчахъ обличалъ Іерусалимъ въ той же самой неправдѣ, какую изобличали пророки и ранѣе. Въ то время, какъ Іосія старался умилостивить Ягве, истребляя старыя святилища и тамош-

нихъ жрецовъ, вводя новый законъ о поклоненіи только одному Ягве, Софонія твердилъ одно, что Іерусалимъ все равно погибнетъ, такъ какъ онъ не соблюдаетъ вѣчнаго закона божественной правды. «Горе городу упрямому, нечистому, творящему насилія! Его начальники — рыкающіе львы, его судьи — вечерніе волки; его пророки легкомысленны, лживые люди; его жрецы оскверняютъ святыню, грѣшатъ противъ закона!» Но то, что говорилъ Софонія, было ничто въ сравненіи съ рѣчами послѣдняго великаго іудейскаго пророка, Іереміи.

Іеремія вышелъ не изъ народа; у него было небольшое имѣніе въ Анаѳоѳѣ, недалеко отъ Іерусалима; но онъ всею душою былъ преданъ народу. Онъ горячо любилъ свою родину и готовъ былъ умереть за нее; между тѣмъ ему пришлось быть свидѣтелемъ послѣднихъ сорока лѣтъ жизни іудейскаго царства, очевидцемъ всѣхъ позорныхъ событій и горькаго плѣна, въ который пришлось пойти и ему. Іеремія видѣлъ все это, чувствовалъ, что жестокая судьба Іуды неизбѣжна, чувствовалъ, что онъ обязанъ постоянно и неумолчно говорить о грозящей гибели,— и сердце его разрывалось. Сердцемъ онъ былъ мягкій, любовный человѣкъ; но не о любви и мирѣ пришлось ему говорить.

Іеремія сдѣлался пророкомъ въ юные годы. Ягве явился ему и сказалъ: «прежде, чѣмъ я создалъ тебя во чревѣ матери твоей, и прежде, чѣмъ ты родился, я избралъ тебя и опредѣлилъ тебѣ быть моимъ пророкомъ. Не говори, что ты слишкомъ юнъ, ибо я съ тобою, чтобы спасать тебя. Вотъ я влагаю слова мои въ уста твои и ставлю тебя противъ народовъ и царствъ, истреблять и разрушать, губить и низвергать, строить и созидать. Ты будешь, какъ твердыня и какъ скала передъ царемъ Іуды,

предъ его сановниками и его жрецами, и предъ народомъ его страны»... И Іереміи пришлось проповѣдывать гибель и разрушеніе своего отечества за грѣхи царя и его присныхъ. За эту проповѣдь онъ терпѣлъ тяжкія преслѣдованія: два раза его бросали въ сырую, вонючую тюрьму, и только необыкновенная слава божьяго человѣка спасала его отъ казни. Но эти мученія отъ царскихъ преслѣдованій были ничтожны въ сравненіи съ тѣми мученіями, которыя переживалъ онъ въ своей душѣ. Видя неминуемую гибель и торжество зла, онъ хотѣлъ плакать, но слезы не шли къ нему; тщетно онъ молилъ о нихъ, взывая: «о если бы голова моя стала водою, и глаза мои источниками слезъ — я плакалъ бы день и ночь объ убитыхъ народа моего»! Слезъ не было, а вмѣсто нихъ изъ устъ пророка лились все однѣ и тѣ же грозныя рѣчи: Іеремія думалъ, что Ягве окончательно завладѣлъ имъ, и онъ уже не можетъ говорить того, что хотѣлъ бы, а только то, чего хочетъ Ягве. Тогда онъ въ отчаяніи проклиналъ день своего рожденія: «проклятъ день, въ который я родился, день, въ который родила меня мать, да не будетъ ему благословенія! Проклятъ человѣкъ, который принесъ отцу моему вѣсть: сынъ родился у тебя, — то-то онъ его порадовалъ! Зачѣмъ не умеръ я во чревѣ матери моей, чтобы мать моя стала мнѣ могилой! Зачѣмъ вышелъ я изъ утробы матери моей, чтобы видѣть только страданія и горе и влачить дни мои въ позорѣ!» Такъ мучился всю жизнь Іеремія, горѣлъ и страдалъ, пока не погасъ, сожженный словомъ Ягве.

Вся реформа Іосіи прошла на глазахъ у Іереміи. Онъ наблюдалъ, какъ была найдена книга закона, какъ ужаснулся царь, какъ ходили справляться о книгѣ къ

Іеремія. Микель Анджело.

пророчицѣ Хульдѣ, былъ въ храмѣ, когда царь приносилъ торжественную присягу въ вѣрности новому закону. «Ужасныя и потрясающія дѣла творятся въ нашей землѣ», говорилъ онъ: «пророки — пророчествуютъ ложь, а жрецы — они идутъ рука-объ-руку съ ними; народу моему — это нравится». И когда въ царскомъ дворцѣ и въ храмѣ еще все было полно ликованіемъ, Іеремія явился въ домъ Ягве и выступилъ съ обличительной рѣчью противъ новаго закона. «Не надѣйтесь на обманчивыя рѣчи: вотъ храмъ Ягве, храмъ Ягве, храмъ Ягве! Нѣтъ, только тогда я оставлю васъ жить въ этомъ мѣстѣ, въ странѣ, которую я далъ отцамъ вашимъ, если вы дѣйствительно будете ходить въ добрѣ и проявите добрыя дѣла ваши, если вы справедливо будете рѣшать тяжбы, не будете стѣснять чужеземца, сиротъ и вдовъ, не будете проливать невинной крови. А вы осмѣливаетесь красть, убивать, прелюбодѣйствовать, курить Ваалу и другимъ богамъ, которыхъ вы не знаете, а потомъ приходить сюда и являться передо мною въ этомъ домѣ, который названъ моимъ именемъ, и говорить; мы обезпечили себя,—и сейчасъ же опять принимаетесь за всѣ свои мерзости! Или домъ этотъ, названный именемъ моимъ, для васъ сталъ вертепомъ разбойниковъ? И какъ дѣлаете вы всѣ эти дѣла, то вотъ вамъ слово Ягве: съ этимъ домомъ, который названъ именемъ моимъ, я поступлю такъ же, какъ съ домомъ въ Силомѣ, лежащемъ въ развалинахъ, а васъ оттолкну отъ лица моего, какъ оттолкнулъ братьевъ вашихъ, все потомство Ефрема». Въ отвѣтъ на эту дерзкую рѣчь послышались угрозы, жрецы бросились на Іеремію съ поднятыми кулаками; но охваченнаго духомъ Ягве пророка ничѣмъ нельзя было остановить. «Трупы этого

народа станутъ добычей птицъ небесныхъ и дикихъ звѣрей, и никто не отгонитъ ихъ; и угашу я въ городахъ Іуды и на улицахъ Іерусалима веселье и радость, ликованіе жениха и ликованіе невѣсты, ибо пустыней станетъ земля эта!» — продолжалъ причитать Іеремія. «Въ то время — таково слово Ягве — выбросятъ изъ могилъ кости царей Іуды и кости ихъ сановниковъ, кости жрецовъ и кости пророковъ, кости жителей Іерусалима, и раскидаютъ ихъ передъ солнцемъ и передъ луною и передъ всѣмъ воинствомъ небеснымъ,— ихъ они любили и имъ они служили; не соберутъ больше кости ихъ и не похоронятъ, но будутъ онѣ лежать, какъ навозъ на пашнѣ...» Произнеся эти осужденія и проклятія, Іеремія удалился, и на этотъ разъ никто не осмѣлился остановить его.

А время все шло, и съ каждымъ годомъ все яснѣе и яснѣе становилось, что пророкъ былъ правъ. Іосія не въ мирѣ отошелъ къ отцамъ своимъ, какъ предсказывала ему Хульда, но погибъ въ безплодной борьбѣ съ Египтомъ; князья возвели на престолъ его сына Іоахаза, но тотъ попалъ въ плѣнъ къ египтянамъ, и на его мѣсто фараонъ посадилъ его брата Іоакима. Но тутъ скоро пришелъ конецъ давнему спору между Ассиро-вавилоніей и Египтомъ. Въ 605 году при Кархемышѣ рѣшилась долголѣтняя борьба: соединенныя силы халдеевъ и мидянъ, подъ начальствомъ Навуходоносора, разбили на голову войско египетскаго фараона Нехао; послѣ этой побѣды Навуходоносоръ двинулся къ Іерусалиму. Пришелъ конецъ,— такъ подумалъ Іеремія, и такъ подумали царь и князья. Іеремія записалъ въ книгу всѣ свои пророчества и велѣлъ Баруху, своему ученику, прочитать ихъ въ храмѣ, въ присутствіи князей и на

рода: можетъ быть, услышавъ ихъ, образумятся іудеи, и Ягве сжалится надъ ними. А царь Іоакимъ объявилъ въ виду грозной опасности всенародный постъ, и въ виду этого поста было большое собраніе въ домѣ Ягве. Барухъ явился туда съ книгой пророчествъ Іереміи и громогласно прочиталъ ее. Книга заканчивалась такими словами: «двадцать три года проповѣдывалъ Іеремія, много лѣтъ раньше его проповѣдывали другіе пророки,— но все безплодно. И вотъ теперь Ягве оставилъ жилище свое, какъ левъ, чтобы наказать грѣшную землю; Ягве посылаетъ раба своего, Навуходоносора, царя вавилонскаго, на землю сію и на жителей ея; и вся земля эта будетъ пустынею и ужасомъ, а народы, живущіе въ ней, будутъ служить царю вавилонскому семьдесятъ лѣтъ». Чтеніе книги переполошило всѣхъ князей и жрецовъ; когда донесли объ этомъ событіи царю, онъ велѣлъ принести книгу къ себѣ, прочиталъ ее и тутъ же сжегъ собственноручно на жаровнѣ, а Іеремію и Баруха велѣлъ арестовать. Но они во время скрылись; Іеремія уходя, велѣлъ передать царю такое о немъ пророчество: «ты живешь въ домѣ изъ кедра, и потому мнишь, что ты царь? Твой отецъ ѣлъ и пилъ, но онъ соблюдалъ правду и милость, а твои глаза и твои мысли такъ и смотрятъ, какъ бы пролить кровь невинную, притѣснить и придавить! Посему такъ говоритъ Ягве о Іоакимѣ, сынѣ Іосіи: горе этому человѣку! Не будутъ его оплакивать: ахъ, братъ мой, ахъ, государь, ахъ, его величество,— но, какъ осла, похоронятъ его, вытащатъ его за ворота Іерусалима, и бросятъ его на зной дневной и на холодъ ночной, и не будетъ отъ него наслѣдника на престолѣ Давида». А книгу Іеремія написалъ заново и прибавилъ въ ней еще много страшныхъ пророчествъ.

Вскорѣ Навуходоносоръ подступилъ къ Іерусалиму, и Іоакиму пришлось спасаться цѣною дани. Онъ призналъ себя вассаломъ царя вавилонскаго и три года платилъ ему дань; потомъ попробовалъ отложиться. Тогда подъ стѣнами Іерусалима появился Навуходоносоръ, и тутъ пророчество Іереміи отчасти исполнилось. Іоакимъ умеръ во время осады, а сынъ его Іоахинъ сдался на милость побѣдителя. Навуходоносоръ не зналъ пощады. Іоахина, князей и мелкихъ воиновъ выселилъ онъ изъ Іудеи въ Вавилонію; осталось только бѣдное крестьянское населеніе. А храмъ Ягве, на который такъ надѣялись авторы новаго закона, былъ разоренъ и разграбленъ: все золото и всѣ золотыя вещи были увезены въ качествѣ добычи великаго царя. Надъ остаткомъ Іуды Навуходоносоръ поставилъ дядю Іоахина, Седекію, сына Іосіи. Это было въ 597 году,—первый ударъ грома, разразившійся надъ Іудой.

Прошло пять лѣтъ; Седекія за это время вошелъ въ переговоры съ египетскимъ фараономъ, который обѣщалъ ему объявить войну Навуходоносору, какъ только Седекія отложится отъ Вавилона. Нужно было испытать это послѣднее средство; и тутъ, въ минуту рѣшительнаго столкновенія съ вавилонянами, царь и князья рѣшились на крайнюю мѣру: рѣшили отпустить на волю всѣхъ крѣпостныхъ іудеевъ, чтобы крестьяне также защищали Іуду отъ врага и перестали волноваться противъ своихъ господъ. Законъ объ отпущеніи на волю былъ торжественно объявленъ предъ лицомъ Ягве; богу была принесена жертва, и всѣ князья прошли между разсѣченными частями жертвеннаго быка, въ знакъ вѣрности новому закону. Это былъ первый случай, когда правители Іуды поступили, какъ

требовали пророки. Царь послалъ спросить Іеремію, что скажетъ теперь Ягве о будущей судьбѣ Іерусалима и Іуды. Іеремія, однако, совершенно извѣрился въ спасеніи Іуды и не повѣрилъ въ искренность обращенія царя и князей. Слово Ягве неизмѣнно,—сказалъ онъ. Лучше сдаться халдеямъ, ибо кто избѣгнетъ ихъ меча, тотъ погибнетъ все равно отъ голода и пожаровъ. И оказалось, что Іеремія былъ правъ, не повѣривъ князьямъ. Навуходоносоръ осадилъ Іерусалимъ; но какъ только онъ снялъ осаду, услыхавъ, что противъ него идутъ египтяне, князья успокоились и сейчасъ же закрѣпостили опять только что отпущенныхъ на волю рабовъ. Тогда Іеремія самъ объявилъ царю и князьямъ отъ имени Ягве: «вы нынѣ обратились и поступили праведно передо мною, отпустивъ на волю всѣхъ вашихъ соплеменниковъ, и предъ лицомъ моимъ, въ храмѣ моемъ, заключили соглашеніе о семъ. Но теперь опять осквернили вы имя мое, вернувши къ себѣ рабовъ своихъ и рабынь своихъ, и силою заставили ихъ опять быть вашими рабами. За то я отпускаю васъ на волю мечу, чумѣ и голоду, и дѣлаю васъ примѣромъ ужаса для всѣхъ царствъ земли,—васъ, князей Іуды, придворныхъ и жрецовъ,—а Седекію, царя Іуды, и всѣхъ его сановниковъ отдаю въ руки враговъ его, въ руки воинства царя вавилонскаго, которое сейчасъ отступило отъ васъ». Послѣ такого пророчества князья объявили Іеремію измѣнникомъ и предателемъ; его бросили въ сырую, грязную яму, и только заступничество царя, боявшагося пророка, спасло узника отъ смерти. Іереміи удалось бѣжать, и изъ своего родного имѣнія въ Анаѳоѳѣ онъ наблюдалъ, какъ исполнялось его пророчество.

Справившись съ египтянами, Навуходоносоръ вер-

нулся къ Іерусалиму и осадилъ его. Девять мѣсяцевъ длилась осада; на защиту города разломали дома князей и царскіе дворцы и сдѣлали изъ нихъ новыя крѣпостныя сооруженія, бились день и ночь, но должны были сдаться. Навуходоносоръ засыпалъ водопроводы, не пропускалъ въ городъ никакихъ припасовъ; сдѣлали послѣднюю отчаянную вылазку, но она была неудачна. Все войско, вышедшее на вылазку, вмѣстѣ съ Седекіей и его сыновьями, попало въ плѣнъ; сыновей Седекіи закололи у него на глазахъ, а самого его ослѣпили и отвели въ плѣнъ въ Вавилонъ. Іерусалимъ былъ сожженъ, въ огнѣ погибъ и храмъ Ягве, и царскія палаты, и всѣ дома въ городѣ; вся утварь храма, уцѣлѣвшая послѣ перваго погрома, была отвезена въ Вавилонъ, и были уведены въ плѣнъ всѣ іерусалимскіе жители и послѣдніе остатки аристократіи; остались только землепашцы и работники въ виноградникахъ. Іуда погибъ. Отъ Іерусалима остались однѣ развалины...

О, какъ одинокъ сталъ мой городъ, когда-то полный народомъ!
Онъ сталъ безутѣшной вдовою, а какъ величался онъ прежде!
Царица всѣхъ городовъ несетъ подневольное иго!
Она плачетъ и плачетъ всѣ ночи, слезы бѣгутъ по ланитамъ,
И нѣтъ никого, кто утѣшитъ, былые любовники скрылись,
Друзья всѣ нарушили вѣрность, стали теперь ей врагами!
Іуда истерзанъ бѣдою, въ цѣпяхъ тяжелаго рабства
Влачитъ свои дни на чужбинѣ, и нѣтъ ему мѣста покоя...
Такъ сорванъ съ дщери Сіона вѣнецъ ея пышной славы!..
Сдѣлалъ Ягве, что замыслилъ, слово его стало дѣломъ,—
И врагъ твой побѣдно ликуетъ, гордятся твои властелины...
Взывай же къ Ягве, дочь Сіона, во прахѣ лежащая дѣва!
Пусть слезы текутъ, какъ ручей, и днемъ и всѣ долгія ночи,
Не вѣдай ни сна, ни покою, усталыхъ очей не смыкая:
«Взгляни, о Ягве, богъ Сіона, что сдѣлалъ твой гнѣвъ безпощадный!..

«Ужель матерямъ плодомъ чрева, сынами своими питаться?
«Ужель въ твоемъ домѣ священномъ найдутъ смерть жрецы и пророки?
«На улицахъ трупы чернѣютъ, и старый и малый здѣсь рядомъ,
«И дѣвы и юноши гибель нашли отъ меча рокового—
«Ты всѣхъ ихъ губилъ безпощадно, когда насталъ день судный гнѣва!
«Ты всѣхъ ихъ созвалъ, какъ на праздникъ, изъ всѣхъ окрестныхъ селеній—
«Пришли—и въ судный день гнѣва никто не ушелъ и не спасся!.. *)

Слыша вопли и рыданія, слыша, какъ Рахиль плачетъ о сынахъ своихъ и не можетъ утѣшиться, ибо нѣтъ ихъ, Іеремія впервые нашелъ слова утѣшенія. «Такъ говоритъ Ягве», сказалъ онъ: «удержи голосъ твой отъ рыданія, осуши очи твои отъ слезъ: есть награда за страданія твои, есть надежда на будущее. Не дорогой ли сынъ мнѣ Ефремъ, не дитя ли любви моей? Вся моя внутренность кипитъ за него, и я должень сжалиться надъ нимъ... Возвратись же, дочь Сіона! Возвратись въ города твои! И вернется домой Іуда, и скажетъ: да благословитъ Ягве, тебя, поле правды, тебя, гора святая... И заключу я съ Іудой новый завѣтъ, вложу законъ мой въ сердце ихъ, и они станутъ моимъ народомъ, а я буду ихъ богомъ. И тогда вся долина, покрытая нынѣ трупами и пепломъ, станетъ святою страною Ягве, во вѣкъ не разрушится и не распадется...» Эти слова Ягве сказалъ пророку, явившись ему во снѣ; увы, этотъ сонъ никогда не сталъ дѣйствительностью. Правда, іудеи вернулись изъ плѣна, но новое общество, основанное ими, совсѣмъ не походило на тотъ идеалъ, который рисовался передъ Исаіей и Іереміей. Дочь Сіона

*) Вольный переводъ отрывковъ «Плача», I и II гл.

никогда болѣе не возвратила себѣ той красы, которою она сіяла во дни Давида и Соломона.

Уходя въ изгнаніе, князья и жрецы съ горечью вспоминали былые дни славы, и въ ихъ умахъ все настойчивѣе и настойчивѣе шевелилась мысль, что Ягве покаралъ ихъ за дѣло: онъ далъ имъ землю, а они измѣнили ему и не служили ему. И вчитываясь въ законъ Іосіи, они находили тамъ много вѣщихъ изреченій и много полезныхъ поученій. Когда-нибудь, когда мы вернемся, думали они, мы будемъ соблюдать этотъ законъ, чтобы вторично не лишиться прекрасной земли, которую Ягве теперь отнялъ у насъ. И въ плѣну изъ увѣщательныхъ рѣчей, которыми сопровождался законъ Іосіи, была составлена молитва, до сихъ поръ читающаяся за богослуженіемъ въ синагогѣ и до сихъ поръ возрождающая въ слушателяхъ старинныя думы, несбывшіяся надежды и тоску по святому Сіону: «Sch'ma Israel! Слушай Израиль: Господь—богъ твой, Господь—одинъ... И люби Господа бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею силою твоею. И пусть будутъ слова эти, которыя я заповѣдую тебѣ нынѣ, на сердцѣ твоемъ, и внуши ихъ сынамъ твоимъ, и говори ихъ, когда ты сидишь въ домѣ твоемъ, и когда ты идешь по дорогѣ, когда ты ложишься спать, и когда встаешь; и обвяжи ихъ, какъ знакъ для памяти, вокругъ руки твоей, и пусть, подобно повязкѣ, они будутъ передъ очами твоими; напиши ихъ на косякахъ дверей дома твоего, и на воротахъ... Слушай, Израиль! Sch'ma Israel!»

XI.

Литература и наука въ древнемъ Израилѣ.

Когда израильскія племена завоевали землю Ханаанскую, тамошніе жители уже умѣли писать и читать; на мѣстахъ старинныхъ палестинскихъ бурговъ современные ученые откопали большія собранія глиняныхъ табличекъ, исписанныхъ клинообразными значками. Эти таблички были разнообразнаго содержанія; бо̀льшая часть ихъ оказалась письмами и донесеніями, которыя ханаанскіе князьки посылали своему государю, египетскому фараону, но на нѣкоторыхъ оказались записи другого содержанія: нашли нѣсколько табличекъ съ вавилонскимъ разсказомъ о потопѣ, нашли вавилонскій разсказъ о первомъ человѣкѣ Адапѣ и о томъ, какъ онъ лишился, по своему неразумію и непонятливости, безсмертія. Этотъ способъ письма на глиняныхъ табличкахъ клинообразными знаками былъ заимствованъ изъ Вавилоніи. Тамъ такой способъ письма былъ очень удобенъ: тамъ не было такого папируса, какъ въ Египтѣ, тростника, изъ котораго въ Египтѣ выдѣлывали матеріалъ для письма, похожій на нашу бумагу, но зато тамъ было сколько угодно глины. Эта глина шла на постройки, изъ нея дѣлали кирпичи для возведенія огромныхъ царскихъ дворцовъ и храмовъ боговъ; изъ этой же глины дѣлали таблички для письма. Таблички имѣли прямоугольную форму и были различной величины, отъ самыхъ маленькихъ, величиной съ теперешнюю визитную карточку небольшого формата, до большихъ, величиной съ листъ писчей бумаги. Писать на такихъ дощечкахъ приходилось такимъ способомъ, который совсѣмъ непохожъ на спо-

собъ письма на папирусѣ или на бумагѣ: не употребляли ни пера, ни чернилъ или краски, а употребляли палочки, концамъ которыхъ придавалась форма различныхъ клинообразныхъ знаковъ. Писецъ бралъ еще сырую, только что сформованную глиняную табличку, и сначала проводилъ по ней ровныя линейки, прямыя и на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга, а потомъ бралъ нужныя палочки и выдавливалъ ими клинообразные знаки; впрочемъ, въ самомъ старинномъ вавилонскомъ письмѣ знаки были не только клинообразные, но также круглые, овальные, полукруглые и крестообразные. Потомъ дощечки съ написанными на ней знаками высушивались и обжигались; послѣ этихъ операцій глина становилась крѣпкой, какъ камень, и десятки тысячъ такихъ табличекъ могли пролежать цѣлыя тысячелѣтія до нашихъ дней; многія изъ нихъ такъ хорошо сохранились, какъ будто только вчера были сдѣланы.

Вавилонское письмо имѣло то удобство, что имъ можно было писать на самыхъ различныхъ языкахъ. Въ немъ было очень много такихъ знаковъ, которые означали цѣлыя слова и цѣлые слоги; поэтому очень легко было писать этими знаками на любомъ языкѣ и понимать записи, сдѣланныя гдѣ-нибудь далеко на чужбинѣ. Мы легко поймемъ это удобство, если представимъ себѣ, что современные европейскіе народы придумали, напримѣръ, знаки, означающіе цѣлые слова; если, напр., знакъ, обозначающій слово «домъ», увидитъ французъ, онъ сейчасъ же пойметъ его и прочтетъ la maison, нѣмецъ прочтетъ das Haus, англичанинъ the house, и т. д. Знакъ одинъ и тотъ же, значеніе также одно и то же, разное только произношеніе. Вотъ почему клинообразное письмо такъ легко перенимали всѣ на-

роды: и жители Палестины, и ассиріяне, и сирійцы, и мидяне, и персы. Такое же значеніе знаковъ было и въ египетскомъ письмѣ, но тамъ были очень оригинальные знаки, которые можно было только нарисовать; поэтому египетское письмо не распространилось, и даже египетскіе фараоны пользовались въ сношеніяхъ съ другими странами клинообразнымъ письмомъ, болѣе удобнымъ и широко распространеннымъ.

Это-то клинообразное письмо переняли и израильтяне. Почти вплоть до IX вѣка до Р. Х. клинообразное письмо было единственнымъ способомъ письма, употреблявшимся въ Палестинѣ. Имъ писали царскіе указы, царскія лѣтописи, договоры и контракты. Въ Гезерѣ были найдены два контракта, написанные клинообразнымъ письмомъ; надо, значитъ, думать, что и всѣ другіе документы, имѣвшіе историческое и оффиціальное значеніе, писались на такихъ же глиняныхъ дощечкахъ клинообразнымъ письмомъ. Но съ IX вѣка такой способъ письма сталъ казаться во многихъ случаяхъ неудобнымъ. Неудобство состояло въ томъ, что въ клинообразномъ письмѣ очень много знаковъ, и нужно было долго учиться, чтобы овладѣть клинообразной грамотой. Вѣдь слоговъ въ каждомъ языкѣ очень много, а словъ еще больше; и какъ ни упрощали клинообразное письмо, сокращая число знаковъ, все-таки ихъ оставалось очень много. Еще затрудненіе состояло въ томъ, что иногда одинъ и тотъ же знакъ имѣлъ разныя значенія: то онъ означалъ слово, то слогъ. Нужно было имѣть много привычки и опыта, чтобы сразу угадать, какое значеніе имѣетъ такой знакъ, когда читатель встрѣчалъ его. Всѣ эти неудобства раньше всего почувствовали финикіяне; люди торговые, они знали, что время—деньги,

и не располагали такимъ большимъ досугомъ, какъ жрецы или князья, у которыхъ не было никакихъ срочныхъ дѣлъ, которые жили на всемъ готовомъ и могли цѣлыми годами корпѣть надъ клинообразными словарями и знаками. Поэтому въ Финикіи появился другой способъ письма, тотъ самый, который потомъ отъ финикіянъ

Клинообразный контрактъ изъ Гезера.

заимствовали греки и италики, и который распространился по всему свѣту. Финикіяне стали употреблять азбуку, т.-е. способъ письма посредствомъ знаковъ, означающихъ звуки рѣчи. Звуковъ рѣчи немного, поэтому и знаковъ немного, но за то изъ этихъ знаковъ можно составить какія угодно слова. Правда, финикійское письмо было также не лишено недостатковъ: въ

азбукѣ не хватало гласныхъ, ихъ приходилось вставлять самому читателю при чтеніи; затѣмъ, хотя эту азбуку можно было употреблять для изображенія словъ разныхъ языковъ, но написанное уже могъ понимать только человѣкъ, знающій тотъ языкъ, на которомъ было написано. Но все-таки это письмо оказалось настолько удобно, что оно быстро распространилось по всей Палестинѣ и проникло даже въ Сирію. Сохранилось немало памятниковъ, написанныхъ этимъ письмомъ. Изъ еврейскихъ памятниковъ интереснѣе всего такъ называемая Силоамская надпись*). Эта надпись была сдѣлана у Силоамскаго источника, недалеко отъ Іерусалима. Изъ этого источника царь Хискія провелъ воду въ Іерусалимъ; около начала водопровода, внутри туннеля на его стѣнѣ, и была сдѣлана надпись. До 1880 года о ней не знали и не вѣдали; но въ этомъ году ее случайно открылъ одинъ мальчикъ во время купанья. Она вырѣзана на камнѣ, и, къ сожалѣнію, многія слова и буквы смыты водою, такъ что цѣликомъ возстановить ея текстъ не удалось. Приблизительно она гласитъ такъ (слова, которыя надо добавить по смыслу, поставлены въ скобки): «Пробуравленный каналъ. И это былъ входъ канала... Кирка однихъ (рабочихъ была) противъ (кирки) другихъ, и когда оставалось пробуравить еще три локтя, то (былъ услышанъ) голосъ одного, который звалъ другого. Ибо былъ (пробитъ ходъ) съ юга и съ сѣвера. И въ день (окончанія) буренія ударили каменотесы другъ противъ друга, киркою противъ кирки; тогда полилась вода отъ источника въ прудъ въ 1200 локтей ширины. И въ 100

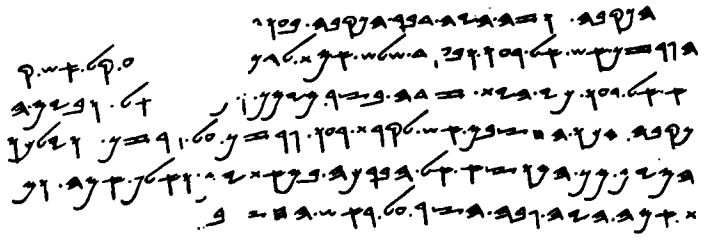
*) Находится въ Константинопольскомъ музеѣ.

локтей была вышина скалы надъ головой каменотесовъ». Какъ увидитъ читатель, знаки этой надписи не похожи на современный еврейскій квадратный шрифтъ. Этотъ послѣдній выработался позднѣе, послѣ плѣна вавилонскаго, путемъ видоизмѣненія знаковъ стариннаго шрифта. Такимъ же шрифтомъ, какъ и Силоамская

Начало Силоамскаго туннеля.

надпись, сдѣланы надписи на нѣкоторыхъ сохранившихся печатяхъ, израильскихъ и іудейскихъ, напр., на печатяхъ эпохи Іеровоама II, и на другихъ. Изъ ближайшихъ сосѣдей Израиля такимъ шрифтомъ писали моавитяне. Ихъ царь Меша, современникъ Ахава (въ первой половинѣ VIII вѣка), сдѣлалъ на каменной доскѣ большую надпись, которая сохранилась до насъ

и считается самымъ древнимъ памятникомъ палестинскаго буквеннаго письма*). Содержаніе надписи очень интересно для всякаго, кто интересуется исторіей Израиля. Мы читаемъ въ ней о тѣхъ же царяхъ, о которыхъ говоритъ и библія: объ Омри и его сынѣ Ахавѣ, о томъ, какъ Меша боролся съ ними, и его богъ Ке-



Силоамская надпись.

мошъ боролся съ богомъ Израиля Ягве, о томъ, какъ за помощь Меша построилъ Кемошу храмъ, а Израиль погибъ навсегда (!), о томъ, какъ строили Меша и Ахавъ другъ противъ друга крѣпости и города и т. д.

Надпись Меши представляетъ изъ себя образецъ тѣхъ лѣтописей, какія вели при своихъ дворахъ тогдашніе палестинскіе князья и цари. У каждаго былъ свой ученый секретарь, знавшій клинообразное и буквенное письмо; этотъ секретарь велъ переписку и велъ лѣтописи дѣяній того царя, которому онъ служилъ; о такихъ лѣтописяхъ постоянно упоминаетъ теперешняя книга Царей, находящаяся въ библіи, но, къ сожалѣнію, рѣдко приводятся изъ этихъ лѣтописей отрывки; вмѣсто этого, теперь просто говорится: прочее, что дѣлалъ та-

*) Находится въ Парижѣ, въ Луврѣ.

кой-то царь, записано въ лѣтописяхъ Іуды или Израиля. Авторы книги Царей видѣли эти лѣтописи и пользовались ими, мы же теперь должны догадываться о ихъ содержаніи и формѣ. Вѣроятно, разсказъ о подвигахъ царя начинался также, какъ и горделивое начало надписи Меши: «я Меша, сынъ Кемошгада, царь Моава, изъ Дайбона. Мой отецъ царствовалъ надъ Моавомъ тридцать лѣтъ, и я царствовалъ послѣ моего отца, и воздвигъ это святилище Кемошу въ Кархѣ, святилище за помощь...» и т. д. Такія царскія лѣтописи писались, вѣроятно, не на каменныхъ или глиняныхъ дощечкахъ, но скорѣе всего на папирусѣ, который со времени развитія торговли въ Палестинѣ привозили туда изъ Египта. Если бы

Печать Шема, раба Іеровоама II.

онѣ были написаны на камнѣ или на глинѣ, изъ нихъ дошли бы до насъ хоть какіе-нибудь отрывки; но если онѣ были написаны на папирусѣ, то всѣ онѣ легко могли погибнуть во время пожара Самаріи и Іерусалима, когда эти города были взяты ассирійцами и халдеями. Могло быть и такъ, что онѣ не погибли во время

погромовъ, но были потомъ уничтожены въ плѣну жрецами, составлявшими книги Самуила и Царей. Когда эти книги были составлены, ихъ авторы могли считать лѣтописи болѣе ненужными и не заботились уже о ихъ сохраненіи; а для читателей было гораздо удобнѣе и пріятнѣе читать цѣльныя литературныя произведенія, чѣмъ отдѣльныя лѣтописи.

Клинообразное письмо было въ употребленіи въ офиціальныхъ документахъ, его знали царскіе секретари, а также, можетъ быть, и жрецы, которые нерѣдко были составителями законовъ. Но писатели, составлявшіе первыя литературныя произведенія, пользовались буквеннымъ письмомъ, хотя, конечно, они, какъ образованные люди своего времени, умѣли читать и клинообразныя письмена и были хорошо знакомы съ содержаніемъ вавилонскихъ былинъ и преданій. Кто были первые писатели, мы не знаемъ; мы знаемъ только, какія книги они составили. Это были «Книга войнъ Ягве» и «Книга доблестнаго. Въ этихъ книгахъ были собраны былины о старинныхъ израильскихъ богатыряхъ и герояхъ. Эти былины составлялись сами собою въ народной средѣ, подобно тому, какъ составлялись русскія былины объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, или греческія былины о герояхъ Троянской войны и о приключеніяхъ Одиссея. Чрезвычайно жаль, что эти книги былинъ не дошли до насъ; если судить по тѣмъ отрывкамъ, какіе приводятся изъ нихъ въ разныхъ книгахъ ветхаго завѣта, надо думать, что онѣ по своей поэзіи и богатству приключеній нисколько не уступали ни русскимъ, ни греческимъ былинамъ. Первое мѣсто занимала, надо думать, былина о первыхъ изобрѣтателяхъ мѣднаго и желѣзнаго оружія.

Это были могучіе богатыри, потомки Каина. Каинъ первый построилъ себѣ замокъ, а его потомки изобрѣли все то, что было дорого и мило душѣ израильскаго князя и воина. Іувалъ изобрѣлъ музыкальные инструменты, цитру и свирѣль, и былъ родоначальникомъ всѣхъ музыкантовъ, которыхъ такъ любили слушать цари и князья; Тувалкаинъ изобрѣлъ искусство ковать мечи и другія орудія изъ мѣди и желѣза и былъ родоначальникомъ всѣхъ кузнецовъ и оружейниковъ. А третій потомокъ Каина, Ламехъ, первый сталъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать себя и свою честь, первый провозгласилъ принципъ кровавой мести, ради которой велись въ старину кровопролитныя войны. Израильскіе князьки любили повторять его пѣсню, переданную намъ въ библіи:

Ада и Цилла, послушайте мои рѣчи,
Вы жены Ламеха, внимайте моему слову:
Мужа убиваю я за мою рану,
Юношу за мою царапину!
Всемеро отомстится за Каина,
А за Ламеха въ семьдесятъ семь разъ.

Затѣмъ шли былины, составленныя о герояхъ-богатыряхъ, подъ предводительствомъ которыхъ израильскія племена завоевывали землю Ханаанскую. У каждаго племени былъ свой герой и свои былины, но во всѣхъ былинахъ руководителемъ и помощникомъ богатырей изображается одинъ и тотъ же богъ Ягве. Герои борются съ ханаанскими князьками; сраженія между израильтянами и хананеями происходятъ на землѣ. А въ это же время израильскій богъ Ягве воюетъ съ ханаанскими божками, и сраженія боговъ происходятъ на небѣ: помните, какъ говорится въ пѣснѣ Деворы:

И вотъ пришли цари, сражались, сражались тогда цари Ханаана—
Добычи серебромъ не достали они!
А съ неба сражалися звѣзды, съ своихъ путей сражались они съ Сисарой.

Въ книгахъ былинъ находились былины про Іисуса Навина, перваго израильскаго воеводу во время завоеванія Ханаана, были пѣсни про Девору, Гедеона, Іеѳая. За былинами о вождяхъ и судьяхъ шли пѣсни о первыхъ царяхъ. Былины описывали подвиги Саула, а потомъ разбойничьи и военные подвиги Давида. «Книга доблестнаго» кончалась, вѣроятно, пѣсней Давида на смерть Саула и Іонаѳана, уже извѣстной читателю. «Книга войнъ Ягве» составилась, вѣроятнѣе всего, въ княжескихъ кругахъ: князьямъ пріятно было собрать всѣ пѣсни и былины о подвигахъ своихъ предковъ и еще пріятнѣе было слушать пѣніе этихъ былинъ подъ акомпаниментъ арфы. Для Саула музыка и пѣніе Давида были вѣдь лучшимъ лѣкарствомъ отъ мучившей его душевной болѣзни. «Книга доблестнаго» была, вѣроятно, такого же содержанія, только подъ другимъ названіемъ и, можетъ быть, нѣсколько отличалась отъ первой книги своимъ составомъ; по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ цитаты, которыя приводятся въ библіи изъ «Книги доблестнаго» такого же воинственнаго содержанія, какъ и цитаты изъ «Книги войнъ Ягве».

Кромѣ былинъ, цари изъ династіи Давида старались собрать всѣ народныя преданія, какія только были о первыхъ царяхъ изъ дома Давида, о самомъ Давидѣ и о Соломонѣ. Такихъ преданій было очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ сначала тоже, вѣроятно, были народными пѣснями. Изъ этихъ преданій въ Іерусалимѣ со-

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ставились три большихъ книги; въ одной книгѣ разсказывалась исторія Давида до избранія его на царство, въ другой книгѣ разсказывалась исторія царствованія Давида, и въ третьей книгѣ описывалось царствованіе Соломона, его постройки, его слава и необыкновенная мудрость. О содержаніи этихъ книгъ мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ о содержаніи «Книги войнъ Ягвеѣ» и «Книги доблестнаго», потому что авторы теперешнихъ библейскихъ книгъ Самуила и Царей списывали изъ этихъ книгъ цѣлые большіе отрывки. Въ тѣ времена книги составлялись не такъ, какъ теперь; не считалось зазорнымъ буквально переписывать старыя книги, дѣлая лишь небольшія измѣненія и дополненія; такъ поступали въ старину даже самые знаменитые римскіе и греческіе писатели, напр., историки Титъ Ливій и Діонисій Галикарнасскій. Благодаря этому, современные ученые и могли разложить на составныя части всѣ историческія книги ветхаго завѣта.

Печать Ананіи бенъ-Акборъ, изъ Іерусалима.

Когда были собраны былины и преданія, образованныхъ людей въ Іудѣ и въ Ефремѣ стали занимать вопросы: а что было съ израильскимъ народомъ до его поселенія въ землѣ Ханаанской, откуда онъ произошелъ, кто были его первые родоначальники, какія событія тогда были въ его жизни, и какимъ образомъ онъ избралъ Ханаанъ для своего поселенія? На этотъ вопросъ отвѣтить было не такъ-то легко, потому что у израиль-

скихъ племенъ, какъ у всякаго другого народа, сохранилось очень мало воспоминаній о такихъ стародавнихъ временахъ. То, что удалось собрать, было очень немного, и связной исторіи составить было нельзя. Какъ тутъ быть? Израильскіе писатели придумали такой же способъ помочь дѣлу, какой употребляли писатели другихъ народовъ, когда имъ приходилось составлять исторію о такихъ временахъ, о которыхъ было мало извѣстій. Чего не было, то можно было вѣдь дополнить своими догадками и соображеніями, а кое-что можно было взять и изъ вавилонскихъ и египетскихъ сказаній. И вотъ, въ концѣ восьмого или въ началѣ седьмого вѣка среди Израиля существовали уже двѣ книги, разсказывавшія о томъ, какъ и откуда появился израильскій народъ, и о первыхъ временахъ его жизни до поселенія въ землѣ Ханаанской; одна книга была составлена на югѣ, въ Іерусалимѣ, а другая на сѣверѣ, въ Ефремѣ. Эти книги были составлены жрецами; авторы ихъ старались показать, что судьба Израиля была издавна предопредѣлена волей божества. Въ теперешнемъ пятикнижіи мы находимъ очень много отрывковъ изъ іудейской книги и гораздо меньше отрывковъ изъ книги, составленной въ Ефремѣ; поэтому, содержаніе іудейской книги можно возстановить почти цѣликомъ.

Авторъ іудейской книги о происхожденіи Израиля былъ страстнымъ поклонникомъ Ягве и, подобно пророкамъ, считалъ Ягве создателемъ неба и земли; современные ученые и называютъ его поэтому ягвистомъ. Свою книгу онъ началъ разсказомъ о томъ, какъ Ягве сотворилъ небо, землю и человѣка, какъ поселилъ человѣка въ чудесномъ саду, и какъ человѣкъ согрѣшилъ передъ Ягве, вкусивъ, по наущенію змѣя, запрещенные плоды съ древа познанія. За это Ягве изгналъ перваго чело-

Адамъ и Ева. Лука Кранахъ.

вѣка, Адама, и его жену, Еву, изъ чудеснаго сада, отнялъ у нихъ безсмертіе и велѣлъ въ потѣ лица обрабатывать землю. За то, что люди продолжали грѣшить, Ягве наслалъ на нихъ потопъ, отъ котораго спаслись только праведный Ной съ тремя сыновьями, Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ; отъ нихъ и пошли всѣ народы земли. Всѣ люди сначала говорили на одномъ языкѣ, но за то, что они хотѣли построить башню высотою до небесъ и свергнуть съ небесъ боговъ, Ягве перемѣшалъ ихъ языки, они перестали понимать другъ друга и разошлись въ разныя стороны. Потомки Сима заняли Палестину, Сирію и Месопотамію; значитъ, всѣ народы, живущіе въ этихъ странахъ, родственны другъ другу. Такъ ягвистъ разсказывалъ первоначальную исторію всего человѣчества. Онъ составилъ ее, главнымъ образомъ, по вавилонскимъ преданіямъ: напр., вавилонскій разсказъ о потопѣ онъ только сократилъ и перемѣнилъ имена, разсказъ о построеніи вавилонской башни повторилъ почти дословно, а израильскія преданія о чудесной родинѣ людей разукрасилъ разными вавилонскими мотивами. Кое-что заимствовалъ онъ и изъ «Книги войнъ Ягве», напр. разсказъ о Каинѣ и о его потомствѣ.

Разсказавъ первоначальную исторію человѣчества, ягвистъ разсказываетъ далѣе исторію происхожденія израильскаго народа и его первыхъ патріарховъ. Онъ говоритъ, что у Израиля и у всѣхъ другихъ мелкихъ и близкихъ ему народцевъ, Моава, Аммона, Эдома, былъ общій родоначальникъ Ѳарра, отецъ Авраама, — отъ этого всѣ эти народы и родственны. Земля Ханаанская была первоначальнымъ мѣстомъ жительства Авраама, ее указалъ Аврааму для поселенія самъ богъ Ягве. Авраамъ,

его сынъ Исаакъ и внукъ Іаковъ или Израиль въ незапамятную старину кочевали по странѣ Ханаанской. Въ разныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ они во время своихъ кочевьевъ останавливались, имъ являлся Ягве и давалъ имъ свои откровенія; въ этихъ мѣстахъ патріархи строили жертвенники, и отъ этого мѣста эти стали священными,—такимъ способомъ объяснилъ ягвистъ происхожденіе всѣхъ старинныхъ святилищъ Израиля. Іаковъ-Израиль былъ родоначальникомъ всѣхъ израильскихъ племенъ; у него было двѣнадцать сыновей, которымъ ягвистъ далъ имена израильскихъ племенъ: Рувимъ, Гадъ, Симеонъ, Іуда, Веніаминъ и т. д.; отъ каждаго сына и пошло соотвѣтствующее племя. Но какъ же случилось, что израильтянамъ пришлось завоевывать землю Ханаанскую, если въ ней жили ихъ предки съ незапамятныхъ временъ? Тутъ ягвисту пришло на память, что было смутное преданіе о томъ, будто когда-то израильтяне во время своихъ кочевьевъ заходили въ землю египетскую. Египетъ славился своимъ чудеснымъ плодородіемъ, а въ Палестинѣ земля была скудная и часто давала неурожаи. Ягвистъ и сообразилъ, что дѣло, вѣроятно, было такъ: случился въ землѣ Ханаанской голодъ, вотъ Іаковъ со своей семьей и переселился на время въ Египетъ. А тамъ египетскіе фараоны стали ихъ мучить тяжелыми работами; Ягве услышалъ стонъ сыновъ Израиля и послалъ имъ избавителя, пророка Моисея. До сихъ поръ ягвисту хватало матеріала изъ разныхъ народныхъ повѣрій и преданій, но о Моисеѣ, спасителѣ Израиля изъ рабства египетскаго, было извѣстно очень мало; разсказывали только, что былъ въ незапамятную старину такой мудрецъ и прорицатель. Чтобы разсказать подробно о происхожденіи Мои-

сея, ягвистъ воспользовался чудесными разсказами о египетскомъ богѣ Озирисѣ. Какъ бога Озириса хотѣлъ убить его врагъ богъ Сетъ, такъ и Моисея, когда онъ былъ еще груднымъ младенцемъ, хотѣлъ убить его врагъ фараонъ; какъ Сетъ, думая, что убилъ Озириса, набальзамировалъ его тѣло, положилъ въ ящикъ и бросилъ его въ Нилъ, такъ и матери Моисея, боявшейся преслѣдованій фараона, пришлось положить новорожденнаго Моисея въ корзинку, залить его смолою и асфальтомъ и бросить въ Нилъ; Озириса, на зло Сету, нашла богиня Изида, вынула его изъ гроба, вернула его къ жизни и сдѣлала его своимъ супругомъ; Моисея, на зло фараону, нашла его собственная дочь, спасла ребенка отъ неминуемой смерти, взяла къ себѣ во дворецъ и научила всей египетской премудрости. Такъ Моисей выросъ, и когда его призвалъ для спасенія Израиля Ягве, явившись ему въ горящемъ терновомъ кустѣ, Моисей наслалъ на Египетъ будто бы до тѣхъ поръ небывалыя казни за то, что фараонъ не хотѣлъ отпускать израильтянъ. Онъ превратилъ воду Нила въ кровь, послалъ жабъ, пожравшихъ всѣ травы и наводнившихъ собою дома египтянъ, наслалъ песьихъ мухъ, затѣмъ чуму скота, затѣмъ градъ, саранчу. Всѣ эти казни не выдуманныя: Египетъ всегда часто страдалъ отъ этихъ бѣдствій. Но фараонъ все не сдавался; только когда пришла седьмая казнь, когда Ягве послалъ по Египту духа чумы, истреблявшаго всѣхъ первенцевъ египетскихъ, фараонъ испугался и отпустилъ сыновъ Израиля. Сорокъ лѣтъ, подъ предводительствомъ Моисея, кочевали они въ пустынѣ между Египтомъ и Палестиною; у горы Синая была у нихъ долгая остановка. На эту гору, исконное жилище Ягве, всходилъ Моисей и полу-

чилъ отъ Ягве десять заповѣдей, которыя Ягве собственноручно написалъ на двухъ каменныхъ доскахъ, и книгу завѣта. Въ концѣ сорокалѣтняго скитанія Моисей умеръ, а на его мѣсто Ягве поставилъ Іисуса Навина, подъ предводительствомъ котораго израильтяне и начали завоевывать землю Ханаанскую. Разсказомъ объ Іисусѣ Навинѣ и кончается книга ягвиста.

Содержаніе книги, составленной въ Ефремѣ, не такъ хорошо извѣстно намъ, потому что изъ нея въ теперешнемъ пятикнижіи взято не такъ много разсказовъ. Она разсказываетъ, приблизительно, то же, что и ягвистъ, но многіе разсказы передѣлываетъ по-своему. Особенное вниманіе въ ней было обращено на исторію происхожденія Ефрема. Ефремъ и Манассія, разсказывалось тамъ, были сыновьями Іосифа прекраснаго, сына Израиля; не любили Іосифа братья за то, что былъ онъ любимъ богами и имѣлъ вѣщіе сны: видѣлъ онъ во снѣ, что и солнце и луна и звѣзды, т.-е. его отецъ, мать и братья поклонились ему; и означалъ этотъ сонъ, что будетъ Іосифъ первымъ во Израилѣ. Завистливые братья продали его въ рабство въ Египетъ, но тамъ вѣщій даръ Іосифа помогъ ему возвыситься; разгадалъ онъ фараону таинственные сны, которыхъ не могли разгадать египетскіе мудрецы, спасъ Египетъ этимъ отъ голода, а за это получилъ отъ фараона богатство и высокій придворный чинъ. И пришлось отцу и братьямъ кланяться Іосифу, когда пришли они, гонимые голодомъ, въ Египетъ и просили тамъ себѣ хлѣба. Такими разсказами богатые ефремляне, чувствовавшіе свое превосходство надъ болѣе бѣдными и неразвитыми сынами Іуды, старались доказать свое превосходство и право на первое мѣсто среди Израиля. Но и авторъ исторіи Іосифа не могъ

обойтись безъ заимствованій изъ египетской литературы: для составленія разсказа о приключеніяхъ Іосифа въ Египтѣ онъ воспользовался любопытнымъ египетскимъ романомъ о героѣ-полубогѣ Бата.

Такова была поэтическая и повѣствовательная литература въ древнемъ Израилѣ; всю эту литературу можно назвать свѣтскою. Но, кромѣ нея, была и религіозная литература. Нѣкоторыя произведенія религіозной литературы мы уже знаемъ—это пророческія книги и разсказы о пророкахъ. Но, кромѣ пророческой литературы, была еще литература жреческая. Жрецы іерусалимскаго храма составляли гимны и молитвы Ягве; мы теперь называемъ эти гимны и молитвы псалмами. Собирать псалмы и составлять изъ нихъ теперешнюю книгу псалмовъ стали только послѣ возвращенія изъ плѣна вавилонскаго; тогда отдавали предпочтеніе новымъ псалмамъ передъ старыми, и поэтому старыхъ псалмовъ сохранилось для насъ немного *). Сохранился, напримѣръ, псаломъ, составленный по случаю спасенія Іерусалима въ 701 г. отъ войска Сеннахерима. «Гора Сіонъ радуется, дочери Іуды веселятся ради суда Ягве. Ходите кругомъ Сіона, считайте его башни, смотрите на его валъ, пройдите по его дворцамъ,—вы разскажете будущему роду, что помогъ намъ Ягве, нашъ богъ! Вѣчно онъ будетъ нашимъ вождемъ!» (псаломъ 48). Сохранился псаломъ, составленный по случаю бракосочетанія какого-то царя — это псаломъ 45 — и нѣкоторые другіе псалмы. Всѣ эти книги,—и свѣтскія и духов-

*) Кто желаетъ поближе познакомиться съ псалмами, тотъ можетъ прочитать мою брошюру: «Царь Давидъ и псалмы», изд. книгоиздательства «Пирамида».

ныя,—были написаны на длинныхъ свиткахъ папируса; свитки наматывались на два валика, по мѣрѣ чтенія папирусъ съ одного валика сматывался, а на другой наматывался. Отъ этого способа изготовленія книгъ онѣ носили названіе свитковъ.

Во всѣхъ этихъ литературныхъ произведеніяхъ выразился во всей своей красѣ поэтическій геній древняго Израиля. Хотя всѣ произведенія древнѣйшей израильской литературы дошли до насъ только въ отрывкахъ, притомъ еще искаженныхъ авторами теперешнихъ библейскихъ книгъ и позднѣйшими толкователями, мы все-таки можемъ смѣло сказать, что израильскіе поэты и писатели во многихъ отношеніяхъ талантливѣе и выше даже своихъ учителей, вавилонянъ, и не уступаютъ лучшимъ поэтамъ и писателямъ древней Греціи. Но зато въ наукѣ и въ искусствѣ израильтяне не создали ничего оригинальнаго. Въ то время была одна наука — вавилонская мудрость, какъ ее тогда называли; весь тогдашній культурный міръ учился этой наукѣ, учились ей и израильтяне.

Вавилонская наука создавалась цѣлыми тысячелѣтіями. Еще за 3000 лѣтъ до Рождества Христова, когда на Тигрѣ и Евфратѣ жили сумеры, которыхъ потомъ покорили вавилоняне, тамъ началась работа неустанной мысли. Издавна въ долинѣ между Тигромъ и Евфратомъ процвѣтало земледѣліе; земледѣлецъ нуждается въ календарѣ больше, чѣмъ человѣкъ, живущій какимъ-либо другимъ занятіемъ, напр., охотой или скотоводствомъ. Земледѣльцу приходится тщательно слѣдить за смѣной временъ года и за погодой, чтобы не упустить время для посѣва, чтобы выбрать наиболѣе благопріятный моментъ для жатвы и покоса. Самыми

крупными сельскими хозяевами въ древней Вавилоніи были жрецы; они распоряжались огромными имѣніями, принадлежавшими храмамъ боговъ, съ тысячами крѣпостныхъ рабочихъ. Поэтому жрецы и стали наблюдать за небомъ и за небесными свѣтилами, замѣтивъ, что смѣна временъ года зависитъ отъ движенія солнца, а погоду можно предсказывать по формѣ облаковъ и по характеру блеска луны и звѣздъ. Жрецы, наблюдая въ теченіе годовъ и вѣковъ за небомъ, сначала составили календарь, а потомъ цѣлую особую священную науку. Наука эта говорила о томъ, что всѣ движенія свѣтилъ на небѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для жителей земли. Солнце, луна и пять видимыхъ простымъ глазомъ планетъ (по нашему названію Меркурій-Набу, Венера-Иштаръ, Марсъ-Нергаль, Юпитеръ-Мардукъ, Сатурнъ-Нинибъ) — это толкователи божественной воли. На небесахъ живутъ боги, они двигаютъ планетами, солнцемъ и луною, и по движенію и взаимному положенію этихъ планетъ человѣкъ можетъ узнать волю боговъ. Если наблюдать за небомъ, если наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что на небѣ происходитъ, включая сюда движенія облаковъ и дуновеніе вѣтра,— облаками и вѣтромъ тоже управляютъ боги,—то можно составлять вѣрныя предсказанія относительно будущаго. Вавилонскіе жрецы и составляли такія предсказанія: они гадали по звѣздамъ объ исходѣ сраженій, войнъ, о будущей судьбѣ людей; эти предсказанія они записывали на глиняныхъ табличкахъ, и тысячи такихъ табличекъ сохранились до нашего времени. Мало того, жрецы считали священными всѣ тѣ числа, которыя у нихъ получились послѣ наблюденій надъ небомъ; эти числа они считали таинственными, установленными самими богами. Первое

священное число—два, потому что два великихъ небесныхъ свѣтила, солнце и луна, свѣтило дня и свѣтило ночи. Дальше идетъ три—потому что солнцу и лунѣ неизмѣнно сопутствуетъ третье свѣтило, самая яркая звѣзда, планета Иштаръ-Венера, утренняя звѣзда и вечерняя звѣзда. Слѣдующее священное число—семь, потому что семь великихъ небесныхъ свѣтилъ-планетъ. Потомъ идетъ число двѣнадцать, потому что въ теченіе года луна родится двѣнадцать разъ, бываетъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Кратныя этихъ чиселъ тоже священныя: въ году круглымъ счетомъ 360 дней — число священное; 360—кратное 5, 10 и 12—значитъ 5 и 10 числа тоже священныя. Поэтому ученые вавилонскіе считали не такъ, какъ мы считаемъ; у нихъ счетъ былъ не по десятичной системѣ, а по шестидесятичной, т.-е. сначала считали до 60, а потомъ по 60. Вавилонскіе ученые думали, что эти священныя свѣтила и священныя числа управляютъ всей жизнью міра, и старались все, что видѣли и узнавали на землѣ, толковать при помощи своей науки, а въ описаніяхъ, легендахъ и разсказахъ употреблять эти священныя числа. Эту священную науку вавилонянъ можно назвать астрологіей,—названіемъ, подъ которымъ она была извѣстна древнимъ грекамъ, а послѣ нихъ — средневѣковой Европѣ.

Эта астрологическая наука уже давно существовала въ Вавилоніи, когда появились въ Израилѣ ученые и писатели. Они имѣли о ней понятіе, и она оказала на нихъ свое вліяніе. Составители библейскихъ книгъ очень любятъ священныя числа; больше всего и чаще всего они употребляютъ числа 7 и 12, ибо это были самыя простыя и для всѣхъ понятныя числа дней въ недѣлѣ и мѣсяцевъ въ году. Больше всего любили семь: число семь, гово-

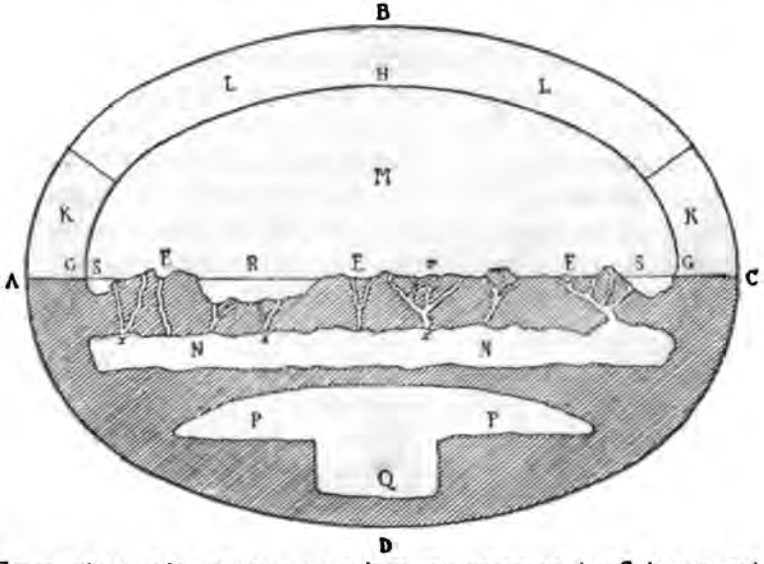
рили мудрецы, запечатлѣно на небѣ и на всей вселенной и прославлено всей природой. Семь, семь разъ семь (49), семьдесятъ—эти числа постоянно употребляются въ библіи для счета времени: нигдѣ не было записано, сколько жили древніе патріархи, судьи и цари, сколько у нихъ было дѣтей,—и вотъ ягвистъ и другіе писатели составляли сами эти числа, употребляя число 7 и его кратныя и 12 и его кратныя. Составили даже такой счетъ времени: 480 лѣтъ прошло отъ сотворенія міра до потопа, 480 — отъ потопа до исхода изъ Египта, 480 — отъ исхода изъ Египта до построенія соломонова храма и т. д. Число двѣнадцать само по себѣ употребляли тоже очень часто. Когда перечисляли израильскія племена, то старались насчитать непремѣнно двѣнадцать; авторъ книги Судей насчиталъ двѣнадцать судей; когда дѣлали каменный жертвенникъ, то складывали его непремѣнно изъ двѣнадцати камней. Были и спеціалисты-астрологи; ихъ держали при своемъ дворѣ цари; но мы не знаемъ, были ли они коренные израильтяне, или приглашенные изъ Вавилона ученые. Этихъ астрологовъ звали звѣздочетами; народные пророки не любили ихъ и обличали ихъ такъ же, какъ и остальныхъ царскихъ пророковъ и гадателей. Но календарь у древнихъ израильтянъ былъ не вавилонскій. Когда израильтяне заняли землю Ханаанскую, земледѣльцы-хананеи уже имѣли календарь, и, вѣроятно, израильтяне переняли у нихъ этотъ календарь. Въ Вавилоніи годъ начинался съ весны, когда разливались Тигръ и Евфратъ и своими водами орошали и оплодотворяли землю; вавилоняне говорили, что это воскресъ послѣ зимняго сна богъ солнца, и съ его воскресенія начинался новый годъ. Годъ въ Вавилоніи считали по солнцу, а не по лунѣ, какъ въ Ханаанѣ (лунный мѣсяцъ содер-

житъ $28^1/_4$ дней, и 12 лунныхъ мѣсяцевъ будутъ меньше солнечнаго года). А въ Палестинѣ годъ оканчивался съ концомъ сельско-хозяйственныхъ работъ; послѣдній осенній праздникъ Кущей былъ праздникомъ начала новаго года. За начало новаго года считали то осеннее полнолуніе, къ которому пріурочивался праздникъ Кущей. Только послѣ плѣна вавилонскаго іудеи переняли календарь вавилонянъ и стали начинать гражданскій годъ съ весны, съ перваго весенняго новолунія; тогда же и старинныя названія мѣсяцевъ: Авивъ, Зивъ, Булъ, Еѳанимъ, замѣнились другими, заимствованными у вавилонянъ.

Но не одну астрологію переняли израильтяне у вавилонянъ. Вавилоняне были торговымъ народомъ; они много путешествовали и составили себѣ нѣкоторыя представленія о томъ, какъ устроена земля; а жрецы постарались опредѣлить, какъ устроено небо, и составили планъ мірозданія. Если изъ Вавилоніи ѣхать на югъ, или на западъ, или на сѣверъ, то непремѣнно попадешь къ морю; только на востокѣ были огромныя горы, черезъ которыя вавилоняне не рѣшались перешагнуть. Но они видѣли, что солнце садится на западѣ въ морѣ; они рѣшили, что и всходить солнце должно тоже изъ моря,—значитъ, за этими горами на востокѣ должно быть тоже море. Они и рѣшили, что земля представляетъ изъ себя какъ бы гору, на западномъ склонѣ которой находится Вавилонъ; гора эта круглая, и кругомъ ея море. А сверху въ это море, какъ опрокинутая чаша, опирается небесная твердь, небесный міръ, небесныя воды сходятся съ земными водами. Земля устроена, какъ небо; если на землѣ есть суша, вода и воздухъ, то потому, что и на небѣ есть тоже суша, вода и воздухъ. Небесный океанъ — это нижняя часть неба на горизонтѣ, сливающаяся съ

земнымъ океаномъ; небесная суша — это поясъ созвѣздій зодіака, протянувшійся, какъ плотина, среди небеснаго моря; по этому поясу двигаются солнце, луна и пять планетъ. А дальше идетъ небесная воздушная сфера. Подъ земной горой находится бездна, адъ, куда спускаются души умершихъ; черезъ это подземелье ночью солнце проходитъ отъ западнаго края земли къ восточному, чтобы опять начать свой неизмѣнный дневной путь по небу. Эти представленія вавилонянъ были извѣстны ученымъ израильтянамъ. Сами израильтяне мало путешествовали и самостоятельнаго сужденія о мірозданіи составить не могли; вавилонское же представленіе вполнѣ подходило къ ихъ понятіямъ. Но они измѣнили его во многихъ важныхъ частяхъ. Землю они представляли себѣ не горою, а равниной, на которой тамъ и сямъ возвышаются горы *(AEC)*—такъ они думали, потому что въ Палестинѣ нѣтъ непереходимыхъ горъ. Потомъ, для Палестины большое значеніе имѣли вѣтры, которые приносили съ собою либо засуху, либо дождь; въ Вавилоніи вѣтры не имѣли такого значенія, потому что тамъ страна орошалась разливами Тигра и Евфрата. Поэтому израильтяне постарались найти особыя мѣста для пребыванія вѣтровъ. Обиталища вѣтровъ находятся, по ихъ мнѣнію, въ нижнемъ поясѣ неба *(KK)* и отдѣляютъ собою землю отъ небесныхъ вмѣстилищъ воды, снѣга и града *(LHL)*; эти вмѣстилища лежатъ выше воздуха *(M)*, а за ними находится второе—верхнее небо *(B)*, на которомъ живутъ боги. Подъ землею находится не только царство мертвыхъ *(PQP)*; выше его, между царствомъ мертвыхъ и поверхностью земли, находятся источники земныхъ водъ *(NN)*, отъ которыхъ идутъ кверху каналы *(x)*, питающіе моря, рѣки, озера и источники *(RS)*.

Таковы были зачатки науки въ древнемъ Израилѣ. Въ остальномъ древніе израильтяне были довольно невѣжественны. Въ особенности невѣжественны они были въ медицинѣ. Они плохо знали устройство человѣческаго тѣла и держались такихъ же взглядовъ на жизнь, болѣзнь и смерть, какіе распространены среди мало развитыхъ



Планъ міровданія по представленіямъ израильтянъ (по Скіапарелли).

дикихъ народовъ. Они думали, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; но душу они считали тоже матеріальнымъ существомъ. Душа — это все равно, что кровь; кровь вытечетъ — душа выйдетъ. Поэтому запрещали ѣсть съ кровью: вѣдь душа послѣ смерти человѣка можетъ переселиться въ животныхъ, и съ кровью животнаго можно проглотить такую душу, которая причинитъ

болѣзнь или даже смерть. Болѣзнь приключается отъ того, что въ человѣка вселяется такая злая душа, или злой духъ; чтобы вылѣчить болѣзнь, есть только одно средство: выгнать этого духа, или носить на себѣ такіе амулеты, которыхъ злой духъ боится. Только такія болѣзни, которыя причинены ясной причиной, можно лѣчить не колдовствомъ, а какими-нибудь другими средствами. Если воина ранили въ сраженіи, или человѣкъ поранилъ, изувѣчилъ себя случайно за работой,—тутъ дѣло было ясно: виноватъ не духъ, а живой человѣкъ. Такія болѣзни лѣчились обыкновенными врачами, которые прикладывали къ ранамъ особыя травы, составляли цѣлебные бальзамы и т. д. Египетская медицина, которая основывалась на тщательномъ изученіи человѣческаго тѣла, была для израильтянъ, какъ и для другихъ народовъ востока, недосягаемымъ идеаломъ.

XII.

На рѣкахъ вавилонскихъ.

Время плѣна вавилонскаго казалось впослѣдствіи сынамъ Іуды тяжкой и печальной годиною. Вспоминая Сіонъ, они плакали; они не могли пѣть и веселиться, не могли даже молиться Ягве въ чужой землѣ. Ягве остался тамъ, на далекой родинѣ; жрецъ Іезекіиль, одинъ изъ уведенныхъ въ изгнаніе, увѣрялъ, что видѣлъ, какъ Ягве передъ гибелью Іерусалима сѣлъ на керубовъ, стоявшихъ около его ковчега, и улетѣлъ на сосѣднюю гору. Тамъ и остался онъ жить, пока его служители не вернутся изъ плѣна и не отстроятъ вновь его жилища.

Туда же чудеснымъ образомъ былъ перенесенъ и ковчегъ Ягве, таинственно исчезнувшій во время пожара Іерусалима; онъ скрытъ на этой горѣ, и когда придутъ послѣднія времена міра, онъ опять покажется вмѣстѣ съ Ягве судить всѣ народы. Ежедневно изгнанники возсылали горячія молитвы къ Ягве: «помилуй меня, Ягве, по великой твоей милости, и по множеству щедротъ твоихъ очисти мои беззаконія!» А въ ожиданіи будущаго дня избавленія отъ плѣна изгнанники старались приспособиться къ новой обстановкѣ, среди которой имъ пришлось жить.

Къ новому положенію прежде всего привыкли переселенные изъ Іерусалима іерусалимскіе купцы. Вавилонское царство было обширной имперіей, по которой во всѣ стороны разъѣзжали торговые караваны, сходившіеся, какъ въ узлѣ, въ Вавилонѣ, этой тогдашней столицѣ міра. Богатый и раньше, при Навуходоносорѣ Вавилонъ обстроился и разукрасился съ небывалою роскошью. Эта столица міра притягивала къ себѣ множество товаровъ изъ всѣхъ странъ, и въ самомъ Вавилонѣ выдѣлывалось немало дорогихъ издѣлій, которыя потомъ расходились по всему свѣту. Переселеннымъ купцамъ было только запрещено возвращаться въ Іудею, но они свободно могли разъѣзжать и торговать по всему остальному огромному пространству великой державы. Они и сдѣлали это. Одни остались въ Вавилонѣ; другіе переселились въ Ниневію, Экбатаны, Сузу, въ Египетъ. И въ Вавилонѣ, и въ другихъ городахъ, въ которыхъ они поселялись, они старались держаться вмѣстѣ, помогать другъ другу въ торговыхъ операціяхъ и собираться вмѣстѣ на общую молитву. Эти колоніи іудейскихъ купцовъ были началомъ іудейскаго «разсѣянія»,

діаспоры, какъ называли по-гречески колоніи іудеевъ, разсѣянныя по всему тогдашнему свѣту.

Но купцовъ среди переселенцевъ было сравнительно немного. Вся тяжесть изгнанія пала на «могучихъ рыцарей», да на жрецовъ,—ихъ больше всего было переселено изъ сыновъ Іуды, потому что они были господами и руководителями погибшаго царства. Князья и сановники іудейскаго царства скоро привыкли къ новой обстановкѣ. Одни изъ нихъ сумѣли отличиться передъ вавилонскимъ царемъ и получили за это важныя должности; другіе, успѣвшіе спасти отъ разгрома хоть часть своего состоянія, пустились вмѣстѣ съ купцами въ торговыя предпріятія. Но положеніе жрецовъ было непріятнѣе всего. Выселенные изъ Іерусалима, они не могли уже болѣе жить своимъ прежнимъ дѣломъ, а къ новому имъ переходить не хотѣлось, и большинство жрецовъ только и мечтало о томъ, какъ бы вернуться опять на прежнее мѣсто и возстановить храмъ и культъ Ягве, но такъ, чтобы у нихъ уже больше не было соперниковъ.

Въ надеждѣ на то, что когда-нибудь исполнится пророчество Іереміи, жрецы жили тѣснымъ кружкомъ и занимались приведеніемъ въ порядокъ, исправленіемъ и дополненіемъ всѣхъ обычаевъ и обрядовъ богослуженія, сложившихся въ іерусалимскомъ храмѣ. Между собой они проводили различіе: они говорили, что настоящими главными жрецами должны быть въ будущемъ только тѣ жрецы, которые происходятъ отъ перваго жреца іерусалимскаго храма, Садока, потому что только эти жрецы сохраняли вѣрность Ягве. Всѣ же прочіе жрецы-левиты, которые служили другимъ богамъ или на высотахъ, должны будутъ только помогать настоящимъ жрецамъ. Эту мысль высказалъ одинъ изъ іерусалимскихъ

Видѣніе Іезекіиля. Рафаэль.

жрецовъ, Іезекіиль. Онъ изображалъ изъ себя пророка, говоря, что ему постоянно является въ необыкновенной обстановкѣ Ягве, сидящій на страшныхъ чудовищахъ, полу-людяхъ—полу-звѣряхъ и окруженный чудесною свитой; онъ написалъ книгу, гдѣ разсказывалъ свои видѣнія. Ягве такъ объяснилъ ему причину гибели Іерусалима, Іуды и Израиля: они погибли потому, что не соблюдали закона о поклоненіи только Ягве и только въ Іерусалимѣ. Теперь Іуда и Израиль — все равно, что мертвыя бѣлыя кости; но Ягве оживитъ ихъ, и тогда они вернутся назадъ въ землю обѣтованную, и если устроятъ тамъ жизнь такъ, какъ укажетъ Ягве Іезекіилю, то никогда больше не погибнутъ, и имъ покорятся всѣ народы земные. И въ концѣ своей книги Іезекіиль описываетъ, какъ долженъ устроиться Іуда; это будущее устройство показалъ ему самъ Ягве, чудесно перенеся Іезекіиля на родину и поставивъ его на высокую гору, съ которой онъ могъ увидѣть весь новый Іерусалимъ, Іуду и все новое устройство родной страны. Въ центрѣ будущаго Іуды будетъ стоять храмъ Ягве, великолѣпный храмъ, съ которымъ храмъ Соломона не можетъ сравниться. Около храма отводятся земли жрецамъ и левитамъ; затѣмъ, на востокъ и на западъ отъ владѣній клира, будутъ владѣнія князя, а на югъ и на сѣверъ удѣлы колѣнъ Израилевыхъ. Затѣмъ Ягве разсказалъ, какъ должно устроить управленіе обновленнымъ царствомъ. Главную власть должны получить жрецы: князь ничего безъ нихъ дѣлать не можетъ, жрецы судятъ народъ и приносятъ жертвы; на содержаніе жрецовъ и князя народъ обязанъ приносить десятину съ масла, шестую часть ячменя и пшеницы и одну овцу изъ стада въ двѣсти головъ. Если такъ устроятся Израиль и Іуда по возвращеніи, то вѣчно будутъ они жить въ славѣ и

благоденствіи. Какъ непохожа эта картина будущаго Израиля на ту картину, которую рисовали Исаія и Іеремія! Эти пророки заботились о благѣ всего народа, мечтали, что будущее царство Израиля будетъ крѣпко не жрецами и жертвами, а милостью, правдой и равенствомъ. Іезекіиль заботился только о жрецахъ и думалъ, что если жрецамъ въ обновленномъ Израилѣ будетъ хорошо, то и всему народу будетъ хорошо...

Жрецы старались внушить мысль о необходимости устроить послѣ обновленія Іуды жреческое государство также посредствомъ другихъ сочиненій. Изъ былинъ о судьяхъ и о первыхъ царяхъ и изъ лѣтописей царей Израиля и Іуды они составили три большія книги библіи: книгу Судей, книгу Самуила (въ русской библіи она раздѣляется на I и II кн. Царствъ) и книгу Царей (въ русской библіи III и IV кн. Царствъ). Въ этихъ книгахъ они проводятъ ту мысль, что всѣ несчастія постигали Израиля за отпаденіе отъ Ягве. Какъ только израильтяне забывали, что надо служить только Ягве и только въ Іерусалимѣ, сейчасъ же на нихъ Ягве насылалъ враговъ, которые налагали на нихъ тяжкое иго; когда израильтяне, почувствовавъ тяжесть наказанія, раскаивались, Ягве сейчасъ же посылалъ имъ спасителя въ лицѣ судьи или царя. Но такъ какъ израильтяне скоро забывали о наказаніи и опять отпадали отъ Ягве, то ихъ опять постигало такое же несчастіе. Наконецъ, чаша терпѣнія Ягве переполнилась, и онъ окончательно разгнѣвался на Ефрема и Іуду, Ефрема отдалъ въ руки ассиріянъ, а Іуду—въ руки вавилонянъ. Читая эти книги, іудеи въ плѣну невольно приходили къ мысли, что впредь можно избѣжать наказаній Ягве только однимъ способомъ: молиться только Ягве и приносить ему жертву только въ іерусалимскомъ

храмѣ. Жрецы придумали еще способъ воспитывать въ плѣнныхъ іудеяхъ чувство преданности къ Ягве и его служителямъ. Они стали собирать своихъ соплеменниковъ на молитвенныя собранія; на этихъ собраніяхъ они читали собравшимся законъ Ягве, читали отрывки изъ исторіи и объясняли ихъ и пѣли хоромъ гимны Ягве. Эти собранія скоро вошли въ широкое употребленіе не только въ Вавилонѣ, но и въ другихъ городахъ, гдѣ были іудейскія колоніи. Для нихъ устраивались даже особые дома, которые назывались keneseth— собраніе, по-гречески синагога. Постепенно синагога изъ мѣста для простого собранія ради бесѣдъ и поученія превратилась въ молитвенный домъ, куда могли собираться іудеи, жившіе на чужбинѣ и не имѣвшіе возможности бывать въ іерусалимскомъ храмѣ.

Между тѣмъ, часъ освобожденія приближался; приходилъ день, когда должно было исполниться жестокое пожеланіе: «дочь Вавилона проклятая! блаженъ, кто схватитъ младенцевъ твоихъ и разобьетъ ихъ о камень!» Недавніе союзники халдеевъ, мидяне, помогавшіе Навуходоносору уничтожить власть ассирійскихъ царей, превратились во враговъ халдеевъ. Среди родныхъ братьевъ мидянъ, персовъ, появился необыкновенно талантливый вождь, Киръ, который отдѣлился отъ Вавилона, завоевалъ почти всю Малую Азію и готовился къ рѣшительной борьбѣ съ Вавилономъ. Іудеи смотрѣли на Кира съ великими надеждами и всячески помогали ему, какъ помогали ему и всѣ другіе народы, недовольные владычествомъ Вавилона. Молва о необыкновенныхъ успѣхахъ Кира окрылила одного неизвѣстнаго намъ по имени пророка, перу котораго принадлежатъ 40—55 главы книги, названной именемъ пророка Исаіи. Внимая вѣ-

стямъ о побѣдахъ Кира, онъ написалъ: «утѣшайте, утѣшайте народъ мой, говоритъ богъ вашъ! Говорите сердцу Іерусалима и взывайте къ нему: выслужилъ онъ свою тяжкую службу, вина его погашена; ибо вдвойнѣ получилъ онъ отъ руки моей за всѣ грѣхи свои. Голосъ зоветъ: въ пустынѣ приготовьте путь Ягве, въ степи сдѣлайте прямую дорогу нашему богу—откроется слава Ягве, и всякая плоть увидитъ ее!» Какъ и всѣ іудеи въ это время радостныхъ ожиданій, онъ считалъ Кира рабомъ Ягве, его помазанникомъ: Ягве управляетъ десницей Кира, снимаетъ передъ нимъ пояса съ бедеръ царей, сокрушаетъ передъ нимъ горы, сокрушаетъ мѣдныя двери и желѣзныя ворота. И хоть нѣтъ другого бога, кромѣ Ягве, но Ягве дѣлаетъ все это не изъ любви къ Киру, а изъ любви къ Израилю. Іудеи въ это время, разсѣявшись по всему свѣту, благоденствовали и преуспѣвали въ своихъ дѣлахъ; приписывая свои успѣхи помощи Ягве, они привыкали думать, что онъ сопровождаетъ ихъ по всему міру и, значитъ, управляетъ всѣмъ міромъ. И теперь, когда приближалось время освобожденія и обновленія, вся прошедшая исторія съ ея страданіями казалась іудеямъ только страшнымъ сномъ. Израиль мучился и страдалъ; но теперь онъ получитъ воздаяніе. Онъ не только самъ будетъ спасенъ, но онъ обратитъ всѣ народы въ религію Ягве и будетъ царствовать надъ ними. А всего больше іудеи были упоены предстоящимъ разгромомъ Вавилона. «Сойди и сядь въ прахъ, дѣва, дочь Вавилона! сиди на землѣ, престола уже больше нѣтъ, дочь халдеевъ; не будутъ ужъ тебя называть нѣжною и великолѣпною, возьмешь жернова и будешь молоть муку!» — пишетъ тотъ же пророкъ. А эту работу, молоть муку жерновами, заставляли въ старину дѣлать рабовъ:

ихъ связывали цѣпями по нѣскольку человѣкъ, нагихъ, безъ различія пола и возраста, и, подгоняя бичомъ, заставляли вертѣть тяжелый, огромный жерновъ. Вотъ какая участь готовилась гордой и беззаботной дочери Вавилона, несмотря на всю ея мудрость, несмотря на всѣхъ ея наблюдателей небесъ и звѣздочетовъ и всѣ ея волшебства. И въ то время, какъ дочь Вавилона будетъ терпѣть всѣ эти униженія, Израиль и Іуда пойдутъ домой съ весельемъ и миромъ, холмы и горы будутъ передъ ними пѣть, а деревья будутъ рукоплескать; встрѣтится по дорогѣ терновникъ — онъ сейчасъ же превратится въ кипарисъ, встрѣтится крапива — на ея мѣсто станетъ благоуханный миртъ; и это будетъ такъ, ибо сохнетъ трава, вянетъ цвѣтъ, но слово Ягве не измѣнится во вѣки!

Въ 539 году войска Кира, подъ предводительствомъ его генерала Гобрія, вступили въ предѣлы Вавилоніи. Въ Вавилонѣ поднялась великая тревога. Было назначено великое моленіе богамъ по всѣмъ городамъ. Не надѣясь на крылатыхъ геніевъ, стражей воротъ, въ Вавилонѣ вынесли на площадь изъ храмовъ боговъ Мардука, покровителя Вавилона, и Набу, покровителя купцовъ и путешественниковъ; передъ ихъ золочеными статуями совершались торжественныя всенародныя молебствія. То же самое дѣлали жители другихъ городовъ: въ каждомъ городѣ былъ свой богъ-покровитель, которому теперь возносили усердныя молитвы и приносили безчисленныя жертвы на площадяхъ и улицахъ, въ присутствіи огромныхъ толпъ народа. Жители Эриду молили Эа, въ Урѣ простирали руки къ Сину, въ Сиппарѣ — къ Шамашу и т. д. Непріятель казался всѣмъ дикимъ и непобѣдимымъ; боялись, что онъ опрокинетъ всю на-

копленную вѣками культуру, разрушить храмы, разгонить жрецовъ, разорить торговцевъ; о персахъ судили по дикимъ мидянамъ, недавно еще помогавшимъ Навуходоносору противъ Ассиріи. Но въ то время, какъ вавилоняне пребывали въ смертельномъ ужасѣ, подчиненные и порабощенные ими народы радовались, и больше всего радовались іудеи. Набонедъ, послѣдній вавилонскій

Крылатый геній, стражъ воротъ.

царь вышелъ съ войскомъ навстрѣчу Гобрію; но іудейскіе сторонники Кира только усмѣхались про себя: они были увѣрены, что Набонеду не устоять передъ персами. Ихъ увѣренность оправдалась; Набонедъ былъ разбитъ, попалъ въ плѣнъ и въ оковахъ былъ отправленъ къ Киру. Вавилонъ остался безъ царя и безъ войска; всѣ молитвы и жертвы богамъ оказались напрасны. Теперь уже вся-

кая попытка защиты была безполезна, и когда войско Гобрія показалось подъ стѣнами великаго города, жители его не рѣшились запереться и подвергнуться осадѣ. Правда, Вавилонъ былъ окруженъ толстыми крѣпостными стѣнами, настолько толстыми, что на верхней поверхности стѣны были устроены цѣлые домики, гдѣ жили караульные солдаты; такія стѣны нелегко было проломать, чтобы проникнуть въ городъ. Но бѣда была въ томъ, что въ Вавилонѣ осталось слишкомъ мало войска для защиты этихъ стѣнъ, а немногочисленные солдаты не могли бы воспрепятствовать приступу и взятію города. И вавилоняне рѣшили лучше прямо изъявить покорность побѣдителю, чѣмъ раздражать его безполезной попыткой сопротивленія. Боялись, что если будутъ сопротивляться, то послѣ взятія города штурмомъ или осадой побѣдители произведутъ въ городѣ бойню и предадутъ его огню; покорностью же можно умилостивить грознаго врага. И великій городъ отворилъ Гобрію ворота. Персидскій полководецъ вступилъ въ Вавилонъ, при привѣтствіяхъ тѣхъ же самыхъ жрецовъ и городскихъ старѣйшинъ, которые такъ недавно растревожили изъ-за него всѣхъ боговъ.

Но опасенія оказались напрасны. Вскорѣ въ Вавилонъ пріѣхалъ Киръ и объявилъ, что великій городъ будетъ его столицей, и боги Вавилона — его богами. Всѣ страхи вавилонянъ кончились; но исполнились ли надежды іудеевъ? Іудейскіе колонисты, такъ старательно при каждомъ удобномъ случаѣ выказывавшіе свою преданность персамъ, были теперь въ величайшей тревогѣ: отплатитъ Киръ имъ за ихъ поддержку и славословіе, которымъ ему льстили тогдашніе пророки, или нѣтъ? Киру было выгодно возвратить на прежнія мѣста из-

Киръ въ образѣ крылатаго генія (въ Пасаргадахъ).

гнанниковъ изъ всѣхъ тѣхъ народовъ, которыхъ переселяли ассирійскіе и вавилонскіе цари. Держава его была еще молодая; искренности вавилонянъ онъ не осо-

бенно вѣрилъ, и поэтому ему было очень важно расположить въ свою пользу всѣ народы и народцы, пострадавшіе отъ ассирійской и вавилонской державы: онъ смѣло могъ бы расчитывать на ихъ помощь, если бы вавилоняне рѣшили свергнуть его власть. Поэтому скоро послѣ завоеванія Вавилона онъ сталъ давать разрѣшенія переселенцамъ изъ разныхъ странъ вернуться на старыя мѣста. Вышелъ такой указъ и для іудеевъ. Впослѣдствіи, черезъ 100—150 лѣтъ, когда благочестивые іудеи составляли исторію возвращенія и обновленія Іерусалима и храма, они приписывали этотъ указъ Кира внушенію Ягве. «Во исполненіе слова Ягве, возвѣщеннаго Іереміей, возбудилъ Ягве духъ Кира, царя персидскаго, и онъ повелѣлъ объявить по всему царству своему устно и письменно: такъ говоритъ Киръ, царь персидскій: всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, богъ небесный, и онъ повелѣлъ мнѣ поставить домъ ему въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ, изъ всего народа его, то Ягве, богъ его, съ нимъ, и пусть онъ идетъ туда». Указомъ воспользовались не всѣ. Имъ воспользовались прежде всего жрецы и левиты; они выхлопотали у Кира позволеніе взять хотя бы часть тѣхъ священныхъ предметовъ, которые были увезены Навуходоносоромъ изъ іерусалимскаго храма, и взяли въ свои руки все руководство переселеніемъ. Кромѣ жрецовъ и левитовъ, назадъ двинулись нѣкоторыя свѣтскія фамиліи, изъ княжескихъ родовъ Іуды и Веніамина. Для возобновленія Іерусалима и храма нужны были средства; они составились изъ пожертвованій возвращавшихся іудеевъ; но кромѣ того, всѣ іудеи разсѣянія, которые не хотѣли бросить свои торговыя дѣла и ѣхать назадъ, въ неизвѣстное будущее, посылали все-таки, съ своей

стороны, также деньги и вещи для переселенцевъ; пожертвованной казны составилось 61.000 драхмъ золота (около 115.000 руб.) и 5.000 минъ серебра (около 265.000 руб.), всего, значитъ, на наши деньги около 380.000 руб. (сумма по тогдашнему масштабу огромная). И вотъ, подъ руководствомъ князя Зерубабеля, изъ фамиліи Давида, жреца Іошуи, изъ рода іерусалимскаго жреца Садока, и царскаго уполномоченнаго Шешбассара, двинулись въ далекій путь переселенцы. Они отправлялись партіями; караваны на верблюдахъ, лошадяхъ, ослахъ и мулахъ потянулись одинъ за другимъ въ Палестину. Всего пошло назадъ, по счету библіи, 42.360 человѣкъ свободныхъ; но такъ какъ все это были люди родовитые и состоятельные, то они взяли съ собою и своихъ рабовъ, которыхъ насчитывалось 7.337 человѣкъ. Люди ѣхали на коняхъ и верблюдахъ; ослы и лошаки везли домашній скарбъ и съѣстные припасы. Это было настоящее переселеніе народовъ. Переселенцы шли съ пѣснями въ честь Ягве, которыя мы еще теперь можемъ прочитать въ книгѣ псалмовъ (пс. 98 и 99). «Воспойте Ягве новую пѣснь», пѣлось въ одномъ псалмѣ: «ибо онъ сотворилъ чудеса... Ягве возвѣстилъ свое спасеніе, предъ очами народовъ раскрылъ свою справедливость; онъ вспомнилъ о милости своей Іакову и свою вѣрность дому Израиля; всѣ концы земли видѣли спасеніе Ягве, нашего бога. Восхвалите Ягве, всѣ страны, ликуйте и пойте ему гимны! Пусть море шумитъ и все, чѣмъ оно полно; пусть земля, рѣки и горы ему вторятъ!» Въ другомъ псалмѣ пѣлось, что Ягве сталъ царемъ во всей землѣ; пусть дрожатъ предъ нимъ всѣ народы и трепещетъ земля. «Славьте Ягве, нашего бога, и падите ницъ передъ скамейкой, на которой покоятся его ноги, ибо онъ

святъ!» Рѣки вавилонскія съ каждымъ шагомъ оставались все дальше и дальше позади, и съ каждымъ шагомъ все ближе и ближе становился незабвенный Сіонъ, на которомъ возсѣдалъ великій Ягве, возвеличившійся предъ всѣми народами.

XIII.

Езра и Неемія.

Розовыя мечты переселенцевъ разлетѣлись, какъ дымъ, когда путешественники достигли цѣли. За пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ въ изгнаніи, многое измѣнилось въ родной странѣ. Навстрѣчу переселенцамъ попадались незнакомыя лица, говорившія на незнакомомъ языкѣ. Тамъ, гдѣ когда-то красовалась Самарія, столица Ефрема, уже исчезли давно настоящіе ефремляне; на ихъ мѣстѣ жилъ смѣшанный народецъ, образовавшійся изъ смѣшенія остатковъ ефремлянъ съ переселенцами изъ Ассиріи. А въ прежней области Іуды было еще хуже. Остатокъ іудеевъ-землепашцевъ, уцѣлѣвшій послѣ погрома, скучился около развалинъ Іерусалима; но пришельцы плохо могли понять языкъ своихъ братьевъ и замѣтили, что и они такъ же, подобно самарянамъ, уже перестали быть чистыми іудеями: у одного жена была изъ сыновъ Эдома, занявшаго теперь весь югъ Іудеи, ту горную страну, гдѣ когда-то гремѣла слава Давида, у другого жена была изъ сыновъ Аммона, успѣвшихъ за это время перебраться черезъ Іорданъ и поселившихся въ восточной части Іудеи, вокругъ развалинъ стараго Іерихона. И языкъ, на которомъ говорили встрѣчавшіеся переселенцамъ ихъ собратья, уже мало былъ похожъ на

Развалины Іерихона. Съ фотографіи.

старинный языкъ Израиля, языкъ пророковъ и поэтовъ золотого вѣка израильской жизни и литературы. Простой народъ говорилъ на смѣшанномъ нарѣчіи: рядомъ съ еврейскимъ словомъ онъ вставлялъ арабское, а то и арамейское. А всѣ, кто былъ побогаче и образованнѣе, говорили на арамейскомъ нарѣчіи, проникшемъ сюда изъ Дамаска; правда, нарѣчіе это было похоже на еврейскій языкъ, но переселенцамъ больно было слышать, что на ихъ родинѣ исчезъ родной языкъ въ то время, какъ на чужбинѣ они такъ бережно хранили его.

Новыя лица, новыя рѣчи, только не совсѣмъ еще забыли здѣсь о старомъ богѣ. Ягве помнили и совершали ему жертвы по старому обычаю, хотя не пренебрегали и другими богами. Но все-таки для жрецовъ и это было утѣшеніемъ. И когда среди развалинъ храма расчистили отъ обломковъ, мусора и травы старый священный камень и воздвигли на немъ временный жертвенникъ, на первое жертвоприношеніе собралось много народа. Но жрецамъ ясно было, что много придется положить еще трудовъ и терпѣнія, чтобы основать такую церковную общину, о которой они мечтали со временъ Іезекіиля, такую общину, въ которой они были бы полновластными господами и жили бы, не вѣдая тревогъ и заботы о завтрашнемъ днѣ.

Жреческія фамиліи поселились въ Іерусалимѣ, построивъ себѣ тамъ заново дома; переселенцы изъ свѣтскихъ фамилій разселились въ разныхъ мѣстахъ прежней Іудеи, преимущественно къ сѣверу отъ Іерусалима. Земли было свободной много, потому что послѣ погрома Навуходоносора страна очень запустѣла, и населеніе еще не успѣло размножиться до такой же численности, какая была въ старину. Переселенцы захватили себѣ

большія земли и стали держать себя господами по отношенію къ остатку Іуды; они говорили, что общину Ягве составляютъ только изгнанники, gola, а кто не можетъ доказать, что онъ происходитъ отъ изгнанниковъ, того не записывали въ списки новой общины; когда мѣстные жители предложили свою помощь въ работахъ по построенію храма, Зерубабель съ высокомѣріемъ отвергъ это предложеніе: «мы одни будемъ строить домъ Ягве, богу Израиля». Но это не мѣшало вернувшимся изгнанникамъ родниться съ такими же, какъ и они, знатными и чиновными людьми, жившими въ Самаріи и отчасти въ Іудеѣ.

Жрецамъ это не нравилось; не нравилось имъ еще болѣе и то, что свѣтская часть переселенцевъ разселившись въ разныхъ мѣстахъ Іудеи, не очень спѣшила сооружать храмъ. Несмотря на то, что царь персидскій приказалъ сатрапамъ зарѣчной области, какъ тогда называли всю страну за Тигромъ и Евфратомъ, выдавать на постройку храма жрецамъ средства и матеріалы изъ царскихъ доходовъ и имѣній, работы шли очень медленно и одно время даже совсѣмъ пріостановились. Причиной этого была засуха, продолжавшаяся подъ рядъ нѣсколько лѣтъ; засуха принесла съ собой неурожаи, и это бѣдствіе совсѣмъ охладило порывы къ построенію храма. Такое промедленіе было крайне непріятно жрецамъ. Безъ храма имъ трудно было бороться за религію единаго Ягве, трудно было и жить, такъ какъ они привыкли жить на жертвенныя приношенія. Не было храма, мало было и жертвъ, мало было и доходовъ. Заодно съ жрецами былъ Зерубабель. Онъ мечталъ о возстановленіи трона своихъ предковъ и надѣялся на поддержку жрецовъ Ягве. И вотъ Зерубабель и верховный жрецъ

Іошуа сговорились вести вмѣстѣ агитацію въ пользу скорѣйшаго построенія храма. Чтобы подѣйствовать на народъ, они выставили двухъ пророковъ, Аггея и Захарію, которые стали говорить увѣщательныя рѣчи. Аггей говорилъ: «вы говорите: не пришло еще время строить домъ Ягве! А вамъ самимъ ужъ пришло время жить въ разукрашенныхъ домахъ, тогда какъ мой домъ въ запустѣніи? Вотъ вы сѣете много, а собираете мало, ѣдите, а не насыщаетесь, пьете, но не напиваетесь, ожидаете много, а выходитъ мало, и что приносите домой, и то я развѣю. За что сіе? За то, говоритъ Ягве воинствъ, что домъ мой въ запустѣніи, а вы бѣжите каждый къ своему дому. Обратите сердце ваше, взойдите на святую гору, носите дерева и стройте храмъ». Аггей говорилъ попросту и безъ затѣй; Захарія былъ не таковъ. Онъ былъ очень ученый для того времени человѣкъ, зналъ хорошо вавилонскую мудрость и пользовался ею, чтобы произвести больше впечатлѣнія. Онъ разсказывалъ, что Ягве посылалъ ему необычай-
7 ныя знаменія, такія мудреныя, что самъ онъ не могъ понять ихъ смысла; и тогда Ягве прислалъ ему своего ангела, чтобы растолковать эти знаменія. Когда Зерубабель и Іошуа положили, наконецъ, основаніе храму, и начались правильныя работы, Захарія и увидалъ свои видѣнія. Видѣлъ Захарія четырехъ всадниковъ—колесница одного на вороныхъ коняхъ, другого—на бѣлыхъ, третьяго—на рыжихъ, четвертаго—на пѣгихъ; эти всадники оказались четырьмя духами вѣтра, которыхъ Ягве посылаетъ обходить землю; они обходятъ ее кругомъ и доносятъ Ягве, что видѣли. И было ихъ донесеніе, что вся земля населена и спокойна, но Іерусалимъ и города Іуды все еще въ запустѣніи и нищетѣ. Тогда Ягве ска-

залъ: «въ Іерусалимѣ соорудится домъ мнѣ, и тогда я вэрну мое милосердіе ему; посѣвы и виноградная лоза дадутъ плодъ свой, земля дастъ произведенія свои, и небеса будутъ давать росу свою; переполнятся города Іуды добромъ, утѣшитъ Ягве Сіонъ и снова уберетъ Іерусалимъ, окружитъ его каменной стѣною и соберетъ въ него всѣхъ разсѣянныхъ по четыремъ вѣтрамъ сыновъ Іуды». Въ другомъ видѣніи Захарія видѣлъ самого верховнаго жреца Іошую. Іошуа стоялъ передъ трономъ Ягве въ старыхъ грязныхъ одеждахъ, утѣсненный своими врагами; Ягве приказалъ сатанѣ, вождю враговъ Іошуи, перестать противиться божьему дѣлу и велѣлъ ангеламъ снять съ Іошуи грязную одежду и надѣть на него праздничное платье, а на голову чистую повязку. Когда ангелы исполнили это, ангелъ Ягве передалъ Іошуѣ такое обѣщаніе Ягве: «если ты будешь соблюдать постановленія мои и ходить по путямъ моимъ, то будешь ты управлять домомъ моимъ и надзирать за дворами моими. И слушай, первосвященникъ Іошуа! ты и твои товарищи, засѣдающіе предъ тобой, будете порукою знаменія моего: передъ Зерубабелемъ кладу я камень—семь очей на немъ—и пишу слово свое и заглажу всѣ грѣхи земли сей въ о н ы й день (когда будетъ освященъ храмъ)». Слѣдующее видѣніе было о Зерубабелѣ. Семь золотыхъ свѣтильниковъ посреди двухъ маслинъ показалъ ангелъ Ягве Захаріи и растолковалъ, что это значитъ: семь свѣтильниковъ—это семь очей Ягве, которыми онъ обозрѣваетъ всю землю, а двѣ маслины—два помазанника, которые стоятъ передъ господомъ всей земли; одинъ Іошуа, другой Зерубабель. И было къ Захаріи такое слово о Зерубабелѣ: руки Зерубабеля положили основаніе дому Ягве, онѣ же и

окончать его; и ко времени тому должна быть приготовлена въ Вавилонѣ корона для Зерубабеля. И когда построится храмъ Ягве, сядетъ Зерубабель на тронъ свой и будетъ царствовать, и Іошуа первосвященникъ будетъ стоять по правую руку его, и будетъ между ними миръ и согласіе. И будетъ царство Зерубабеля, какъ царствіе Мессіи: исчезнетъ ложь и неправда, и станетъ Іерусалимъ и Іуда центромъ всего міра, будутъ приходить многіе великіе и сильные народы, чтобы найти Ягве воинствъ въ Іерусалимѣ и помолиться ему; «и будетъ въ дни тѣ, ухватятся десять мужей изъ всѣхъ языковъ и народовъ за полу іудея и скажутъ: мы хотимъ итти съ вами, ибо слышали мы, что съ вами богъ». Вслѣдъ за Захаріей то же самое обѣщалъ Аггей: потрясетъ Ягве небо и землю, опрокинетъ троны и разрушитъ мощь языческихъ царствъ, возьметъ Зерубабеля и сдѣлаетъ его своимъ намѣстникомъ на землѣ, а въ храмъ соберетъ всѣ драгоцѣнности міра, и будетъ слава второго храма больше, чѣмъ перваго.

Такъ подготовляли эти пророки почву для воцаренія Зерубабеля; но хотя построеніе храма стало двигаться впередъ быстрѣе, надеждамъ и мечтамъ Зерубабеля не суждено было сбыться. Строили не одинъ храмъ; вокругъ него стали возводить еще крѣпостную стѣну. Это замѣтилъ персидскій областной начальникъ и послалъ царю донесеніе, а работы временно пріостановилъ вооруженной рукою. Тогда начались новыя хлопоты у царя Дарія; разыскали указъ Кира, дозволявшій постройку храма, и Дарій разрѣшилъ докончить храмъ, но Зерубабелю ужъ пришлось отказаться отъ попытки возстановить царство Давида. Ликовалъ одинъ Іошуа и его товарищи. Въ 516 году второй храмъ былъ оконченъ

и торжественно освященъ; жрецы составили для освященія храма торжественный гимнъ, изображавшій торжественное вступленіе Ягве въ свое обновленное жилище: «Раздайтесь ввысь, вѣчныя ворота, чтобы могъ войти царь славы! Но кто царь славы? Это Ягве воинствъ, могучій герой, онъ царь славы!» При пѣніи гимновъ, при звукахъ трубъ, кимваловъ и тимпановъ, принесли обильныя жертвы: сто воловъ, двѣсти барановъ, четыреста ягнятъ, и двѣнадцать козловъ въ жертву за грѣхи, по числу колѣнъ израилевыхъ; послѣ освященія храма жрецы были раздѣлены по отдѣленіямъ и установлена очередь ихъ, какъ было предписано въ законѣ.

Съ трубами. Съ кимваломъ. Съ тимпаномъ.
Музыканты (съ ассирійскаго рельефа).

Но старики, видѣвшіе прежній храмъ, качали головой: новый храмъ былъ, въ сравненіи съ прежнимъ, бѣднымъ и неуютнымъ, а на мѣстѣ ковчега, въ задней таинственной части храма, теперь было пусто. Ждали чудеснаго явленія ковчега, но оно, конечно, не произошло. Жрецы стали объяснять это отсутствіе ковчега тѣмъ, что Ягве сталъ теперь недосягаемо великъ для своего

грѣшнаго народа. Не только народъ, но даже и пророки недостойны видѣть Ягве; Захарія проникъ во всѣ тайны неба, а Ягве не видалъ, и бесѣдовалъ только съ ангеломъ Ягве. Отъ этого Ягве и не посылаетъ ковчега, не видятъ его больше люди. Только первосвященникъ одинъ разъ въ годъ можетъ входить въ то мѣсто, гдѣ долженъ стоять ковчегъ; ковчегъ появится тамъ только передъ днемъ послѣдняго суда, и когда первосвященникъ его увидитъ, значитъ, грѣхи народа заглажены. И имя Ягве, говорили жрецы, теперь неизреченно: грѣшныя уста не могутъ произносить его. И потому съ той поры при чтеніи вездѣ слово «Ягве» стали замѣнять словомъ Адонаи,—господь.

По своему устройству храмъ былъ похожъ на старый храмъ. Передъ храмомъ былъ устроенъ, какъ и прежде, большой дворъ, на которомъ стоялъ жертвенникъ для всесожженій; на этотъ дворъ допускали всѣхъ приходящихъ въ храмъ молиться и приносить жертвы. Далѣе, въ самомъ храмѣ было такъ же, какъ и прежде, двѣ половины: первая половина, которую стали называть святилищемъ, была закрыта для простыхъ смертныхъ, туда могли входить только жрецы и левиты. Тутъ были почти всѣ тѣ же предметы, что и въ храмѣ Соломона, но всѣ они были меньше и грубѣе. Не было совсѣмъ мѣдныхъ столбовъ, съ таинственными надписями, которыми финикійскіе мастера украсили соломоновъ храмъ; вмѣсто десяти свѣтильниковъ, былъ одинъ, съ семью лампадами, по числу очей Ягве, которыми онъ обозрѣваетъ міръ; какъ и Захарія, такъ и жрецы, руководившіе постройкой храма, разумѣли подъ этими очами семь великихъ небесныхъ свѣтилъ. Мѣдное море было замѣнено небольшою умывальною чашей. Только

столъ съ хлѣбами предложенія былъ такой же, какъ и прежде. За святилищемъ было святое-святыхъ, такъ теперь стали называть прежній дебиръ, въ которомъ, увы, было теперь совершенно пусто.

Храмъ былъ бѣднѣе и угрюмѣе, за то порядки въ немъ были строже. Соломоновъ храмъ былъ царскимъ святилищемъ, хозяиномъ въ немъ былъ царь, и жрецы были его послушными слугами; царь назначалъ ихъ и смѣнялъ, царь опредѣлялъ, кому изъ нихъ быть верховнымъ жрецомъ. Царь постоянно бывалъ въ храмѣ, во всѣхъ его помѣщеніяхъ; за нимъ всегда слѣдовала его пышная свита; во время праздниковъ храмъ наполнялся тысячами народа. Въ храмъ допускались и мужчины и женщины; есть нѣкоторые намеки на то, что даже были при храмѣ жрицы; всякій, кто желалъ получить непосредственное откровеніе отъ Ягве, могъ ночевать въ храмѣ и сонъ свой считалъ оракуломъ божества. Не то было теперь. Хозяевами были жрецы, потомки жрецовъ прежняго храма; они считали себя единымъ родомъ и вели свою родословную отъ Садока, перваго верховнаго жреца въ іерусалимскомъ храмѣ. Главнымъ изъ нихъ былъ первосвященникъ Іошуа; послѣ видѣнія Захаріи, онъ сталъ считать себя поставленнымъ въ первосвященники рукою самого господа, и послѣ него его достоинство и должность стали переходить по наслѣдству къ его сыновьямъ и потомкамъ. Другія жреческія фамиліи, уцѣлѣвшія во время плѣна, были допущены тоже къ службѣ въ храмѣ, но онѣ должны были подчиняться во всемъ жрецамъ, потомкамъ Садока, и должны были отдавать имъ десятую часть своихъ доходовъ. Ихъ стали звать теперь стариннымъ именемъ левитовъ, какъ звали до плѣна жрецовъ высотъ и дру-

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

гихъ провинціальныхъ святилищъ. Жрецы и левиты составили теперь особое духовное сословіе, отдѣляли себя отъ мірянъ. Они говорили, что имъ, какъ служителямъ бога и молитвенникамъ за весь народъ, долженъ принадлежать особый почетъ, и на содержаніе ихъ и храма народъ долженъ платить десятую часть своихъ доходовъ. Клиръ сталъ теперь ревниво оберегать храмъ отъ всякаго свѣтскаго вмѣшательства; чѣмъ строже будетъ запрещенъ входъ въ храмъ, тѣмъ больше уваженія и страха будетъ передъ храмомъ и передъ Ягве. И послѣ построенія новаго храма жрецы заняли совсѣмъ особое положеніе въ Іерусалимѣ и въ Іудеѣ.

Но дѣла не сразу пошли такъ, какъ хотѣлось бы жрецамъ. Имъ неохотно повиновались свѣтскіе люди, и бѣдные, и знатные. Несмотря на предсказанія Аггея и Захаріи, нужда не прекратилась. По прежнему часто бывалъ голодъ, да кромѣ того, съ каждымъ годомъ становились все тяжелѣе царскіе поборы. Бѣднотѣ поневолѣ приходилось, какъ и въ старину, обращаться за помощью къ богатымъ людямъ, занимать у нихъ и закладывать имъ свои поля и виноградники, чтобы не умереть съ голода и не быть разоренными сборщиками царскихъ податей. Заплатить было нечѣмъ, и приходилось за долги итти въ кабалу, становиться рабами своихъ заимодавцевъ. Народъ ропталъ: «у насъ такія же тѣла, какъ и у братьевъ нашихъ, и наши сыновья, какъ ихъ сыновья, а вотъ мы должны отдавать сыновей нашихъ и дочерей нашихъ въ рабы, ибо нѣтъ никакихъ средствъ для выкупа въ рукахъ нашихъ; и поля наши и виноградники у другихъ». А когда жрецы напоминали имъ о Ягве, совѣтовали исполнять его законъ и молиться ему, порабощенные крестьяне прямо говорили: «какая польза

соблюдать постановленія Ягве, когда дѣлающіе беззаконія прекрасно устраиваютъ дѣла свои, и хотя искушаютъ бога, но остаются цѣлы». И жрецы ничего на это не могли отвѣтить, потому что богатые и сильные люди дѣйствительно не соблюдали закона и плохо помнили о Ягве. Былъ старинный законъ, который былъ установленъ еще во времена Іереміи, чтобы отпускали на волю на седьмой годъ неисправныхъ должниковъ; но богатые и сильные не соблюдали его, говоря: гдѣ онъ, этотъ законъ? теперь законы царскіе, и старые законы утратили силу. Когда жрецы требовали десятину, люди знатные неохотно давали ее или совсѣмъ не давали; жрецы говорили имъ, что они обкрадываютъ этимъ Ягве и грозили имъ проклятіями, пугали, что попалитъ ихъ Ягве, какъ солому, и не оставитъ имъ ни корня, ни вѣтвей. Но эти угрозы плохо дѣйствовали. Землевладѣльцы дружили и роднились съ чужими и иновѣрными своими сосѣдями, съ аммонитскими, эдомитскими и арамейскими князьками; эти родственныя связи были непріятны жрецамъ, такъ какъ породнившіеся съ иновѣрцами уже совсѣмъ забывали храмъ, или молились также богамъ своихъ женъ. И жрецамъ приходилось опять думать, какъ быть, чтобы заставить іудеевъ подчиняться закону Ягве.

Прежде всего жрецы сообразили, что, дѣйствительно, нѣтъ сейчасъ такого писаннаго закона, который обязаны были бы соблюдать всѣ сыны Іуды. Правда, у жрецовъ была книга закона Іосіи, были другія книги, въ которыхъ во время плѣна были записаны многіе богослужебные законы. Но всѣ эти законы безъ царскаго указа не имѣли никакой силы: была добрая воля народа слушаться или не слушаться жрецовъ, преступленія

въ непослушаніи никакого не было. Да кромѣ того, всѣ законы были разбросаны по разнымъ книгамъ, не были приведены въ порядокъ, не были всѣмъ извѣстны. Іерусалимскіе жрецы чувствовали, что надо привлечь на свою сторону царя, чтобы онъ помогъ имъ, чтобы онъ утвердилъ своей властью тотъ законъ, который жрецы составятъ и рѣшатъ ввести. Затѣмъ они стали соображать, какой это долженъ быть законъ. Имъ хотѣлось, чтобы законъ этотъ не только опредѣлялъ порядокъ богослуженія, ученіе вѣры и обязательныя приношенія въ пользу жрецовъ; имъ хотѣлось, чтобы законъ этотъ всю власть отдавалъ имъ въ руки, чтобы они судили и правили всей Іудеей. Они разсуждали такъ: земного царя надъ Іудой нѣтъ, у Іуды остался только небесный царь Ягве; а мы, жрецы, такъ сказать, управители этого небеснаго царя, потому что самъ Ягве поставилъ верховнымъ жрецомъ Іошую. Имъ хотѣлось, чтобы будущій законъ обладалъ такою же святостью и стариною, какъ книга завѣта или книга закона Іосіи, про которыя разсказывали, что онѣ были даны самимъ Ягве черезъ Моисея въ дни странствованія по пустынѣ. Дѣло было, значитъ, нелегкое, такой законъ составить могъ не всякій. Среди іерусалимскихъ жрецовъ, занятыхъ практическимъ дѣломъ, завѣдываніемъ храмомъ и богослуженіемъ, было мало ученыхъ людей. Ученые люди изъ іудеевъ жили въ разсѣяніи, въ Вавилонѣ, въ Египтѣ, тамъ, гдѣ были большія книгохранилища, гдѣ можно было съ удобствомъ заниматься учеными трудами.

Въ Вавилонѣ въ это время жилъ какъ разъ такой человѣкъ, какой нуженъ былъ іерусалимскимъ жрецамъ. Это былъ Езра, тоже изъ жреческой фамиліи Садока; почему онъ остался въ Вавилонѣ во-время возвращенія

іудеевъ изъ плѣна, мы не знаемъ; вѣроятно, онъ занималъ какую-нибудь важную должность на службѣ у персидскаго царя, какъ его другъ и сотрудникъ Неемія. Езра былъ соферъ, книжникъ, т.-е. человѣкъ, знающій книги, ученый; онъ хорошо зналъ всѣ законы Израиля. Езра, съ помощью жрецовъ и другихъ книжниковъ, и составилъ книгу закона Моисеева, Тору, какъ называютъ ее евреи, т.-е. теперешнія первыя пять книгъ библіи, Пятикнижіе Моисеево. Составилъ эту книгу онъ изъ прежнихъ законовъ, существовавшихъ въ Израилѣ, и изъ тѣхъ записей, какія были сдѣланы въ плѣну, конечно, со многими измѣненіями, пропусками и добавленіями; воспользовался онъ и книгами о происхожденіи міра и Израиля, чтобы разсказать, какъ и когда были даны всѣ законы. Затѣмъ Езра выхлопоталъ у царя Артаксеркса позволеніе отправиться въ Іудею со всѣми жрецами, левитами и простыми людьми, какіе пожелаютъ итти вмѣстѣ съ нимъ, и выхлопоталъ еще такой указъ: Езра посылается отъ царя и его совѣта семи въ качествѣ царскаго уполномоченнаго, чтобы произвести ревизію Іудеи на основаніи закона бога его и чтобы поставить судей и начальниковъ въ Іудеѣ, знающихъ законъ бога іудеевъ; всякій, кто не будетъ слѣдовать закону бога Езры и царскому закону, подлежитъ суду и наказанію смертью или изгнаніемъ, или штрафомъ, или тюрьмою; а персидскіе областные начальники должны немедленно давать все, что потребуетъ Езра, и оказывать ему всякую поддержку, и не должны отнынѣ требовать царскихъ податей съ жрецовъ, левитовъ и прочаго персонала,

служащаго въ іерусалимскомъ храмѣ. Кромѣ того, царь далъ отъ себя пожертвованія для украшенія храма и приведенія его въ болѣе благолѣпный и красивый видъ.

Съ этимъ указомъ Езра, взявъ съ собою книгу закона Моисеева, отправился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи новой партіи переселенцевъ, состоявшихъ почти исключительно изъ жрецовъ и левитовъ. Прибывъ въ Іудею, Езра передалъ царскимъ сатрапамъ царскій указъ и приступилъ къ введенію новаго закона. Это было въ 458 году.

Прежде всего Езра сталъ требовать полнаго отдѣленія всѣхъ іудеевъ отъ иноплеменниковъ. Узнавъ, что до сихъ поръ свободно заключались смѣшанные браки, онъ потребовалъ, чтобы эти преступленія противъ закона были немедленно прекращены. Члены общины были собраны на всенародное собраніе, никто не могъ отсутствовать подъ страхомъ отлученія отъ общины сыновъ Израиля. Когда всѣ собрались, Езра всталъ и сказалъ: «вы совершили преступленіе, взявши себѣ женъ иноплеменныхъ, и увеличили грѣхъ Израиля; покайтеся передъ Ягве, богомъ вашимъ, исполните волю его и отдѣлитесь отъ народовъ земли и иноплеменныхъ женъ». Собравшіеся должны были покориться. Несмотря на осеннее дождливое время, пришлось имъ немало ходить и ѣздить въ Іерусалимъ, пока не кончилось разслѣдованіе, кто женился на иноплеменницахъ. Всѣ эти браки были объявлены расторгнутыми; мужья должны были отпустить своихъ женъ и дѣтей и впредь не имѣть съ ними ничего общаго. А для того, чтобы лучше уберечь сыновъ Іуды отъ соблазна, Езра огородилъ Іерусалимъ высокой стѣною и запретилъ туда доступъ

иностранцамъ; стѣну теперь построили и на югѣ, вдоль долины Гинномъ, гдѣ до плѣна не было сплошной стѣны.

Противъ строгостей Езры сразу начались волненія. Вѣдь не такъ-то легко было многимъ разстаться съ женами и дѣтьми, разрушить свое семейное счастье; многіе предпочитали гнѣвъ Езры и царскій гнѣвъ такой жестокости. А иноплеменники тоже были возмущены. Не только было жаль имъ своихъ дочерей, пострадавшихъ отъ закона Езры; запрещеніе входа въ Іерусалимъ было для нихъ разорительно, потому что многіе имѣли тамъ торговыя дѣла. И Езра скоро увидалъ, что дѣло не такъ просто, какъ онъ думалъ. Въ стѣнѣ продѣлали лазейки, черезъ которыя можно было пробраться въ городъ, минуя стражу, приставленную къ воротамъ. Въ одинъ прекрасный день утромъ и ворота Іерусалима оказались сожженными; кто-то сжегъ ихъ ночью, и виновника не нашли. А многіе мужья отказались разойтись съ женами и дѣтьми; царскіе же сатрапы не сочувствовали Езрѣ и не оказывали ему никакой поддержки. Пришлось второй разъ обращаться къ царю.

У царя былъ виночерпій изъ іудеевъ, Неемія. Обратились къ нему, прося его употребить на пользу дѣла Езры свое вліяніе на царя. Неемія сталъ хлопотать и выхлопоталъ у царя указъ, которымъ Нееміи повелѣвалось построить крѣпостныя стѣны и ворота вокругъ дома Ягве, а самъ Неемія назначался областнымъ начальникомъ Іудеи. Пріѣхавъ въ Іерусалимъ, онъ созвалъ на барщину народъ со всей Іудеи, чтобы возстановить стѣну и ворота; когда многіе отказывались, ссылаясь на то, что они подневольные рабы за свои долги, и не могутъ уйти отъ своихъ господъ, Неемія приказалъ отпу-

стить на волю всѣхъ семилѣтнихъ рабовъ, какъ слѣдовало по закону; наконецъ, онъ произвелъ перепись всѣхъ іудеевъ, чтобы знать, кто долженъ подчиняться жрецамъ іерусалимскаго храма и давать имъ приношенія. Эта дѣятельность Нееміи также вооружила противъ него многихъ знатныхъ іудеевъ и иноплеменниковъ; на него даже послали доносъ царю, будто онъ хочетъ провозгласить себя царемъ. Но Неемія оправдался передъ царемъ и продолжалъ свое дѣло. Теперь уже стало ясно, что ничего не подѣлаешь, и придется покориться. Езра и Неемія больше не встрѣчали препятствій и рѣшили закончить дѣло торжественнымъ обнародованіемъ книги закона и присягой новому закону.

Время для обнародованія закона и присяги было выбрано въ 444 году, передъ осеннимъ праздникомъ Кущей, на который обычно собиралось въ Іерусалимѣ множество народа. Гонцы, разосланные Езрой и Нееміей, собрали народъ заранѣе, за нѣсколько дней до праздника, въ Іерусалимъ для обнародованія закона. Книга закона, привезенная Езрой изъ Вавилона, была большихъ размѣровъ; ее нельзя было опубликовать обычнымъ способомъ, какъ дѣлали въ старину, т.-е. попросту вырѣзать законъ на каменныхъ таблицахъ и выставить на главной площади столицы. Поэтому, устроили особое народное собраніе въ Іерусалимѣ у Водяныхъ воротъ. Народъ собрался на разсвѣтѣ; на площади было устроено возвышеніе, на которое всталъ книжникъ Езра, развернулъ принесенный имъ свитокъ и сталъ читать законъ. Читалъ онъ отъ разсвѣта до полудня, а послѣ окончанія чтенія онъ поднялъ книгу и благословилъ ею народъ; всѣ пали на землю передъ закономъ Ягве и плакали. Послѣ чтенія книги Езрою, было вторичное чтеніе. Левиты разбили народъ на

Долина Гинномъ. Съ фотографіи.

группы и читали народу наиболѣе важные отрывки изъ закона и разъясняли ихъ, чтобы всѣ поняли прочитанное. Послѣ этого былъ справленъ праздникъ Кущей, согласно съ новымъ закономъ, такъ, какъ никогда раньше не праздновали его. Вездѣ понадѣлали шалаши изъ масличныхъ вѣтвей, на кровляхъ домовъ, на дворахъ, на площадяхъ; это было совсѣмъ необычное празднованіе, доставившее великую радость народу. Праздникъ кончился, и созвали новое собраніе для самаго торжественнаго акта: присяги новому закону. Законъ еще разъ былъ прочтенъ отъ начала до конца, а народъ плакалъ и каялся. Послѣ этого Езра произнесъ большую покаянную рѣчь. Онъ вспомнилъ, какъ Ягве избралъ народъ Израилевъ, какъ вывелъ его изъ Египта, какъ далъ обѣтованную землю Ханаанскую, какими побѣдами и славою окружалъ Израиля, требуя только одного, соблюденія своего закона; затѣмъ, рѣчь свою кончилъ такъ: «цари наши, начальники наши, жрецы наши и отцы наши не соблюдали закона твоего, и не хранили заповѣдей твоихъ, и не обратили вниманія на предостереженія, которыя ты дѣлалъ имъ; жили они въ царствѣ своемъ, въ благословенной тобой обширной и плодоносной странѣ, которую далъ ты въ пользованіе имъ, — и не служили тебѣ и не переставали дѣлать злое. И вотъ мы теперь—рабы, и гдѣ?—въ той странѣ, которую ты далъ отцамъ нашимъ, чтобы наслаждаться благословенными плодами ея... Богатыя произведенія ея достаются властителямъ, которыхъ ты поставилъ надъ нами; они распоряжаются, какъ хотятъ, и тѣлами нашими, и скотомъ нашимъ, и мы въ тяжеломъ угнетеніи. И по всему этому мы даемъ твердое обязательство закону и подписываемся, мы, наши начальники, наши левиты, наши жрецы, съ приложеніемъ нашихъ

печатей». Послѣ этой рѣчи обязательство соблюдать законъ было подписано всѣми присутствовавшими начальниками, левитами и жрецами, которые подписались за себя и за весь народъ. Народъ принесъ устную клятву. Онъ клялся, что впредь не будетъ онъ входить въ сношенія съ язычниками, соблазнившими нѣкогда его отцовъ, какъ было сказано въ книгѣ закона; отнынѣ ни одинъ сынъ, ни одна дочь Іуды не породнятся съ ними. Народъ клялся, что онъ будетъ хранить свято покой субботній и праздничный, и что будетъ свято хранить законъ о седьмомъ (субботнемъ) годѣ, когда надлежало отпускать на волю іудейскихъ рабовъ. Народъ клялся приносить аккуратно и неупустительно всѣ указанныя въ законѣ ежедневныя жертвы и всесожженія, жертвы субботнія, новомѣсячныя, праздничныя, благодарственныя, и платить въ храмъ за жертвоприношенія и на содержаніе храма третью часть шекеля съ души ежегодно. Наконецъ, народъ клялся, что отнынѣ онъ будетъ точно исполнять предписанія закона о посвященіи господу начатковъ хлѣба, вина и масла, первенцевъ скота и первенцевъ человѣческихъ, и что онъ аккуратно будетъ платить десятину левитамъ. Оставалось сдѣлать еще одно дѣло. Іерусалимъ до сихъ поръ былъ мало застроенъ и не населенъ; жрецамъ приходилось жить въ пустомъ городѣ, а это было жутко и невыгодно. Езра и Неемія приказали бросить жребій, чтобы одна десятая часть народа переселилась на постоянное жительство въ Іерусалимъ. Такъ и сдѣлали, и въ Іерусалимѣ стало люднѣе; онъ сталъ дѣйствительной столицей Іудеи.

Послѣ праздника Кущей 444 года іудеи стали жить по новому закону, хотя не сразу стали вѣрно соблюдать

его, несмотря на данную клятву. Нееміи пришлось еще долго бороться съ нарушеніями законовъ объ обособленіи отъ иноплеменниковъ, о субботнемъ отдыхѣ, о исправномъ приношеніи повинностей на содержаніе жрецовъ, левитовъ и храма. Но все-таки іудейская община второго храма получила теперь свои основные законы, свою священную конституцію. Прежде іудеи составляли государство, теперь стали церковной общиной. Верховнымъ властителемъ у нихъ былъ персидскій царь, которому они должны были исправно платить дань; но во внутреннихъ дѣлахъ ими управляли жрецы іерусалимскаго храма. Жрецы теперь судили и наказывали народъ именемъ закона Моисеева, даннаго самимъ богомъ; они говорили, что черезъ нихъ правитъ самъ богъ Ягве, и ихъ управленіе, въ сущности, есть управленіе бога, теократія. Посмотримъ теперь, какой же это былъ законъ, и легко ли было жить по этому закону.

XIV.

Законъ и жизнь.

«Законъ Ягве—безъ упрека, онъ освѣжаетъ душу. Свидѣтельство Ягве вѣрно, простыхъ дѣлаетъ мудрыми. Повелѣнія Ягве правильны, радуютъ сердце, приказанія Ягве ясны, просвѣтляютъ взоры. Служеніе Ягве чисто, не прекратится вовѣкъ. Постановленія Ягве — сама истина, всегда справедливы; они соблазнительнѣе, чѣмъ золото, чѣмъ груды самаго чистаго золота, они слаще, чѣмъ самый сладкій сотовый медъ». Такими красками прославляется законъ въ псалмѣ 19, соста-

вленномъ въ честь божества и его закона. Псаломъ воодушевлялъ іудеевъ любить и ревностно соблюдать законъ; а въ книгѣ закона Моисеева разсказывалась чудесная исторія происхожденія этого закона, и читая ее, іудеи должны были убѣждаться въ божественности и истинности закона.

Начало закона, какъ разсказываетъ книга закона, относится къ началу міра; когда началъ существовать міръ, началъ существовать и законъ. Богъ сотворилъ міръ, небо и землю; сначала все было хаосомъ, водяной бездной, потомъ этотъ хаосъ былъ постепенно приведенъ въ порядокъ: небесныя воды были отдѣлены отъ земныхъ, небесная твердь отъ земной суши, потомъ было сотворено сначала все, что на небѣ, солнце, свѣтильникъ дня, луна, свѣтильникъ ночи, и звѣзды; далѣе земля и вода оживились животными и растеніями, ихъ богъ благословилъ и повелѣлъ имъ плодиться и размножаться. Послѣднимъ актомъ творенія было созданіе людей. Богъ сотворилъ сразу мужчину и женщину, благословилъ ихъ и сказалъ: «плодитесь, размножайтесь, населяйте землю и властвуйте надъ нею». Все это было сотворено въ шесть дней; въ седьмой же день богъ обозрѣлъ все созданное имъ и нашелъ, что все хорошо; и затѣмъ успокоился богъ отъ трудовъ своихъ, «и благословилъ богъ седьмой день и освятилъ его, ибо въ сей день успокоился отъ всѣхъ дѣлъ своихъ». Этому божественному примѣру и повелѣнію должны слѣдовать и люди; какъ богъ въ седьмой день пересталъ дѣлать, такъ и люди въ седьмой день не должны ничего дѣлать. Законъ о субботѣ, этотъ важнѣйшій законъ послѣплѣннаго іудейства, былъ, значитъ, по словамъ новой книги закона, установленъ одночременно съ сотвореніемъ міра. Раньше, до плѣна,

тоже праздновали субботній день, но тогда считали его праздникомъ въ честь луны. Каждый мѣсяцъ справлялся праздникъ новолунія, и затѣмъ каждая фаза луны тоже отмѣчалась праздникомъ; первая суббота каждаго мѣсяца была праздникомъ новолунія, а потомъ, черезъ каждые семь дней, справлялись еще три субботы. Эти старинныя субботы были, какъ и всѣ праздники въ старину, днями веселья и радости; обычныя работы на эти дни, конечно, прерывались. Жреческій законъ общины второго храма толкуетъ субботу совсѣмъ по другому. Жрецамъ невозможно было бы совсѣмъ уничтожить этотъ языческій праздникъ; іудеи привыкли къ нему и не отвыкли отъ него и въ Вавилонѣ, такъ какъ у вавилонянъ тоже былъ обычай справлять субботу. Поэтому жрецы дали другое объясненіе субботѣ. Не луна ее установила своими фазами, а само божество дало примѣръ соблюдать ее, сотворивъ міръ въ шесть дней и въ седьмой успокоившись отъ нихъ. И для того, чтобы изгладить всякое сходство между прежней субботой и новой субботой, въ жреческомъ законѣ сдѣланы такія постановленія, которыя превращали субботу не въ день пріятнаго отдыха, а въ день трудныхъ благочестивыхъ упражненій. Въ субботній день нельзя ничего продавать и покупать, нельзя ничего варить и жарить, нельзя даже зажигать огонь; нельзя дѣлать никакихъ повседневныхъ работъ. Все нужно приготовить наканунѣ, а если что-нибудь забудешь и станешь дѣлать это въ субботу, то совершишь тяжкій грѣхъ, который надо искупать особою очистительною жертвою и штрафомъ.

Второй законъ былъ данъ Ною послѣ потопа. Этимъ закономъ богъ торжественно провозгласилъ, что не будетъ больше уничтожать рода человѣческаго и всякую

тварь посредствомъ потопа, и знаменіемъ своего слова поставилъ радугу; за это люди и звѣри должны были соблюдать заповѣдь о запрещеніи убійства: нельзя убивать людей, и нельзя ѣсть съ кровью, потому что въ крови заключается душа и животнаго и человѣка. Это былъ тоже старый законъ; и взглядъ на кровь, какъ на вмѣстилище души, тоже очень старый; такой взглядъ существуетъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ и долго сохраняется. Но и этотъ законъ, подобно закону о субботѣ, теперь былъ объявленъ существующимъ съ самаго начала міра, со времени потопа.

Эти два закона, о субботѣ и о крови, были даны богомъ для всѣхъ людей, не только для евреевъ. Но со времени заключенія третьяго завѣта, съ Авраамомъ, когда богъ избралъ народъ еврейскій своимъ народомъ, евреи должны были ихъ особенно свято соблюдать. Объ этомъ третьемъ законѣ книга закона разсказываетъ такъ: богъ явился Аврааму и сказалъ ему, что онъ сдѣлаетъ Авраама отцомъ множества народовъ и заключаетъ вѣчный завѣтъ съ Авраамомъ и его потомками. Ягве будетъ ихъ богомъ, а они его народомъ, Ягве дастъ имъ въ вѣчное владѣніе землю Ханаанскую, а они въ знакъ завѣта должны обрѣзывать всѣхъ младенцевъ мужского пола восьми дней отъ рожденія; необрѣзанный не можетъ принадлежать къ народу божію. Обычай обрѣзанія былъ тоже старинный обычай; его употребляли въ старину не только израильтяне, но и эдомитяне, египтяне и нѣкоторыя другія племена; но съ теченіемъ времени этотъ обычай сталъ выходить изъ употребленія, и въ V вѣкѣ сохранялся еще только у іудеевъ. Книга закона освящаетъ этотъ обычай и заповѣдуетъ свято хранить его—это знакъ завѣта между богомъ и избран-

нымъ народомъ; не стыдиться нужно этого обычая, а почитать его—ибо въ самую сѣдую старину далъ его самъ богъ.

Всѣ эти три закона или три завѣта были подготовительными; богъ далъ ихъ, когда еще народа божія не было, когда еще были только его родоначальники. Но вотъ, разсказываетъ книга закона, постепенно обѣщанія Ягве стали сбываться. Послѣ долгихъ страданій, послѣ плѣна египетскаго, израильтяне возвращаются въ землю обѣтованную, подъ предводительствомъ самого бога. И вотъ передъ вступленіемъ въ землю Ханаанскую, у горы Синая, Ягве даетъ черезъ Моисея подробные законы, согласно съ которыми должна быть устроена будущая жизнь Израиля. Это четвертый завѣтъ, самый главный; онъ заключенъ со всѣмъ народомъ Израилемъ, и если народъ будетъ соблюдать его, то будетъ вѣчно владѣть землей обѣтованной; если нѣтъ—то потеряетъ ее.

Въ началѣ четвертаго закона повторяются десять заповѣдей и книга завѣта; но потомъ идутъ подробные жреческіе законы. Жрецамъ хотѣлось доказать, что устройство храма и богослуженія, устройство управленія и суда, какое существовало во время введенія книги закона Моисеева, были также установлены самимъ богомъ. И вотъ въ книгѣ закона разсказывается, что Ягве велѣлъ Моисею сдѣлать на время подвижной храмъ, палатку (или скинію, какъ она называется въ русской библіи); эта скинія должна существовать и быть единственнымъ мѣстомъ богослуженія до тѣхъ поръ, пока не будетъ построенъ постоянный храмъ. На построеніе скиніи Моисей долженъ былъ собрать съ народа добровольныя приношенія золотомъ, серебромъ, мѣдью, дорогою шерстью, шерстяными матеріями самыхъ высокихъ сортовъ, кожами,

драгоцѣннымъ деревомъ, драгоцѣнными камнями, масломъ и ароматическими веществами. Благочестивые израильтяне сейчасъ же нанесли золота на двадцать девять талантовъ слишкомъ, т.-е. почти на два милліона рублей; да серебра сто талантовъ, т.-е. почти на милліонъ рублей, и нескончаемое количество другихъ матеріаловъ! Только жрецы, составлявшіе книгу закона, тутъ не сообразили самой простой вещи: гдѣ же въ пустынѣ бѣдному народу, еще недавно еле влачившему существованіе въ цѣпяхъ рабства въ Египтѣ, было набрать столько золота и серебра, когда іудеи, возвращавшіеся изъ вавилонскаго плѣна, богатые люди, могли пожертвовать меньше полмилліона! Собравъ всѣ матеріалы, Моисей сдѣлалъ все такъ, какъ приказалъ ему Ягве. Сдѣлали прежде всего ковчегъ изъ самаго дорогого акаціеваго дерева и обложили его чистымъ золотомъ; на ковчегѣ сдѣлали двухъ керубовъ изъ чистаго золота; кольцо къ ковчегу и весь приборъ къ нему тоже были изъ чистаго золота. Столъ для хлѣбовъ предложенія тоже былъ обложенъ чистымъ золотомъ; всѣ сосуды для стола были также сдѣланы изъ чистаго золота, изъ чистаго же золота былъ свѣтильникъ съ семью лампадами, а курительный жертвенникъ былъ сдѣланъ изъ дерева, но обложенъ тоже чистымъ золотомъ. Самая же скинія была сдѣлана изъ деревянныхъ брусьевъ, акаціеваго дерева; брусья были съ шипами на концахъ, а пазы для шиповъ серебряные; поверху брусья предписано было также обложить чистымъ золотомъ. Эту деревянную скинію покрыли голубыми покрывалами изъ шерсти и кожи; крюки и петли у покрывалъ тоже золотые. Мѣдь была употреблена на шесты, на которыхъ должна была переноситься скинія; шесты деревянные, обложенные мѣдью. Внутреннее

устройство скиніи вполнѣ соотвѣтствовало устройству второго храма: передъ скиніей нужно было сдѣлать дворъ для народа и жертвенникъ для всесожженій, а самая скинія должна была раздѣляться на святилище и святое-святыхъ.

Скинія должна была представлять изъ себя переносный храмъ; кто же долженъ былъ служить въ ней? Первосвященникомъ Ягве избралъ брата Моисея, Аарона, а жрецами его сыновей; кромѣ нихъ, никто не могъ совершать служенія Ягве, и званіе ихъ должно было переходить по наслѣдству. Въ дополненіе къ этому закону впослѣдствіи была составлена даже родословная, по которой выходило, что Садокъ происходитъ по прямой линіи именно отъ Аарона. А переносить скинію, помогать жрецамъ и слѣдить за порядкомъ Ягве назначилъ цѣлое колѣно Левіино. Такого колѣна въ старину не существовало; его имя придумали отъ имени «левитъ»; области, принадлежащей ему, тоже не было, а поэтому въ книгѣ жреческаго закона разсказывается, что Ягве постановилъ не отводить колѣну Левія особой области въ землѣ Ханаанской, но левиты должны жить на ту десятину, какую должны въ ихъ пользу платить всѣ израильтяне. Для Аарона и для сыновей его Ягве велѣлъ сдѣлать особыя жреческія одежды, изъ золота, виссона и красной шерсти; одежды Аарона должны быть украшены драгоцѣнными камнями—рубиномъ, топазомъ, изумрудомъ, карбункуломъ, сапфиромъ, агатомъ, алмазомъ, яхонтомъ, аметистомъ, хризолитомъ, ониксомъ и ясписомъ—двѣнадцать сортовъ камней, по числу колѣнъ Израилевыхъ; на каждомъ камнѣ должно быть вырѣзано имя соотвѣтствующаго колѣна. А для посвященія Авраама и его сыновей въ жреческое достоинство

Моисей. Микель Анджело.

былъ указанъ особый чинъ: жертвоприношенія и другія церемоніи должны были продолжаться цѣлыхъ семь дней, и по этому же чину было предписано вѣчно производить посвященіе потомковъ и преемниковъ Аарона на служеніе Ягве. Первосвященникъ и жрецы должны быть не только священнослужителями; они же должны быть и единственными судьями и начальниками народа.

Такъ изображала книга закона Моисеева основаніе въ пустынѣ священной конституціи, которая должна была соблюдаться вѣчныя времена. Бѣда была только въ томъ, что въ книгахъ Самуила и Царей, уже существовавшихъ тогда и разсказывавшихъ исторію доплѣннаго Израиля, ничего не говорилось о этой конституціи, ибо авторы этихъ книгъ никогда ничего о ней не слыхали. Бѣду поправили вскорѣ послѣ Езры такимъ образомъ: составили три новыхъ книги, въ которыхъ по порядку была разсказана исторія іудейскаго царства со времени Давида, исторія возвращенія изъ плѣна и исторія реформъ Езры и Нееміи—это книги Хроникъ (въ русской библіи Паралипоменонъ), Езры и Нееміи. Въ книгахъ Хроникъ, вездѣ, гдѣ нужно, добавлены недостающіе скинія и первосвященникъ, и вся исторія Іуды представлена такъ, какъ будто священная конституція все время существовала и дѣйствовала, а благочестивые цари были покорными слугами жрецовъ. Въ этихъ же книгахъ была помѣщена также искусственная родословная Садока, возводившая его къ Аарону. Авторъ книги Хроникъ самъ составилъ только эти добавленія, остальное же буквально списывалъ изъ книги Царей. Если бы книги Самуила и Царей не уцѣлѣли до нашего времени, мы такъ бы и не знали дѣйствительной исторіи Израиля.

Законъ Моисеевъ измѣнилъ всѣ прежніе обычаи насчетъ жертвъ и праздниковъ. Мы знаемъ, что въ старину жертвы могъ приносить всякій, на праздникахъ или тогда, когда былъ поводъ для принесенія жертвы: когда нужно было умилостивить разгнѣванное божество, или поблагодарить его за милость, или попросить его объ удачѣ задуманнаго дѣла. На праздникахъ Ягве приносились обязательно въ жертву первинки тѣхъ плодовъ, которые поспѣвали къ соотвѣтствующему празднику. Жертвы тогда были тѣсно связаны съ народной жизнью и хозяйственными нуждами и успѣхами израильтянина. Но жреческій законъ велитъ приносить жертвы совсѣмъ по другому чину. Начатки плодовъ и первенцы скота идутъ уже не въ жертву Ягве; ихъ надо отдавать прямо жрецамъ. Жертвы въ законѣ раздѣлены на два разряда: обыкновенныя жертвы и праздничныя жертвы; всѣ онѣ могутъ приноситься только жрецами и только въ храмѣ, и жрецамъ за принесеніе ихъ надо платить. Обыкновенныя жертвы—все такія, какихъ не знали въ старину. Самая важная жертва—это ежедневное всесожженіе двухъ однолѣтнихъ ягнятъ, по одному утромъ и вечеромъ. Эта жертва называлась *thamid*. Вѣроятно, обычай ежедневно приносить жертву существовалъ и въ храмѣ Соломона; но теперь этой жертвѣ стали придавать особое значеніе: говорили, что если тамидъ прекращается, то все служеніе Ягве прекращается; тамидъ имѣлъ, значитъ, такое же значеніе, какъ у христіанъ литургія. А потомъ, обыкновенными жертвами считались жертвы за грѣхи и за вину. Если іудей нарушилъ въ чемъ-нибудь законъ или совершилъ какое-нибудь преступленіе, онъ сейчасъ же обязанъ былъ явиться къ жрецамъ и принести установленную жертву. Эти жертвы были

безчисленны, такъ какъ приходилось ихъ приносить по самымъ мелкимъ поводамъ. Праздничныя жертвы были установлены въ огромныхъ размѣрахъ. Въ пасхальную недѣлю и въ недѣлю пятидесятницы ежедневно, кромѣ тамида, жрецы должны были приносить двухъ быковъ, одного барана, семь ягнятъ и одного козла, а въ недѣлю Кущей каждый день два барана, четырнадцать ягнятъ, одного козла, и отъ 13 до 7 быковъ; это были обязательныя праздничныя жертвы. Всѣ эти предписанія о жертвахъ были очень тягостны для мірянъ, но міряне покорно исполняли ихъ, ибо жрецы постоянно напоминали имъ, какъ грѣшенъ Израиль передъ Ягве, и какъ много надо жертвъ, чтобы искупить свою вину.

И праздники изъ дней веселья и радости превратились въ жреческомъ законѣ въ дни покаянія и искупленія грѣховъ. Въ старину во Израилѣ праздники, какъ и у насъ, были днями веселья, сопровождались жертвенными пирами, на которыхъ вмѣстѣ съ людьми невидимо пировалъ и Ягве. Теперь праздники измѣнились, число ихъ увеличилось, и они стали скучными и однообразными. Три старыхъ праздника остались и совершались въ тѣ же сроки, но теперь жрецы учили совсѣмъ по другому о томъ, почему ихъ надо праздновать. Пасху надо праздновать въ честь исхода изъ Египта; Пятидесятницу—въ память дарованія закона на Синаѣ; Кущи—въ память сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ. Но самымъ главнымъ праздникомъ сталъ новый праздникъ, великій день очищенія грѣховъ, *jom kippurim*. Онъ справлялся въ десятый день седьмого мѣсяца. Это самый священный день въ году; всѣ іудеи должны поститься, а первосвященникъ долженъ совершать церемонію очищенія народа отъ грѣховъ. Перво-

священникъ долженъ принести въ жертву двухъ козловъ: одного козла принесетъ въ жертву за грѣхи народа, войдетъ (единственный разъ въ году!) въ святое-святыхъ, окропитъ жертвенной кровью ковчегъ и жертвенникъ, а затѣмъ положитъ руки на голову другого козла, исповѣдаетъ всѣ грѣхи народа и пошлетъ козла въ пустыню Азазелю. Тутъ опять передѣланъ и переиначенъ старинный обычай принесенія жертвы бѣсамъ пустыни; жрецы превратили его въ великій день отпущенія грѣховъ. Кромѣ этого поста въ день очищенія, жреческій законъ установилъ еще нѣсколько постовъ. Іудеи должны были постоянно приносить жертвы, поститься и молиться. Раньше они веселились и пировали передъ Ягве, теперь должны были плакать и истязать себя. «Ибо отцы ваши согрѣшили передъ богомъ», говорили жрецы.

Отъ всѣхъ этихъ постановленій больше всего было пользы жрецамъ. Кромѣ десятины, трети шекеля съ души и первинокъ, въ пользу жрецовъ шли всѣ жертвы за грѣхъ и за вину, большая часть всѣхъ приношеній хлѣбомъ, виномъ и масломъ, шкуры, бедро и грудь отъ животныхъ жертвъ. Всѣми этими приношеніями они могли кормиться и жить безбѣдно. Поэтому они такъ дорожили строгимъ соблюденіемъ закона и обѣщали за соблюденіе его всяческія награды и благодѣянія. Въ книгѣ Хроникъ разсказывалось, какъ счастливы были цари, соблюдавшіе законы; въ священныхъ гимнахъ, составленныхъ для употребленія въ храмѣ, говорилось: «благо всякому, кто боится Ягве и ходитъ по его путямъ; ты будешь наслаждаться плодомъ трудовъ твоихъ рукъ, тебѣ будетъ хорошо, и работа твоя будетъ успѣшна. Жена твоя—какъ плодоносная виноградная лоза въ твоемъ домѣ сыновья твои—какъ молодыя

маслины вокругъ стола твоего. Поистинѣ благословенъ человѣкъ, боящійся Ягве. Пусть благословитъ тебя Ягве съ Сіона и пасетъ тебя всѣ дни твоей жизни въ счастливомъ Іерусалимѣ; пусть увидишь ты внуковъ своихъ!» А въ другомъ псалмѣ говорилось: «Ягве охраняетъ благочестивыхъ, отдастъ имъ въ наслѣдіе землю, сохранитъ ихъ владѣнія вовѣки; въ трудное время они не посрамятся, и въ голодную пору будутъ сыты. А беззаконные погибнутъ, какъ пестрый коверъ луговъ, исчезнутъ, какъ дымъ». «Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведнаго оставленнымъ, а его потомство просящимъ хлѣба. Я видѣлъ одного беззаконника, упрямаго и гордаго, какъ кедръ ливанскій,—я прошелъ мимо, взглянулъ—и его уже нѣтъ, исчезъ и не найти его». Жрецы внушали, чтобы всѣ ревностные о законѣ іудеи ежечасно помнили о своихъ обязанностяхъ и великихъ обѣтованіяхъ, а для памяти рекомендовали носить такъ-называемые *tephillin*: это были пергаментные футляры въ которые были вложены отрывки изъ закона, составлявшіе уже извѣстную намъ молитву *sch'ma*. Эти tephillin привязывались къ серединѣ лба и къ лѣвой рукѣ кожаными ремешками, и такіе же футляры вѣшались на косякахъ дверей и воротъ. Три раза въ день каждый іудей долженъ былъ повторять эти увѣщательные отрывки, прибавляя славословіе Ягве. Говорили, что эти трубочки предохраняютъ отъ несчастья, приносятъ богатство и многочадіе; а иные законники, строго соблюдая законъ, твердо вѣрили, что, дѣйствительно, настанетъ то время, когда ухватятся за полу іудеевъ всѣ народы и будутъ умолять сдѣлать и ихъ участниками мессіаническаго царства.

Законъ былъ чисто обрядовый; онъ не похожъ былъ

на тотъ законъ Ягве, о которомъ говорили доплѣнные пророки. Іудей могъ быть самымъ черствымъ, безсердечнымъ человѣкомъ, онъ могъ совершать грѣхи и преступленія; очиститься было нетрудно, стоило только принести установленную жертву. Вся сила въ обрядѣ, не требуется ни милости, ни любви. Но для небогатыхъ людей строгое исполненіе закона было очень разорительно, потому что требовалось очень много отдавать жрецамъ. Богатые люди позволяли себѣ всякія отступленія отъ закона, отплачивая жертвами; богатые люди могли даже совсѣмъ не соблюдать закона, и всегда, благодаря своему вліянію, могли оставаться безнаказанными. А бѣдному человѣку все это было трудно. Въ особенности трудно было исполнять предписанія о субботѣ, о чистой и нечистой пищѣ и объ обособленіи отъ иновѣрцевъ; а разъ какая-нибудь изъ этихъ важныхъ заповѣдей нарушена, то надо приносить жертву, а то бѣда—изгонятъ изъ общины и еще накажутъ: жрецы вѣдь сильны, самъ царь и его сатрапы имъ помогаютъ. И часто бывало такъ, что небогатый человѣкъ изъ силъ выбивался, желая исполнить законъ, соблюдая его до мелочей, и крѣпко надѣялся, что за это онъ получитъ награду—разбогатѣетъ и будетъ благоденствовать—а на дѣлѣ выходило, что онъ совсѣмъ разорялся. Многіе начали роптать и обижаться на жрецовъ; другіе говорили, что жрецы тутъ ни при чемъ, они свое дѣло дѣлаютъ, но Ягве почему-то не хочетъ исполнять своихъ обѣтованій. Начались толки и разговоры; болѣе ученые и образованные люди приняли въ нихъ живое участіе. И въ это время, какъ бы въ отвѣтъ на всѣ жалобы и ропотъ, появилась замѣчательная книга, одна изъ самыхъ лучшихъ во всей библіи — книга Іова, разсказывающая исторію

его страданій, жалобъ и утѣшеній, какія онъ получалъ отъ друзей.

Былъ человѣкъ, разсказываетъ эта книга, по имени Іовъ, былъ человѣкъ онъ справедливый, непорочный и богобоязненный, свято соблюдавшій всѣ законы и удалявшійся отъ грѣха. Былъ онъ богатъ: было у него 7000 головъ мелкаго скота, три тысячи верблюдовъ, пятьдесятъ паръ воловъ, пятьдесятъ ослицъ и много рабовъ; и было у него семь сыновей и три дочери; и славился онъ на всемъ востокѣ. Этотъ-то человѣкъ и былъ постигнутъ ужасными бѣдствіями и испытаніями, ниспосланными Ягве черезъ сатану. Этотъ сатана, одинъ изъ сыновъ божіихъ, спорилъ съ Ягве насчетъ Іова, утверждая, что Іовъ не даромъ богобоязненъ: вѣдь Ягве оградилъ его своею рукою, благословилъ его и труды его; но пусть Ягве отниметъ все это—благословитъ ли Іовъ Ягве? Ягве разрѣшилъ сатанѣ произвести испытаніе надъ Іовомъ: отнять у него все, что онъ имѣетъ, только его самого не касаться. И вотъ въ одинъ день Іова поразили одно за другимъ бѣдствія: враги угнали весь его скотъ и перебили рабовъ, а ураганъ разрушилъ домъ, въ которомъ пировали сыновья Іова, и всѣ они погибли подъ развалинами. Но Іовъ съ честью вышелъ изъ этого испытанія: разодралъ одежду свою, обрилъ голову свою и сказалъ: «нагъ вышелъ я изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь туда; Ягве далъ, Ягве и взялъ, имя Ягве да будетъ прославлено!» Пришелъ опять сатана вмѣстѣ съ другими сынами божіими къ Ягве, и опять возгорѣлся споръ. Ягве сказалъ сатанѣ: «вотъ ты безвинно говорилъ на Іова, возбуждалъ меня противъ него, чтобы погубить его». Но сатана отвѣтилъ: «все отдастъ человѣкъ, только чтобы жизнь свою спасти;

но ты простри руку свою и порази его плоть и кость, навѣрно тогда проклянетъ онъ тебя передъ всѣми». Ягве далъ разрѣшеніе и на это испытаніе, не дозволилъ только отнимать душу (т.-е. жизнь) у Іова. Тогда сатана послалъ на Іова проказу, поразившую его съ головы до ногъ. Пришлось Іову уйти изъ города и сѣсть на кучѣ мусора въ полѣ; черепкомъ соскабливалъ онъ съ себя струпья и горько плакалъ. Пришла жена къ нему и сказала: «ты все еще твердъ въ непорочности твоей? Самъ ты сидишь въ смрадѣ, посреди червей, не имѣя крова надъ головой; погибли съ лица земли сыновья и дочери твои, плодъ чрева моего; а сама я скитаюсь и служу, переходя изъ дома въ домъ, съ мѣста на мѣсто, въ трудахъ и болѣзняхъ. Похули бога и умри». Вслѣдъ за женой пришли къ нему навѣстить его три друга его, Елифазъ, Билдадъ и Софаръ; издали смотрѣли они на него и не узнавали; разглядѣвъ его, увидавъ, въ какомъ ужасномъ положеніи онъ находится, они зарыдали, разодрали одежды свои и посыпали прахомъ головы свои; и семь дней и семь ночей сидѣли они около него, не говоря ни слова, ибо видѣли ужасныя страданія его и не находили словъ утѣшить его. Послѣ этого, наконецъ, раскрылъ Іовъ уста свои и началъ разговоръ съ друзьями своими. Этотъ разговоръ и составляетъ главную часть книги Іова. Іовъ споритъ съ друзьями своими относительно Ягве, который такъ несправедливо обидѣлъ его; друзья возражаютъ ему; Іовъ, въ своихъ рѣчахъ, передаетъ тотъ ропотъ и тѣ протесты, какіе раздавались сто лѣтъ спустя послѣ Езры противъ жрецовъ и закона, друзья защищаютъ законъ. Въ заключеніе является самъ Ягве и даетъ отвѣты на вопросы Іова.

Іовъ жалуется своимъ друзьямъ на свою горькую и незаслуженную участь. Было время, говоритъ онъ, когда милость божія была, какъ шатеръ мой, когда пути мои обливались молокомъ, и камень источалъ для меня ручьи масла, когда при появленіи моемъ на площади юноши, увидѣвши меня, прятались, а старцы вставали и стояли, князья умолкали; былъ я тогда глазами слѣпому и ногами хромому, отцомъ былъ для нищихъ, и тяжбы разбиралъ внимательно, беззаконному сокрушалъ челюсти. Тогда Іовъ надѣялся, что въ гнѣздѣ своемъ кончитъ свои дни, которые будутъ безчисленны, какъ песокъ, а дѣти его будутъ благословенны и счастливы. Теперь же, говоритъ Іовъ, сталъ я посмѣшищемъ для всякаго отребія земного, выгнали меня изъ города, гнушаются мною; и самъ я почернѣлъ, но не отъ солнца, внутренности мои горятъ и кости ноютъ, а жилы не даютъ покоя; дыханіе ослабѣло, дни угасаютъ, и точно гробъ стоитъ предо мною. И подражая Іереміи, Іовъ сталъ проклинать день своего рожденія. «Погибни день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ! День тотъ да будетъ тьмою, да омрачитъ его тѣнь смертная, да обложитъ его туча, да страшатся его, какъ палящаго зноя!» Въ отвѣтъ на эти жалобы друзья Іова, какъ вѣрные и благочестивые іудеи, отвѣчаютъ: если человѣкъ страдаетъ, значитъ, онъ въ чемъ-нибудь согрѣшилъ; значитъ, и Іовъ и его погибшіе сыновья въ чемъ-нибудь грѣшны. Про сыновей уже ничего не узнаешь, они мертвы, не могутъ покаяться; но Іову друзья совѣтуютъ порыться въ своей памяти— вѣрно остался какой-нибудь грѣхъ, какого онъ не замолилъ. Ужъ такъ установлено: благочестивый человѣкъ счастливъ, беззаконникъ страдаетъ. Если беззаконникъ

и живетъ иногда счастливо, то это временно: веселье его мимолетно; хотя бы онъ возвеличивался до небесъ, и голова его касалась до облаковъ, все равно, исчезнетъ онъ, какъ его собственный пометъ; а если и случается, что беззаконникъ умираетъ въ счастьѣ и довольствѣ, то отъ суда не уйдутъ его потомки, и въ концѣ концовъ, все равно, снизу подсохнутъ корни его, а сверху вѣтви его, память его исчезнетъ съ лица земли, и чужіе поселятся въ шатрахъ его.

«Замолчите вы, сплетчики лжи!»—восклицаетъ въ отвѣтъ Іовъ. Все, что говорятъ друзья Іова, это, по мнѣнію Іова, пустыя отговорки и словоизверженія. Нѣтъ жезла божія надъ беззаконниками, а между тѣмъ они прямо говорятъ богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать законовъ твоихъ. У Іова дѣти погибли; у беззаконниковъ на глазахъ не только дѣти, но и внуки; дома Іова разрушены—ихъ домамъ бояться нечего; стада Іова расхищены, ихъ стада благоденствуютъ; Іовъ умираетъ въ нечеловѣческихъ мученіяхъ, они и въ преисподнюю сходятъ мгновенно, спокойно и мирно. «Скажете—богъ бережетъ для дѣтей ихъ несчастья ихъ?»—ядовито спрашиваетъ Іовъ. Но вѣдь человѣку положенъ предѣлъ, котораго онъ не перейдетъ; какъ цвѣтокъ, онъ выходитъ и опадаетъ, умираетъ и распадается и исчезаетъ навѣкъ. Дерево—и то счастливѣе человѣка; если его срубятъ, оно опять оживетъ, пуститъ вновь побѣги и расцвѣтетъ; а человѣкъ ляжетъ и не встанетъ и не пробудится отъ сна своего до скончанія небесъ. За гробомъ всѣ равны: и беззаконникъ и праведникъ одинаково будутъ лежать во прахѣ, и черви будутъ глодать ихъ. Нѣтъ, пусть богъ воздастъ беззаконнику при жизни, пусть его собственные глаза увидятъ несчастье его,

пусть самъ онъ пьетъ изъ чаши гнѣва божія—а то какая ему забота до дома своего, когда кончится число мѣсяцевъ его? И Іовъ въ отчаяніи восклицаетъ, что осталось только одно: потребовать на судъ само божество. «Все это видѣло око мое, слышало ухо мое, сколько знаете вы, столько знаю и я, не ниже я васъ! Я хочу говорить со вседержителемъ, судиться съ самимъ богомъ!» И обращаясь къ Ягве, Іовъ требуетъ отвѣта на свои жалобы. «Скажу богу: не осуждай меня, но скажи мнѣ, за что ты враждуешь противъ меня? Не для нечистиваго ли гибель, не для дѣлающаго ли зло бѣды? Не видѣлъ ли самъ богъ путей моихъ, не считалъ ли всѣхъ шаговъ моихъ? Пусть взвѣсятъ меня на вѣсахъ правды, и узнаетъ богъ мою непорочность. Между тѣмъ, ты, Ягве, гонишься за мною, какъ левъ, все нападаешь на меня, и бѣды, одна за другою, ополчаются на меня. Что тебѣ въ томъ, что ты притѣсняешь меня, отвергаешь дѣло рукъ своихъ? Или очи плотскія у тебя, и ты смотришь ими, какъ человѣкъ, что ты ищешь обвинить меня и изслѣдуешь грѣхи мои, хотя знаешь ты, что невиненъ я, и никто не спасетъ меня отъ руки твоей?» И вотъ загремѣлъ громъ, пронеслась буря, и раздался голосъ Ягве, отвѣчающій Іову. «Кто тутъ омрачаетъ рѣшенія мои словами безъ смысла? Ты хочешь обвинить меня, а самого себя сдѣлать правымъ? Но такая ли у тебя мышца, какъ у бога, можешь ли ты такъ гремѣть голосомъ, какъ богъ? Гдѣ былъ ты, когда я полагалъ основанія земли—скажи, если знаешь. Кто сотворилъ небо и землю, поставилъ предѣлы морю? Давалъ ли ты когда приказанія утру, указывалъ ли зарѣ мѣсто ея?» И долго Ягве перечислялъ проявленія своего всемогущества и премудрости и спрашивалъ Іова, можетъ ли онъ дѣлать

то же. И уничтоженный Іовъ отказался отъ отвѣта: «Ничтоженъ я, что возразить мнѣ тебѣ? Полагаю руку мою на уста мои; разъ я говорилъ, и повторять не буду». Такъ Іовъ и не получилъ разрѣшенія своихъ сомнѣній. Авторъ книги Іова какъ бы хотѣлъ сказать: пути божіи неисповѣдимы и непостижимы, какъ непостижимъ самъ богъ, и человѣку остается только преклониться передъ нимъ. Но не для всѣхъ такое нравоученіе было убѣдительно. Многіе начинали думать: «напрасно я соблюдалъ чистоту сердца своего и омывалъ невинностью руки мои». А среди счастливыхъ беззаконниковъ все чаще и чаще стали попадаться такіе люди, которые прямо говорили: «богъ не посѣтитъ, нѣтъ бога!»

XV.

Маккавеи.

Прошло около трехсотъ лѣтъ съ того дня, когда сыны Іуды дали торжественную клятву свято соблюдать законъ Моисеевъ. За это время жизнь успѣла далеко уйти впередъ. Персидская держава оказалась такою же непрочною, какъ и держава Навуходоносора, и господами надъ древней страною семи великихъ свѣтилъ стали новые люди, новаго типа, съ новою рѣчью, приносившіе съ собою неслыханные дотолѣ взгляды и понятія, вводившіе новыхъ боговъ. На юго-восточной оконечности Европы вытянулся въ Средиземное море гористый полуостровъ, весь изрѣзанный морскими волнами, покрытый миртами, лаврами и маслинами. Склоны его горъ мало плодородны, но ласкаютъ взоръ своими красками

и опьяняютъ своимъ благоуханіемъ; лазурное море не проявляетъ тамъ такой бурной свирѣпости, какъ валы Краснаго моря или Персидскаго залива; островъ за островомъ тянется отъ этого полуострова на востокъ, къ малоазіатскимъ берегамъ. Съ этого-то полуострова и съ этихъ острововъ пришли на старый азіатскій востокъ новые молодые властители—то были эллины. Когда-то давно, когда еще въ Ханаанѣ величался теперь уже полусказочный Соломонъ, эллины были варварами не только въ сравненіи съ финикіянами, учившими ихъ культурѣ, но даже въ сравненіи и съ сынами Израиля. Они тогда не только не сумѣли бы построить храмъ, подобный Соломонову, но даже смотрѣли съ удивленіемъ и страхомъ на постройки своихъ предшественниковъ на полуостровѣ, цвѣтущемъ миртами, хотя это были грубыя постройки изъ цѣлаго, неотесаннаго камня. Ихъ вожди на лодкахъ дѣлали набѣги въ Малую Азію; встрѣчаясь съ финикіянами, они не прочь были помѣняться съ ними своею добычей на искуснаго раба или отточенный мечъ; слушая разсказы финикійскихъ жрецовъ о ихъ покровителѣ Мелькартѣ, о приключеніяхъ вавилонскаго героя Гильгамеша, о подвигахъ Мардука и страданіяхъ Иштаръ, они запоминали ихъ и потомъ начинали подражать этимъ разсказамъ: имъ хотѣлось, чтобы ихъ боги, жившіе на зеленѣющихъ вершинахъ эллинскихъ горъ, не отставали отъ восточныхъ по своимъ подвигамъ и славѣ. Но ученики-эллины оказались даровитѣе и сильнѣе своихъ учителей—семитовъ. Греческія горы ласкали своей красотою, но были скудны на дары природы; подъ тонкимъ слоемъ мягкой земли начиналась твердая каменная порода, а зелень луговъ и лѣсовъ часто изнемогала отъ жажды. Въ Элладѣ нѣтъ

ни одной рѣки, не только въ родѣ Нила или Евфрата, но даже и въ родѣ полноводнаго Іордана; только маленькіе горные ручейки, да рѣдкіе родники даютъ прѣсную воду; а если и они изсякаютъ, то приходится ждать, пока не прилетитъ на мокрыхъ крылахъ Нотъ, гоняющій облака, и не прольетъ съ неба живительную влагу. Нужда рано стала давать себя знать въ Элладѣ, и эллинамъ пришлось, не покладая рукъ, работать. Ихъ учители, египтяне и вавилоняне, разъ навсегда устроили себѣ огромныя водяныя сооруженія, обезпечивавшія имъ всегда вѣрный урожай; оставалось только поддерживать ихъ въ порядкѣ. А эллину приходилось неустанно трудиться, изобрѣтая все новые и новые способы существованія, ища все новыхъ и новыхъ мѣстъ для поселенія. И въ Элладѣ роскошнымъ цвѣтомъ расцвѣла культура, своя собственная и непохожая на восточную культуру. Ученый вавилонянинъ рѣшилъ, что боги разъ навсегда установили законы міра мѣрою и числомъ, опредѣлили время, завели правильный чередъ всему на землѣ, подобно правильному череду движенія небесныхъ свѣтилъ; нѣтъ случайностей на небѣ, не можетъ быть случайностей и въ земномъ хозяйствѣ; Тигръ и Евфратъ обязательно разольются, водою наполнятся каналы и озера, скотъ дастъ навозъ, поля будутъ распаханы и зазеленѣютъ, какъ въ прошломъ году. У эллина не могло быть такихъ вѣрныхъ расчетовъ, и онъ не полагался на своихъ боговъ. Ему приходилось быть самому кузнецомъ своего счастья; онъ молилъ боговъ, чтобы они ему не мѣшали, а справиться съ дѣломъ онъ умѣлъ и самъ. Работая неустанно, эллины могли дойти даже до такой мысли, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, что̀ было бы сильнѣе человѣка; только смерть еще не побѣждена имъ.

А среди ученыхъ грековъ нашелся даже такой, Демокритъ, который сталъ и происхожденіе міра объяснять безъ всякаго участія божества. Міръ произошелъ вслѣдствіе вѣчнаго движенія мельчайшихъ недѣлимыхъ частицъ вѣчной матеріи, атомовъ—говорилъ онъ; боги тутъ не при чемъ. Но, конечно, такія глубокія мысли были удѣломъ наиболѣе образованныхъ эллиновъ, жившихъ въ центрѣ греческой культуры, въ Аѳинахъ. Какъ разъ въ то время, когда іудеи послѣ возвращенія отстраивали заново Іерусалимъ и храмъ и составляли законы, впослѣдствіи подчинившіе все іудейство неумолимой и неизмѣнной власти жрецовъ бога Ягве, въ Аѳинахъ собрались лучшіе ученые и поэты эллинскаго міра и подвергали сомнѣнію самое существованіе боговъ, глядя на величественныя сооруженія, ими созданныя людьми на искусныя издѣлія, сработанныя людскими руками, на груды золота, собранныя въ награду за труды.

Съ тѣми издѣліями, какія эллины выдѣлывали у себя на родинѣ, на востокъ ѣхали, оторвавшись отъ скупой почвы своихъ горъ, конечно, не ученые, но купцы; ученые ѣхали вслѣдъ за купцами, и теперь и тѣ и другіе вмѣстѣ покорили своихъ прежнихъ учителей. Тотъ самый Дарій, который разрѣшилъ окончательно достроить второй храмъ, тщетно пытался остановить ростъ греческой силы; онъ не могъ побѣдить грековъ въ ихъ горахъ и долженъ былъ съ позоромъ уйти обратно; такая же судьба постигла и его сына, Ксеркса. И полтораста лѣтъ спустя послѣ Ксеркса востокъ увидѣлъ на своихъ равнинахъ и въ своихъ городахъ уже не однихъ эллинскихъ купцовъ и ученыхъ, но и воинскую силу эллиновъ. Царь Александръ Великій собралъ ополченіе всѣхъ греческихъ городовъ и пошелъ покорить эллинскому

Саркофагъ Александра. IV вѣка до Р. Х.

купцу и ученому востокъ. Этого нападенія звѣзды не предсказывали, оно прошло волною и залило собою весь восточный міръ, сокрушая на своемъ пути послѣднія силы персидскаго царя. За триста лѣтъ до Рождества Христова уже греки были полновластными господами на востокѣ. Правда, царь Александръ не создалъ единаго царства; послѣ его смерти царство его распалось по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ. Но на престолъ древнихъ фараоновъ теперь сѣлъ эллинскій полководецъ Птолемей, а на мѣстѣ великаго персидскаго царя—Селевкъ. И все стало мѣняться. Какъ раньше всюду слышалась вавилонская рѣчь, и всѣ писали клинообразнымъ письмомъ, такъ теперь торговому или ученому человѣку нельзя было не знать греческой рѣчи и греческаго письма. Какъ раньше, склоняясь передъ вавилонскимъ Мардукомъ, всѣ подвластные Вавилону народы превращали своихъ божковъ въ маленькихъ Мардуковъ, такъ теперь всюду распространялся культъ главнаго бога эллиновъ, Зевса Олимпійскаго. Какъ раньше увлекались забавами вавилонскихъ вельможъ, охотою, любовными приключеніями, постройками дворцовъ и храмовъ, такъ теперь всюду сталъ распространяться греческій спортъ—игры, гимнастическія упражненія, театральныя представленія. Это было нѣчто невиданное на востокѣ; благочестивые іудеи говорили, что это царство отличное отъ всѣхъ прочихъ. Оно все ближе и ближе пододвигалось къ Іудеѣ. Въ Газѣ, старой филистимской Газѣ, выстроили храмъ Аполлону, свѣтлому богу солнца, правды и поэзіи, и пѣли ему греческіе гимны. Въ финикійскомъ Тирѣ, откуда когда-то вышли архитекторы, построившіе по вавилонскому образцу храмъ Ягве, теперь молились уже не Мелькарту, а греческому Ге-

раклу, и устроили площадку для греческихъ игръ въ честь этого героя-богатыря. Въ другихъ городахъ также воздвигали жертвенники въ честь греческихъ боговъ, больше всего въ честь Зевса Олимпійскаго. Греческія слова проникали въ восточные языки, греческіе обычаи стали модными; греческія издѣлія вытѣснили собою старые вавилонскіе фабрикаты, и восточные мастера теперь

Іудейскій кувшинъ въ греческомъ стилѣ (изъ Таанаха).

принуждены были выдѣлывать свои издѣлія въ греческомъ стилѣ.

Къ новому царству по разному относились іудеи въ разныхъ мѣстахъ. Іудеи діаспоры относились къ нему не такъ нетерпимо, какъ палестинскіе іудеи. Главный центръ діаспоры былъ теперь въ египетской Александріи, въ новомъ городѣ, основанномъ Александромъ. Это былъ бойкій торговый центръ, затмившій собою прежнюю эллинскую столицу, Аэины. Птолемеи не жалѣли денегъ на его украшеніе, построили тамъ музей и академію, устроили

огромную библіотеку и привлекли множество ученыхъ. Іудеевъ и раньше было немало въ Египтѣ; но со времени Птолемеевъ ихъ тамъ стало особенно много, такъ какъ Птолемей I, завоевавшій Палестину, переселилъ оттуда много іудеевъ въ Александрію. Онъ цѣнилъ іудеевъ, какъ очень способныхъ къ торговому дѣлу, и не ошибся въ этомъ; александрійская іудейская колонія очень скоро стала одной изъ самыхъ богатыхъ купеческихъ организацій. Александрійскіе іудеи остались, конечно, вѣрными своей вѣрѣ и своему закону. Они аккуратно посылали свои шекели въ казну храма и дѣлали большія пожертвованія на праздники; они неупустительно собирались въ синагогахъ въ праздничные дни и проводили тамъ время въ чтеніи писанія, пѣніи псалмовъ и слушали поученія своихъ раввиновъ (учителей); мечтой каждаго александрійскаго іудея было путешествіе въ Іерусалимъ, посѣщеніе храма и другихъ святыхъ мѣстъ. Но александрійскіе іудеи не отгораживались китайской стѣной отъ грековъ, да имъ и нельзя было бы этого сдѣлать: пришлось бы тогда привести въ разстройство всѣ торговыя дѣла и, пожалуй, вернуться разоренными на родину. Больше того, многіе іудеи, родившіеся и выросшіе въ Александріи, уже не знали ни древне-еврейскаго, ни арамейскаго языка. Съ раннихъ лѣтъ они слышали кругомъ греческую рѣчь, такъ же, какъ теперь иностранецъ, родившійся въ Россіи, часто не знаетъ своего языка и научается говорить только по-русски; языку закона и пророковъ въ Александріи можно было научиться только въ школѣ, и это стоило большихъ трудовъ и долгаго времени. Зная греческій языкъ, александрійскіе іудеи знакомились съ греческой литературой и наукой. Знакомясь съ ней, они не все въ ней осуждали;

они находили въ ней много интереснаго и поучительнаго, и многія ея идеи заимствовали. Греки тоже интересовались іудеями. Имъ было непріятно, что іудеи все-таки сторонятся ихъ, не хотятъ имѣть съ ними никакихъ отношеній, кромѣ чисто дѣловыхъ; греки не привыкли къ этому, они были чрезвычайно живыми и общительными и напоминали въ этомъ отношеніи современныхъ французовъ. Но такъ какъ іудеи не желали сливаться съ греками, то среди грековъ появились нелестные анекдоты по адресу іудеевъ. Это обстоятельство заставило іудеевъ отвѣчать грекамъ. Постепенно въ Александріи создалась большая іудейская литература, вся написанная на греческомъ языкѣ.

Главное произведеніе этой литературы—греческій переводъ книгъ ветхаго завѣта. Этотъ переводъ нуженъ былъ іудеямъ для самихъ себя, такъ какъ многіе іудеи въ Александріи уже не могли читать закона и пророковъ по-еврейски; нуженъ онъ былъ и для отвѣта на анекдоты и сплетни грековъ. О составленіи этого перевода составилась цѣлая легенда. Разсказывали, будто бы его переводили семьдесятъ переводчиковъ; каждый работалъ въ отдѣльной кельѣ, не видаясь съ другими, и каждый перевелъ весь священный текстъ отъ начала до конца; но всѣ переводы оказались буквально сходными, потому что перомъ каждаго переводчика невидимо водилъ самъ святой духъ. На греческій языкъ перевели Тору, книги пророковъ, псалмы; переводили и другія книги, по мѣрѣ ихъ составленія; мы должны быть очень благодарны этимъ переводчикамъ, такъ какъ иначе мы не могли бы теперь читать многія книги библіи, еврейскіе оригиналы которыхъ исчезли, а греческіе переводы сохранились (напр. книга мудрыхъ изреченій Іисуса,

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

сына Сираха, романы о Юдиѳи, Товитѣ, книги, разсказывающія о подвигахъ братьевъ Маккавеевъ). Но александрійскіе іудеи не только переводили, но и сами сочиняли. Имъ хотѣлось доказать, что ихъ исторія такъ же славна, какъ и греческая, и что ихъ богъ такъ же извѣстенъ всему міру, какъ и Зевсъ; имъ хотѣлось защитить себя отъ нападокъ со стороны иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Александрійскіе іудеи тутъ поступали такъ же просто, какъ поступалии другіе древніе народы въ подобныхъ же случаяхъ. Они просто поддѣлывали произведенія греческихъ писателей. Они сочиняди новыя стихотворенія отъ имени знаменитыхъ греческихъ поэтовъ: Эсхила, Софокла, Эврипида, Менандра, Орфея; въ этихъ стихотвореніяхъ они очень ловко поддѣлывались подъ стиль греческихъ поэтовъ и восхваляли іудейскаго бога, его законъ и исторію его народа. Нельзя за это очень строго судить александрійскихъ іудеевъ; можно сказать, что примѣръ имъ подали сами греки. Всѣмъ извѣстна Иліада, знаменитая поэма о сраженіяхъ подъ Троей; тамъ тоже очень много поддѣлокъ, сдѣланныхъ различными греческими поэтами. Напримѣръ, поддѣлана почти вся вторая пѣснь; тамъ перечисляются корабли, пришедшіе изъ Эллады подъ Трою, а такъ какъ каждому городу хотѣлось, чтобы его имя было упомянуто въ знаменитой поэмѣ, то туда и вставили множество новыхъ стиховъ, въ которыхъ перечисляются чуть не всѣ греческіе города, существовавшіе въ VI вѣкѣ; между тѣмъ, во время Троянской войны доброй половины этихъ городовъ еще и не существовало.

Итакъ, въ Александріи и іудеи и греки встрѣтились и познакомились другъ съ другомъ болѣе или менѣе мирно. Въ Іерусалимѣ и Іудеѣ встрѣча не была такая

мирная. Тамъ приходилось подчиняться не Птолемеямъ, а Селевкидамъ, греческимъ царямъ Сиріи, къ которымъ перешла Палестина отъ Птолемеевъ. Въ Іерусалимѣ и въ Іудеѣ греческій языкъ и греческое образованіе распространялись не среди всего населенія. Сторонниками грековъ были тѣ изъ іудеевъ, которымъ приходилось часто съ греками сталкиваться. Больше всего было ихъ среди тѣхъ, кого въ народной массѣ давно уже прозвали решаимъ (беззаконниками). Это были все богатые землевладѣльцы, окончательно поработившіе крестьянъ. Они «передвигаютъ межи», живутъ на чужихъ поляхъ, кормятся чужими трудами. Имъ приходилось часто сталкиваться съ греческими царями и чиновниками, и потому они старались подражать грекамъ и плохо исполняли законъ Моисеевъ. А самое ужасное для Іудеи было то, что беззаконіе и подражаніе грекамъ нашли себѣ приверженцевъ среди іерусалимскихъ жрецовъ. Многіе жрецы, заставляя народъ строго исполнять законъ, сами его не исполняли, да еще притѣсняли крестьянъ; и благочестивые роптали на бога: «ты, Ягве, богъ справедливости и суда, помогающій и людямъ и звѣрямъ, ты даешь имъ питаться отъ жира твоего дома, поишь ихъ изъ ручья твоей радости». Когда надъ Іудеей установилась власть греческихъ государей, первосвященнику и жрецамъ пришлось вести постоянныя сношенія съ царскимъ дворомъ, такъ какъ первосвященникъ былъ главой и представителемъ іудейской общины. Первосвященнику пришлось собирать съ народа ту тяжелую дань, которою обложили Селевкиды Іудею: соляную подать, вѣнечный сборъ, треть съ посѣва, половину съ плодовъ садовыхъ деревьевъ. Эти подати были всѣ очень тяжелы; за это въ народѣ грековъ сравнивали съ ужаснымъ, невѣдомымъ

звѣремъ, все уничтожающимъ на пути. А первосвященникъ взыскивалъ эти подати очень строго, потому что иначе ему самому грозили большія непріятности. Онъ держалъ руку грековъ, и поэтому народъ и низшая часть клира считали его беззаконникомъ. Греческіе цари были очень капризны; съ ними трудно было ладить, приходилось дѣлать имъ и ихъ приближеннымъ подарки, льстить имъ и ихъ богамъ. Поэтому среди народа росло озлобленіе и противъ жрецовъ, и противъ грековъ. И въ концѣ концовъ разразилась гроза: за 165 лѣтъ до Рождества Христова произошло знаменитое возстаніе братьевъ Маккавеевъ.

На сирійскомъ престолѣ сидѣлъ тогда царь Антіохъ IV Епифанъ (славный); молодость свою онъ провелъ въ Римѣ, гдѣ былъ заложникомъ, жилъ тамъ, проводя время въ необычайныхъ даже для римлянина кутежахъ и самыхъ эксцентрическихъ выходкахъ. Въ насмѣшку его звали часто не Epiphanes, а Epimanes (безумный). Антіохъ былъ страстнымъ поклонникомъ Зевса Олимпійскаго и хотѣлъ укрѣпить свое царство, состоявшее изъ самыхъ разнообразныхъ народовъ и странъ, посредствомъ уничтоженія всѣхъ боговъ и всѣхъ культовъ въ его царствѣ и замѣны ихъ культомъ единаго Зевса Олимпійскаго. Въ жрецахъ Зевса онъ надѣялся найти себѣ вѣрныхъ помощниковъ, которые укрѣпятъ его власть надъ разноплеменнымъ и разноязычнымъ населеніемъ его царства. А въ Іерусалимѣ въ это время среди іерусалимскаго жречества шла жестокая борьба между старшей линіей Садокидовъ, Оніадами, и боковой линіей, Товіадами; Оніады и Товіады спорили изъ-за доходнаго и почетнаго мѣста первосвященника. Оніады были сторонниками обособленности іудейства,

Товіады были настоящими решаимъ. Они передѣлывали свои имена на греческій ладъ: одинъ изъ нихъ, Іошуа, звалъ себя не иначе, какъ Іасономъ, а другой, Онія— не иначе, какъ Менелаемъ. Дѣла Товіадовъ были, однако, плохи; другой Онія, первосвященникъ изъ Оніадовъ, выгналъ ихъ даже изъ города. Іасонъ, не долго думая, явился къ Антіоху и сталъ просить поставить его первосвященникомъ на мѣсто Оніи, а за это обѣщалъ ввести въ Іерусалимѣ греческія игры и обычаи; конечно, свою просьбу онъ подкрѣпилъ богатымъ денежнымъ подаркомъ. Дѣло сейчасъ же сладилось, и сдѣлавшись первосвященникомъ, Іасонъ немедленно началъ приводить въ исполненіе свои обѣщанія. У подошвы святой горы, на которой высился храмъ, выросла гимназія; цвѣтъ іерусалимскаго юношества занимался тамъ играми и палестрой (борьбой). Первый примѣръ подали жрецы; послѣ скучныхъ жертвоприношеній и церемоній они съ удовольствіемъ шли въ гимназію упражняться, и бесѣдовать съ учителями греками. Вскорѣ послѣ назначенія Іасона въ Тирѣ происходилъ праздникъ съ играми въ честь Геркулеса; Іасонъ взялъ изъ казны храма 300 драхмъ и послалъ ихъ въ Тиръ на устройство этихъ игръ. Пріѣхалъ въ Іерусалимъ и Антіохъ и былъ пышно принятъ Іасономъ.

Въ народѣ пошли тревожные слухи; въ народѣ говорили, что мало решаимъ притѣснять нищихъ, они рѣшили окончательно уничтожить іудеевъ, сдѣлать всѣхъ греками. Сразу видно, что они безбожники: пошли вслѣдъ за «корнемъ зла», Антіохомъ, отмѣнили старую вѣру, не обрѣзываются, не соблюдаютъ субботы, предаются греческимъ мерзостямъ. Ходили слухи о необыкновенныхъ небесныхъ знаменіяхъ: сорокъ дней носились,

будто бы, надъ Іерусалимомъ небесные всадники въ золотыхъ одеждахъ, нападавшіе другъ на друга. Въ народѣ качали головою и говорили, что это вѣрный знакъ близкаго суда божія надъ беззаконниками и нечестивцами. На свою бѣду, Іасонъ не ужился въ мирѣ со своими сторонниками; начались въ Іерусалимѣ ссоры и неурядицы, доходившія до кровавыхъ столкновеній. Въ это время Антіохъ издалъ свой указъ о томъ, что всѣ народы, подвластные ему, должны стать однимъ народомъ, и служить одному богу, Зевсу Олимпійскому. Для большинства сирійскихъ подданныхъ Антіоха этотъ указъ не вводилъ особаго новшества. Сирійцы уже привыкли къ культу греческихъ боговъ и безъ всякаго принужденія стали приносить жертвы Зевсу. Въ народѣ стали отождествлять греческаго Зевса со стариннымъ сирійскимъ Вааломъ, а художники изображали Зевса съ аттрибутами Ваала и со свитой отчасти изъ греческихъ, отчасти изъ мало-азіатскихъ боговъ. На одной мѣдной таблеткѣ Зевсъ изображенъ въ видѣ богатыря, стоящаго на быкѣ,—символѣ Ваала; надъ Зевсомъ греческій Геліосъ—солнце, и греческая же Ника-побѣда, готовая увѣнчать торжествующаго бога, а внизу художникъ изобразилъ малоазіатскую Кибелу—мать сырую землю, стоящую между луною и солнцемъ. Но не такъ легко было принудить и пріучить къ культу Зевса іудеевъ.

Когда Антіохъ услыхалъ о раздорахъ въ Іерусалимѣ, онъ послалъ туда сильный отрядъ съ приказаніемъ смѣстить первосвященника, прекратить культъ Ягве и ввести культъ Зевса Олимпійскаго. Решаимъ послѣдовали этому указу; въ провинціальныхъ городахъ Іудеи ставились жертвенники Зевсу, и курились ему жертвы. А въ пятнадцатый день Кислева (декабря) 168 года совершилось

Зевсъ Долихійскій (изъ Сиріи).

страшное дѣло и въ Іерусалимѣ: въ храмѣ, на мѣстѣ жертвенника Ягве былъ воздвигнутъ жертвенникъ Зевсу Олимпійскому, «мерзость опустошенія», и греческому богу стали приносить въ жертву свиней; книги закона отбирали у владѣльцевъ и сжигали; не желавшіе принять культъ Зевса подвергались казнямъ. Мученики изъ народа, горой стоявшіе за старую вѣру, гибли одинъ за другимъ; о ихъ мученіяхъ слагались сейчасъ же легенды, переходившія изъ устъ въ уста. А для сосѣдей Іуда сталъ «притчей во языцѣхъ, покиваніемъ главы для всѣхъ мимоходящихъ». На древнемъ холмѣ Давида войска Антіоха устроили себѣ крѣпость и вмѣсто святого имени— Сіонъ, стали звать его греческимъ, именемъ, Акрой.

Эта гроза разбудила народную силу и фантазію. Стали говорить, что пришло послѣднее время, надо смыть и очистить грѣхи и ждать теперь мессіаническаго царя, обѣщаннаго еще Исаіей. Проповѣдники яркими красками расписывали это будущее царство: возстанетъ Ягве ради насилія надъ нищими, ради рыданія бѣдныхъ и принесетъ спасеніе жаждущимъ его. Горе тогда богатымъ, горе могучимъ земли, горе корыстолюбцамъ, пріобрѣтающимъ золото и серебро; горе тѣмъ, кто ѣстъ лучшую пшеницу и пьетъ лучшую воду: ради своего богатства будутъ они осуждены, и создатель будетъ радоваться ихъ гибели. Погибнутъ они, и настанетъ царство бѣдныхъ: бѣдняки получатъ въ наслѣдіе землю и будутъ наслаждаться великимъ благоденствіемъ. А когда спрашивали, какъ все это произойдетъ, пророки имѣли готовый отвѣтъ. Пошлетъ богъ ангеловъ, свое воинство небесное; пусть возстанутъ тогда и крестьяне. И будетъ война съ царствомъ зла, и истребится всякое зло на землѣ, и вся земля наполнится справедливостью.

Появятся древа правды и справедливости, вся земля станетъ чудесно плодородной; посѣвы будутъ давать урожай въ десять тысячъ разъ, а мѣра оливъ будетъ давать десять мѣръ масла. Всѣ народы поклонятся тогда Ягве и будутъ служить ему. Проповѣдники, говорившіе такія рѣчи, говорили, что говорятъ не отъ себя, а нашли они книгу, въ которой записаны всѣ видѣнія и тайны неба, открытыя праотцу Еноху. Былъ такой патріархъ до потопа; былъ онъ праведенъ, и за это взялъ его Ягве живымъ на небо, открылъ ему всѣ тайны мірозданія и будущую судьбу вселенной. Ужъ что написано въ этой книгѣ, то вѣрно, этому быть и не миновать. И горячія головы въ народѣ ждали только перваго знака, чтобы ринуться вмѣстѣ съ ангелами Ягве въ борьбу съ решаимъ и Антіохомъ.

Но не одни крестьяне были озлоблены противъ решаимъ и грековъ. Теперь были отброшены въ сторону и должны были прятаться всѣ тѣ жрецы, которые были за Онію и противъ Іасона, а также книжники, люди закона, изучавшіе и толковавшіе его, однимъ словомъ, всѣ тѣ, кого звали въ это время благочестивыми, а с и д е я м и (chasidim). Имъ тоже казалось, что приближается послѣдній бой Ягве съ царствомъ беззаконія, или ужъ совсѣмъ Ягве оставилъ свой народъ и отдалъ его, какъ овецъ на съѣденіе. Одни въ отчаяніи призывали Ягве: «подними, Ягве, стопы твои къ вѣчнымъ развалинамъ—все опустошилъ врагъ во святилищѣ! Рычатъ враги среди мѣстъ праздничныхъ собраній твоихъ, поставили знаменіями знаменія свои... Знаменій нашихъ не видимъ, и нѣтъ пророка, и не знаемъ доколѣ...» Неужели не видитъ Ягве, жалуются другіе, что враги отдали тѣла рабовъ его на съѣденіе птицамъ небеснымъ, плоть праведниковъ—

звѣрямъ земнымъ; что льется кровь ихъ, какъ вода, вокругъ Іерусалима, и некому похоронить ихъ... Но наиболѣе хладнокровные и ученые книжники не впали въ отчаяніе, а стали изслѣдовать писаніе и старались разгадать смыслъ происходящаго, разобрать, къ чему идетъ дѣло, и чѣмъ кончится ужасная борьба. Изъ ихъ разысканій и разслѣдованій составилась книга Даніила, въ которой неизвѣстный намъ авторъ, прикрываясь именемъ стариннаго книжника Даніила, современника Іезекіиля, раскрываетъ смыслъ происходящихъ событій и предсказываетъ близкій судъ надъ міромъ и Израилемъ.

Въ первыхъ главахъ книги Даніила разсказывается, кто такой былъ Даніилъ. Жилъ онъ въ плѣну вавилонскомъ, происходилъ изъ знатнаго рода и вмѣстѣ съ тремя другими товарищами, Ананіей, Мисаиломъ и Азаріей, былъ взятъ къ царскому двору и учился всѣмъ халдейскимъ мудростямъ. Но Даніилъ и его товарищи, изучая всякія мудрости, строго соблюдали всѣ предписанія закона насчетъ пищи и не ѣли ничего мясного, такъ какъ опасались, что ихъ угостятъ идоложертвеннымъ мясомъ; несмотря на это, они выглядѣли толще и румянѣе всѣхъ другихъ юношей, взятыхъ ко двору царя. Выросли они и научились, и тутъ начались съ ними всякія чудеса. Даніилъ разгадалъ царю сонъ, котораго не могли разгадать всѣ халдейскіе мудрецы; сонъ предсказывалъ, что за царствомъ Навуходоносора будетъ три царства, послѣ которыхъ богъ устроитъ вѣчное царство, для «другого народа», т.-е. іудеевъ; имъ будетъ отдана вся земля, и они будутъ владычествовать вѣчно. Послѣ этого царь приказалъ Даніилу и товарищамъ принести жертву золотому истукану, сдѣланному царемъ; тѣ, конечно, отказались, за что ихъ бросили въ

огненную печь, раскаленную настолько, что отъ жара умерли тѣ люди, которые бросили туда юношей; юноши же, какъ ни въ чемъ не бывало, невредимыми ходили въ пламени и пѣли гимны въ честь Ягве. За это насиліе Навуходоносору была послана казнь, предсказанная ему также Даніиломъ: онъ сошелъ съ ума, убѣжалъ въ поле и жилъ, какъ звѣрь, питаясь травою. Даніилъ разгадалъ таинственныя слова, начертанныя на стѣнѣ во время пира послѣдняго царя вавилонскаго Валтасара: мене—исчислилъ богъ царство твое и положилъ конецъ ему; текелъ—ты взвѣшенъ и найденъ очень легкимъ; пересъ—раздѣлено царство твое и отдано мидянамъ и персамъ. Дарій, персидскій царь, убившій Валтасара, хотѣлъ убить Даніила и велѣлъ бросить его въ львиный ровъ за то, что онъ три раза въ день молился, какъ велитъ законъ, обратясь лицомъ къ Іерусалиму. Но Даніилъ остался живъ и невредимъ, и пораженный Дарій издалъ сейчасъ же указъ, чтобы всѣ въ его царствѣ трепетали и благоговѣли передъ богомъ Даніила. Видно, что авторъ этихъ разсказовъ о чудесахъ Даніила плохо зналъ исторію, потому что послѣднимъ царемъ Вавилона былъ Набонедъ, и завоеванъ былъ Вавилонъ не Даріемъ, а Киромъ. Но тогдашніе читатели не замѣчали этихъ ошибокъ; читая эти чудесныя исторіи, они видѣли, что уже были точь-въ-точь такія же преслѣдованія за вѣру, какъ и теперь, и кто былъ твердъ въ вѣрѣ, тотъ спасался, а цари-насильники сходили съ ума или обращались къ Ягве. Уже первая половина книги утѣшала читателя; а во второй половинѣ разсказывались видѣнія во снѣ и пророчества Даніила, для разъясненія которыхъ Ягве послалъ къ нему ангела.

Даніилу было нѣсколько видѣній. Самыя главныя видѣнія—четырехъ звѣрей, барана и козла, и семидесяти седьминъ. Изъ моря вышли,—такъ начинается первое видѣніе,—четыре чудовищныхъ звѣря, непохожіе одинъ на другого. Одинъ—какъ левъ, но съ орлиными крыльями; второй—какъ медвѣдь; третій—какъ барсъ; четвертый звѣрь—«страшный и ужасный, и весьма сильный»; зубы у него желѣзные, десять роговъ, и все онъ попираетъ и разрушаетъ; и вдругъ среди роговъ выросъ еще маленькій рогъ, у него были уста и глаза человѣческіе, а говорилъ онъ дерзкія рѣчи. И послѣ этого поставили престолъ для Ветхаго днями (т. е. для бога); онъ осудилъ этотъ рогъ за богохульныя рѣчи, и звѣрь четвертый былъ убитъ, а власть, царство и слава были отданы нѣкоему, подобному «сыну человѣка», сошедшему съ облаковъ. Ангелъ объяснилъ видѣніе такъ: четыре звѣря—четыре царства (вавилонское, мидійское, персидское и греческое); четвертый звѣрь—четвертое царство, отличное отъ всѣхъ прочихъ, которое будетъ пожирать и попирать всю землю; десять роговъ четвертаго звѣря—десять царей; маленькій рогъ—послѣдній царь, который возстанетъ противъ всевышняго и будетъ угнетать святыхъ всевышняго (т.-е. іудеевъ), даже отмѣнитъ у нихъ праздники и законъ; и святые будутъ въ его власти время, два времени и еще полвремени (т.-е. $3^1/_2$ года). А потомъ будетъ судъ: безбожный царь и его царство будутъ уничтожены, и царство будетъ отдано народу святыхъ всевышняго; они и будутъ царствовать вѣчно. Видѣніе барана и козла, боровшихся другъ съ другомъ, подробно изображало борьбу послѣднихъ двухъ царствъ; баранъ—царства мидійское и персидское, козелъ косматый—царство греческое, одолѣвшее ихъ; рога

козла—всѣ цари греческіе отъ Александра до Антіоха. Третье видѣніе, о седьминахъ, такое. Даніилъ раздумывалъ надъ пророчествомъ Іереміи, что плѣнъ будетъ продолжаться семьдесятъ лѣтъ, и никакъ не могъ понять его. Тогда явился къ нему ангелъ и разъяснилъ: Іеремія разумѣлъ не простые годы, а субботніе, т. е. семилѣтія, седьмины; семьдесятъ седьминъ назначено отъ начала плѣна до пришествія Мессіи, чтобы загладить грѣхи и беззаконія. Черезъ семь седьминъ начнутъ вновь строить храмъ и городъ, а въ концѣ седьминъ, еще черезъ шестьдесятъ двѣ седьмины, въ половинѣ послѣдней седьмины помазанникъ будетъ убитъ, прекратится жертвоприношеніе, и въ храмѣ будетъ мерзость запустѣнія, до тѣхъ поръ, пока опустошителя не постигнетъ окончательная гибель. Читатель легко могъ сосчитать: 49 лѣтъ прошло до возвращенія изъ плѣна, еще 434 года—до начала теперешней, послѣдней, седьмины; все предсказанное разрушеніе и опустошеніе уже сбылось, и остается потерпѣть еще только $3^1/_2$ года. Только еще 1300 вечеровъ и утръ: блаженъ, кто ждетъ ихъ и дождется окончанія ихъ! Если кто и умретъ отъ руки мучителя въ эти тяжелые дни, какихъ еще не было отъ созданія міра, то и онъ все-таки увидитъ торжество святыхъ всевышняго: когда настанетъ судный день, поднимутся изъ праха всѣ спящіе во гробахъ, и праведники будутъ жить вѣчно и блаженствовать въ царствѣ Мессіи, а беззаконники будутъ терпѣть вѣчную муку и вѣчное поруганіе. Такія видѣнія видѣлъ праведный Даніилъ; читая о нихъ, благочестивые люди чувствовали, что въ ихъ сердцѣ опять воскресаетъ надежда, и ждали только появленія Михаила, вождя небесныхъ силъ, чтобы помочь ему въ его борьбѣ съ врагами святыхъ

БИБЛІОТЕКА

и бога. А тѣ, кого постигала казнь за сопротивленіе царскому указу о поклоненіи Зевсу, умирали съ надеждой на близкое воскресеніе.

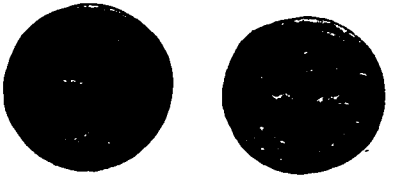
Вождемъ движенія противъ эллиновъ и решаимъ сдѣлался жрецъ Маттаѳія. Ему пришлось бѣжать изъ Іерусалима въ Модинъ, небольшой городокъ по дорогѣ къ Средиземному морю, къ Іоппіи. Тамъ тщетно уговаривали его посланные царя подчиниться царской волѣ и показать добрый примѣръ, но онъ отвѣтилъ: «если даже всѣ народы въ царствѣ царя послушаютъ его и отступятъ каждый отъ богослуженія своего, то я и сыновья мои и братья мои все-таки будемъ поступать по завѣту бога отцовъ нашихъ». И вмѣсто того примѣра, какого требовали отъ него посланные царя, онъ подалъ другой примѣръ: убилъ іудея, готовившагося принести жертву по указу царя, и разрушилъ греческій жертвенникъ, стоявшій въ Модинѣ. Послѣ такого дерзкаго поступка пришлось ему и его сыновьямъ бѣжать въ пустыню; за нимъ бросились многіе другіе, пошли всѣ, кто желалъ свергнуть власть решаимъ и грековъ. Изъ пустыни стали они дѣлать нападенія на іудейскіе города, занятые греками, разрушали жертвенники Зевсу и избивали «мужей беззаконія». Маттаѳія скоро умеръ; тогда на его мѣсто былъ провозглашенъ вождемъ одинъ изъ младшихъ его сыновей, Іуда, прозванный Маккавеемъ (молотомъ) за силу и отвагу. «Уподобился онъ льву сильными дѣлами своими, и какъ скименъ бросался онъ на добычу». Подъ начальствомъ Іуды возставшіе стали одерживать успѣхи. Сирійскому царю въ это время пришлось обороняться отъ Рима, и противъ Маккавея было послано плохенькое наемное войско. Іуда безъ труда разбилъ это войско, а потомъ и другое; воодушевлен-

ные этими побѣдами, сподвижники Іуды стали разсказывать, что самъ Ягве помогъ имъ: послалъ пять ангеловъ, два стали по бокамъ Іуды и охраняли его отъ вражескихъ ударовъ, остальные сыпали смертоносныя стрѣлы на сирійцевъ; а слава Іуды дошла до «концовъ земли». Прогнавъ сирійцевъ, Іуда сказалъ своей дружинѣ: «вотъ, враги наши сокрушены; пойдемте и обновимъ храмъ нашъ». И пришла дружина Іуды въ Іерусалимъ, и взошла на гору Сіонъ. Не было конца печали Іуды и его соратниковъ, когда увидѣли они оскверненіе святыни. «Іерусалимъ былъ необитаемъ, какъ пустыня, никто не входилъ въ него и не выходилъ изъ него, святилище попрано, чужеземцы въ крѣпости; въ притворахъ, какъ въ полѣ, выросла трава; и въ горести разорвали они одежды свои и плакали громко». Часть войска Іуда послалъ осаждать сирійцевъ, запершихся въ крѣпости Акрѣ; а съ остальными принялся приводить въ порядокъ святилище; вмѣсто прежнихъ недостойныхъ жрецовъ, поставилъ онъ новыхъ—строгихъ ревнителей закона. Послѣ долгихъ трудовъ, наконецъ, все было готово, и въ 25-й день Кислева (декабря) 165 года произошло торжественное обновленіе храма: принесли жертву по закону и съ музыкой киѳаръ, гуслей и кимваловъ обошли кругомъ жертвенника и храма, воспѣвая спеціально сложенный для этого псаломъ: «Строгою карою покаралъ меня Ягве, но смерти не предалъ меня... Всѣ язычники окружили меня... Изъ стѣсненія воззвалъ я къ Ягве, именемъ Ягве рубилъ я враговъ... Кликъ ликованія и побѣды въ шатрахъ праведныхъ... отворите мнѣ ворота праведности, я иду и возблагодарю Ягве, ибо онъ благъ, ибо вовѣкъ милость его... Восхвалите Ягве (hallelujah)!» Послѣ этого Іуда и все собраніе Израиля установило праздно-

вать этотъ день ежегодно восемь дней. Такъ установился праздникъ обновленія храма, ханука.

Но решаимъ не сложили оружія, хотя и они и греки поняли, что нельзя больше настаивать на исполненіи указа Антіоха. Асидеямъ сдѣлали уступку, объявили, что царскій указъ о запрещеніи культа Ягве отмѣняется; первосвященникомъ же царь назначилъ Алкима, изъ решаимъ. Іуда не хотѣлъ уступать и пошелъ противъ царскаго войска, съ которымъ прибылъ въ Іерусалимъ Алкимъ. Тутъ его постигла неудача: сирійцы разбили его дружину, и самъ онъ погибъ въ бою. Однако, Алкимъ пробылъ первосвященникомъ недолго. Борьба Селевкидовъ съ Римомъ все разгоралась, и послѣ смерти Антіоха его преемникъ Деметрій отозвалъ изъ Іудеи всѣ свои войска. Тогда сейчасъ же братъ Іуды, Іонаѳанъ, пошелъ противъ Алкима, который и былъ убитъ во время междоусобной войны. Деметрій помирился съ Іонаѳаномъ, не имѣя возможности бороться съ нимъ, и даже освободилъ Іудею отъ большей половины дани. Но окончательное торжество Маккавеевъ, какъ стали звать теперь всѣхъ братьевъ Іуды, настало при братѣ Іонаѳана, Симонѣ. Къ этому времени селевкидское царство совсѣмъ стало разваливаться. Римъ бралъ у него одну область за другою, а внутри царства оказалось сразу четыре претендента на престолъ, которые воевали другъ съ другомъ, оставивъ Іудею въ полномъ покоѣ. Симонъ сталъ строить крѣпости и собирать деньги и, подготовивъ все на случай войны, потребовалъ у одного изъ претендентовъ, Деметрія II, признанія независимости Іудеи. Деметрій согласился, и тогдашній лѣтописецъ могъ, наконецъ, съ чувствомъ гордости и радости написать: «въ 177 году (142 до Р. Х.) снято иго язычниковъ съ

Израиля, и началъ народъ израильскій писать въ грамотахъ и договорахъ: перваго года Симона, первосвященника великаго, военачальника и правителя іудеевъ». И такъ счастливо чувствовали себя сподвижники Маккавеевъ, что стали изображать правленіе Симона въ такихъ же краскахъ, какъ правленіе мессіаническаго царя. «И покоилась земля Іуды во всѣ дни Симона, и искалъ онъ добра народу своему, и была угодна народу власть его и слава его во всѣ дни... Онъ устроилъ миръ на землѣ, и радовался Израиль радостію великою... И сидѣлъ каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницей своею, и не было наводящаго ужаса на нихъ... Онъ поддерживалъ всѣхъ приниженныхъ народа своего; законъ соблюдалъ онъ и уничтожалъ всякаго беззаконника и злодѣя». А простой народъ, поддерживавшій Маккавеевъ и проливавшій за нихъ свою кровь, ждалъ отъ нихъ, дѣйствительно, всяческихъ благъ и исцѣленія всѣхъ своихъ недуговъ.



Серебряный шекель Симона Маккавея.

Но Маккавеи, или Асмонеи, какъ они сами звали себя по имени своего родоначальника, Асамона, очень скоро разочаровали народныя ожиданія. Достигши власти при помощи народа, они перестали заботиться о немъ, какъ только онъ пересталъ быть имъ нуженъ. Симонъ, а затѣмъ и его преемники, были царями-первосвященниками и смотрѣли на свою власть, какъ на источникъ доходовъ. Поэтому они не только не уменьшили той тяготы, которую несъ народъ, но еще увеличили ее.

Имъ хотѣлось увеличить доходы храма и клира; для этого они стали силою оружія распространять іудейскую религію среди сосѣдей. Они захватили нѣсколько городовъ по берегу Средиземнаго моря, Іоппію, Газу и другіе города, и заставили покоренныхъ жителей принять іудейство; жители Пеллы отказались перейти въ іудейскую вѣру, и за это ихъ поголовно всѣхъ перебили, а городъ разрушили. Для этихъ войнъ нужны были деньги и солдаты; наемныхъ солдатъ не хватало, и Асмонеи стали производить рекрутскіе наборы среди іудеевъ. Народъ волновался. Вотъ какого «мессію» получили мы за нашу кровь и страданія,—говорили въ народѣ. И въ концѣ концовъ противъ внука Симона, Александра Яннэя (Іонаѳана), началось настоящее народное возстаніе, въ которомъ, кромѣ крестьянъ, участвовали прежніе союзники асмонеевъ — асидеи. Александръ безжалостно расправился съ бунтовщиками: 15.000 казнилъ, 80.00 изгналъ. Народъ притихъ и снова началъ мечтать о Мессіи.

Чѣмъ же были недовольны асидеи? Изъ-за чего они поссорились съ Асмонеями? Дѣло въ томъ, что Асмонеи были ревнителями закона только до тѣхъ поръ, пока не достигли трона. Когда они стали царями и первосвященниками, когда въ ихъ казну полилось потоками золото, они сразу охладѣли къ закону. Пусть соблюдаютъ законъ тѣ, кто намъ платитъ, или кому есть охота,— сказали они себѣ, сблизились съ партіей решаимъ и начали вести совершенно свѣтскую жизнь, не давая ходу асидеямъ. Роскошные пиры шли одинъ за другимъ, за одной интригой плелась другая, начались заговоры и убійства. Одинъ изъ Асмонеевъ, Аристовулъ, опасаясь за свой престолъ, убилъ мать и одного брата, а осталь-

ныхъ заточилъ. Очутясь въ обществѣ другихъ сосѣднихъ царьковъ, Асмонеи не могли держаться другихъ обычаевъ и другой моды; поэтому они, подобно Товіадамъ, стали подражать всему греческому. Начиная съ сына Симона, Іоанна Гиркана, всѣ они, кромѣ еврейскаго имени, носятъ и греческое, на своихъ монетахъ дѣлаютъ надписи на еврейскомъ и на греческомъ языкѣ, а Аристовулу даже дали прозвище «другъ эллиновъ». И вотъ уже Іоаннъ Гирканъ отстранилъ отъ себя хмурыхъ и нетерпимыхъ книжниковъ, сыновъ закона, и окружилъ себя болѣе веселыми, жизнерадостными сынами Садока. «Саддукеи»—стали звать Асмонеевъ и ихъ сторонниковъ среди асидеевъ и народа. «А вы—фарисеи» (peruschim—обособившіеся отъ всѣхъ, «недотроги»), отвѣчали имъ саддукеи. «Все суета» говорили саддукеи. Говорятъ, что богъ все видитъ и всѣмъ управляетъ;—нѣтъ, онъ не вмѣшивается въ людскую жизнь, и люди вольны выбирать хорошее или дурное по своему усмотрѣнію. И саддукеи выбирали радость бытія, предоставляя ярмо жизни и закона «народу земли» и фарисеямъ. Фарисеи мстили саддукеямъ, постоянно возбуждая противъ нихъ народъ. Но когда возстаніе при Александрѣ Яннэѣ было потоплено въ крови, фарисеи стали искать другого способа отнять власть у недостойныхъ членовъ клира.

Въ это время четвертое царство, когда-то все уничтожавшее на своемъ пути своими желѣзными клыками, отдавало свои области одну за другою новому царству, о которомъ еще не помышлялъ авторъ книги Даніила. Это новое царство былъ Римъ. Римляне были непохожи на грековъ. Ихъ страна была тоже не изъ плодоносныхъ, но она была вообще болѣе хмурой и невеселой; поэтому

римляне, трудясь не менѣе грековъ, мало предавались фантастическимъ и поэтическимъ грезамъ и все свое вниманіе обращали на практическое дѣло. Разъ они поставили себѣ цѣль, то уже шли къ ней, не сворачивая ни налѣво, ни направо; и ихъ орелъ, покачивавшійся на знаменахъ ихъ легіоновъ, проникалъ все дальше и дальше отъ Рима и добывалъ народу римскому все новую и новую добычу. Этой добычей богатѣли римскіе откупщики, собиравшіе дань съ покоренныхъ, римскіе купцы, по знаку которыхъ разрушались до основанія старинные торговые города ихъ соперниковъ, римскіе пролетаріи, питавшіеся даровымъ хлѣбомъ изъ покоренныхъ провинцій. Римскій орелъ захватилъ Грецію, захватилъ Малую Азію и Сирію и приближался къ границамъ Іудеи. Передышка отъ ига язычниковъ приходила къ концу.

Но фарисейство не жалѣло объ этомъ. Напротивъ, фарисеямъ казалось, что на землѣ власть надъ іудеями можетъ и должна принадлежать только первосвященнику; первосвященникъ не можетъ быть свѣтскимъ властителемъ. Когда римскій полководецъ Помпей появился на границахъ Іудеи, къ нему явилось сразу три посольства: два отъ двухъ братьевъ Асмонеевъ, враждовавшихъ другъ съ другомъ изъ-за власти, и третье отъ «іудейскаго народа»; это послѣднее состояло изъ фарисеевъ. Всѣ жаловались другъ на друга и заискивали у могущественнаго императора. Помпей объявилъ, что разсудитъ ихъ въ Іерусалимѣ. Явившись туда, онъ провозгласилъ Іудею римской провинціей; Іудея стала тѣмъ же, чѣмъ была и прежде: религіозной общиной подъ чужеземнымъ игомъ. Фарисеи были довольны. Подѣломъ Асмонеямъ,—говорили они: «избралъ господь Давида въ цари надъ Израилемъ и клялся ему, что царствоего не

прекратится; но за грѣхи наши поднялись противъ насъ безбожные, грабили насъ, и не оказывали чести имени божію; тронъ Давидовъ опустошили они въ дерзкомъ высокомѣріи. И ты, господи, поднялся противъ нихъ, изгналъ изъ земли ихъ сѣмя, пославъ противъ нихъ чужеземцевъ, людей не нашего рода; по ихъ грѣхамъ воздалъ ты имъ, удѣлъ ихъ заслуженъ ими». Однако, въ народѣ и среди фарисеевъ думали, что Помпей— только орудіе въ рукахъ Ягве, посредствомъ котораго богъ наказалъ преступниковъ, опустошившихъ тронъ Давидовъ. Недолго властвовать Риму; скоро придетъ достойный наслѣдникъ Давида, Мессія, избранникъ и посланникъ самого Ягве. Онъ надѣнетъ на шею язычниковъ ярмо, и они будутъ служить ему, онъ прославитъ Ягве передъ всѣмъ міромъ, а Іерусалимъ сдѣлаетъ такимъ же чистымъ и святымъ, какимъ онъ былъ вначалѣ. Такъ утѣшали себя и народъ фарисеи, видя Помпея въ храмѣ Ягве, а римскаго орла—въ стѣнахъ Іерусалима.

Помпей былъ умнѣе сирійскихъ царей: онъ выказалъ глубокое благоговѣніе къ храму и утвердилъ устройство общины въ томъ видѣ, какъ оно было установлено закономъ Моисеевымъ; первосвященникомъ онъ сдѣлалъ Гиркана, сторонника фарисеевъ, слабаго и безвольнаго человѣка.

Такъ окончилось первое столкновеніе общины сыновъ Іуды съ европейскимъ міромъ. Встрѣча была враждебная, и хотя іудеи много заимствовали отъ новаго знакомства, но въ народной массѣ ненависть ко всему чужеземному только увеличилась. Чужеземцы всегда были друзьями властителей Іудеи, жрецовъ іерусалимскаго храма, угнетавшихъ народъ и жившихъ на его счетъ. И когда народъ помогалъ славному герою

Іудѣ Маккавею, проливая кровь свою, и народъ и Іуда трудились только надъ новымъ ярмомъ на шею тому же народу.

XVI.

Іудея въ эпоху Іисуса.

Помпей вступилъ въ Іерусалимъ въ 67 году до Рождества Христова; еще только сто лѣтъ оставалось теперь прожить Іудѣ въ той прекрасной странѣ, которую далъ ему Ягве, богъ его. Эти послѣднія сто лѣтъ прошли подъ властью римскаго орла; римляне мало вмѣшивались во внутреннія дѣла іудеевъ, предоставивъ все въ распоряженіе іерусалимскаго сангедрина (синедріона), состоявшаго изъ первосвященника и наиболѣе вліятельныхъ жрецовъ и юристовъ. Римъ заботился только объ одномъ: чтобы его новая добыча давала ему постоянный вѣрный доходъ, чтобы кесарю исправно платилось кесарево. Для іудеевъ непріятна была въ это время не столько власть самого Рима, сколько власть тѣхъ любимцевъ римскихъ кесарей, которымъ иногда поручалось управленіе Іудеей подъ титуломъ «царя іудейскаго». Такимъ «царемъ» былъ всѣмъ извѣстный Иродъ Великій, управленіе котораго оставило по себѣ плохую память среди іудейскаго народа. Иродъ, правда, отстроилъ заново, съ небывалой роскошью, іерусалимскій храмъ и этимъ очень угодилъ жрецамъ и даже фарисеямъ; онъ украсилъ новыми красивыми зданіями Іерусалимъ, который при немъ не только пересталъ походить на захолустный городокъ, но въ миніатюрѣ сдѣлался копіей такихъ столицъ міра, какъ, напримѣръ, Антіохія. Но все это дѣ-

лалось на трудовыя деньги того же народа, добывавшаго ихъ своимъ потомъ и кровью; тотъ же народъ долженъ былъ доставлять средства для безумной роскоши двора Ирода, и поэтому про Ирода составились впослѣдствіи самые нелестные разсказы. Его сравнивали съ тѣмъ египетскимъ фараономъ, который не хотѣлъ отпустить сыновъ Израиля изъ Египта и велѣлъ убивать всѣхъ младенцевъ мужского пола, чтобы народъ израильскій не размножался. Про смерть его разсказывали, что она была самая ужасная: заживо онъ началъ гнить, еще въ живомъ тѣлѣ его завелись черви, и онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Римскіе прокураторы, чиновники, присылавшіеся послѣ Ирода управлять Іудеей, были гораздо мягче и терпимѣе Ирода, хотя требовали также немало налоговъ; но все-таки они не оставили по себѣ такой дурной памяти, какъ Иродъ, этотъ порочный сынъ Эдома. Римскихъ прокураторовъ тоже не любили, но ихъ никогда такъ пламенно не ненавидѣли, какъ Ирода.

Послѣдніе сто лѣтъ жизни Іуды среди долинъ и горъ Палестины особенно интересны и для христіанъ, и для евреевъ. Въ эту эпоху, за какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ до окончательной гибели Іерусалима и второго храма, въ Палестинѣ раздалась проповѣдь Іисуса, основателя христіанской религіи. За Іисусомъ ходили толпы обездоленнаго народа; онъ былъ самымъ знаменитымъ проповѣдникомъ этого времени въ Іудеѣ; по силѣ огненнаго слова, его равняли только съ древними пророками, Исаіей и Іереміей. Послѣ распятія Іисуса на крестѣ, въ Іерусалимѣ же образовалась первая община его послѣдователей, первая община христіанъ. Она вышла изъ среды іудеевъ и жила среди іудеевъ, соблюдала

многіе іудейскіе обычаи и раздѣляла многія іудейскія вѣрованія. Поэтому и христіанамъ и всѣмъ людямъ, интересующимся происхожденіемъ христіанства, важно и интересно узнать, какъ жили іудеи во время проповѣди Іисуса, какія были тогда среди іудейства направленія и партіи, какія желанія и мечты.

Для евреевъ эта эпоха интересна потому, что она предшествуетъ гибели общины второго храма. Почему погибла община второго храма? Почему она не могла больше возродиться? Отвѣтить на эти вопросы можно будетъ опять-таки только тогда, когда передъ нами пройдетъ картина жизни Іудеи въ послѣдніе сто лѣтъ ея существованія. И еще есть одно обстоятельство, которое должно интересовать всякаго еврея, любящаго свою литературу и религію. Въ эту эпоху окончательно сложилось собраніе священныхъ книгъ ветхаго завѣта, и установились многія вѣрованія. Когда отъ дымящихся развалинъ Іерусалима и второго храма дѣти Іуды пошли въ разсѣяніе, они уже больше не могли ничего
7 творить новаго. Имъ оставалось жить только старыми пріобрѣтеніями, изучать ихъ, толковать, стараться раскрыть ихъ глубокій, сокровенный смыслъ. Кончилась община, разрушился храмъ—остались законъ, пророки и писанія, въ которыхъ послѣдующія поколѣнія іудеевъ старались найти отвѣтъ на вопросъ: доколѣ, господи? Вотъ почему такъ важенъ конецъ жизни іудейства въ видѣ организованной церковной общины.

Перенесемся же опять въ Іудею и осмотримъ ее отъ начала до конца, по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ небеснымъ. Послѣдній разъ побываемъ въ Палестинѣ, посмотримъ на ея жителей, послушаемъ ихъ рѣчи, заглянемъ въ ихъ думы, побываемъ въ домахъ ихъ собраній,

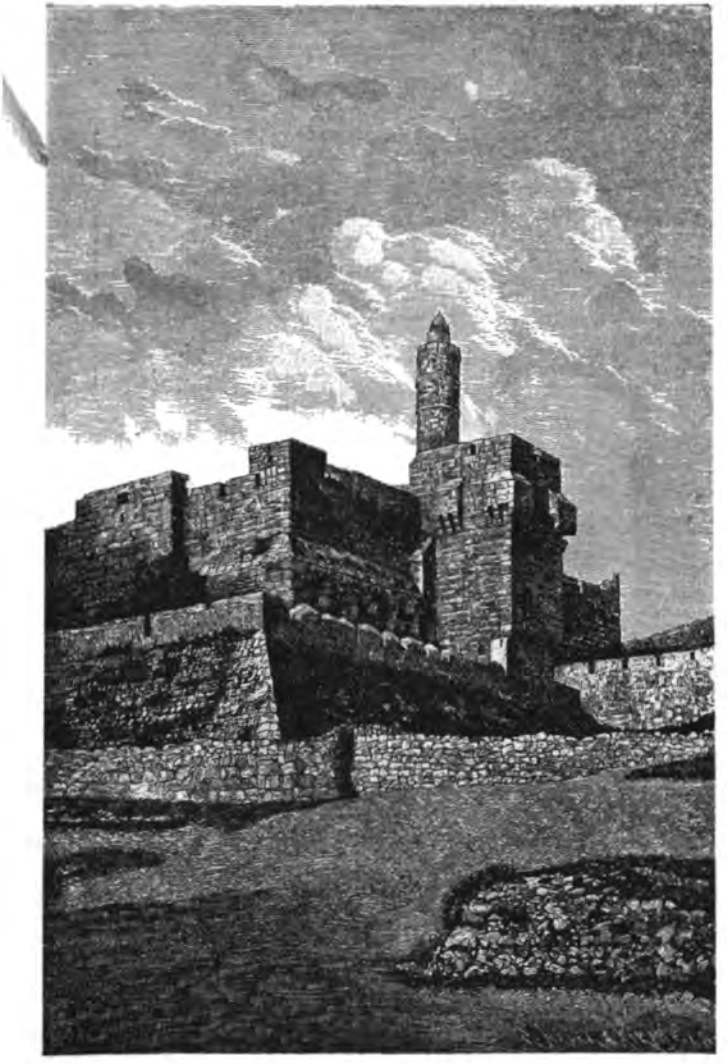
чтобы потомъ увидѣть роковой конецъ великой драмы жизни еврейскаго народа и опустить завѣсу надъ обломками его былого величія.

ЯРОСЛАВСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Съ сѣвера подходятъ и подъѣзжаютъ на верблюдахъ къ Іерусалиму пилигримы, идущіе въ храмъ на праздникъ. Тутъ и живой житель Галилеи, везущій съ собою кстати большіе запасы продуктовъ этой благословенной страны, надѣясь распродать ихъ въ Іерусалимѣ среди праздничной сутолоки; тутъ и сосредоточенные и серьезные купцы изъ Вавилона, Александріи, даже изъ Рима; они везутъ большія суммы золота и серебра, собранныя среди единоплеменниковъ, чтобъ положить ихъ въ казну храма. Всѣ они возрадовались, когда сказали: мы идемъ къ дому Ягве! Трудна и далека была дорога, по морю, по пустынѣ, по дикимъ горнымъ тропинкамъ; но вотъ подходитъ къ концу послѣдняя часть пути среди темнаго ущелья; кончается и ущелье, и передъ пилигримами развертывается панорама вѣчнаго города. И среди пилигримовъ раздается радостная пѣснь:

Стопы наши у воротъ твоихъ, о Іерусалимъ!
Іерусалимъ, вновь отстроенный Іерусалимъ,
Куда стекаются племена, племена Ягве, по закону Израиля,
Возблагодарить имя Ягве!
Тамъ стоялъ престолъ суда, престолъ дома Давида!
Молите же о мирѣ для Іерусалима! Пусть покой будетъ тѣмъ, кто любитъ тебя,
Пусть миръ будетъ твоимъ стѣнамъ, покой твоимъ башнямъ!..

Передъ пилигримами высятся высокія стѣны города, выстроенныя Иродомъ, съ ихъ тремя огромными башнями, названными Фазаель, Гиппикъ и Маріамна;



Башня Гиппикъ. Современный видъ.

а за этими тремя великанами, охраняющими подступъ къ дворцу Ирода *), высятся нѣсколько десятковъ башенъ поменьше. Не скоро возьметъ врагъ Іерусалимъ, если вздумаетъ осадить святой городъ. Черезъ Геннатскія ворота пилигримы входятъ въ городъ и узкими кривыми улицами идутъ въ восточную часть города, гдѣ находился храмъ, только что разукрашенный Иродомъ. Пилигримы слышали въ дорогѣ, что еще не всѣ работы кончены, еще осталось додѣлать немало новыхъ затѣй и выдумокъ капризнаго царя. Вотъ глубокая разсѣлина, отдѣляющая западную частъ города отъ его восточной стороны; и тамъ, на высокомъ холмѣ, блеститъ на солнцѣ золотомъ и мраморомъ храмъ.

Пилигримы, впервые попавшіе въ Іерусалимъ, останавливаются передъ зрѣлищемъ храма въ изумленіи и недоумѣніи. Они читали въ книгахъ описаніе соломонова храма и думаютъ, что если бы этотъ старый мудрый царь возсталъ изъ могилы, онъ удивился бы не менѣе, чѣмъ они. «Какіе камни, какія зданія»—въ упоеніи восклицали наивные галилеяне, никогда не видавшіе ничего подобнаго. А іудеи изъ діаспоры гнѣвно хмурились. Имъ было ясно, что то самое язычество, которымъ они были окружены въ мѣстахъ своего жительства, проникло и сюда, въ святое-святыхъ іудейской вѣры.

Кругомъ всѣхъ четырехъ стѣнъ храма шли колоннады съ колоннами въ самомъ вычурномъ греческомъ стилѣ; только орнаментъ на капителяхъ колоннъ изъ роговъ барана былъ превращенъ въ растительный, въ листья и плоды. Всего пышнѣе и величественнѣе была колоннада съ южной стороны, съ которой былъ главный входъ

*) См. планъ Іерусалима (стр. 93), *е*.

во дворъ храма. Тутъ стояли четыре ряда колоннъ, чрезъ которые посѣтители храма попадали во дворъ храма. Въ первый дворъ взойти могъ всякій, даже язычникъ; такъ дворъ этотъ и назывался «дворомъ язычниковъ». Богомольцы, приходившіе на праздникъ, видѣли тутъ и римскихъ солдатъ, стоявшихъ здѣсь всегда во время большого стеченія народа и готовыхъ каждую минуту пустить въ ходъ свои мечи и копья. Но за этимъ дворомъ шелъ другой дворъ, считавшійся уже частью храма. Внутренняя стѣна окружала его и храмъ, соединяя ихъ въ одно цѣлое; а надъ воротами была вырѣзана надпись на греческомъ языкѣ: «ни одному чужеземцу не входить внутрь ограды святилища; а кто будетъ схваченъ, пусть винитъ самъ себя, ибо за это слѣдуетъ смерть». Во внутреннемъ дворѣ была поперечная стѣна, отдѣлявшая западную часть двора, доступную только для мужчинъ, и восточную, въ которую могли входить и женщины. Стѣны блистали мраморомъ и лѣпными украшеніями въ греческомъ стилѣ. Внутри храма, въ святилищѣ и святомъ-святыхъ, Иродъ не осмѣлился ввести греческихъ новшествъ. Но зато вся утварь теперь была сдѣлана, дѣйствительно, изъ чистаго золота, какъ мечтали когда-то тѣ жрецы, которые составляли описаніе священной скиніи въ пустынѣ. Особенно огромныхъ размѣровъ былъ золотой семисвѣчникъ. Когда Іерусалимъ былъ окончательно разрушенъ римлянами, всю добычу въ томъ числѣ и сосуды храма, несли за тріумфальной колесницей побѣдителя Тита; золотой семисвѣчникъ несли тогда шесть человѣкъ!

Въ новомъ храмѣ и люди и порядки были непохожи на то, что было въ старомъ. На дворахъ храма шла оживленная торговля: каждому богомольцу, пришедшему на

поклонъ храму, нужно было принести немало жертвъ за грѣхи и нарушенія закона, заплатить немало штрафовъ, и поэтому на дворахъ храма располагались со своими столами и палатками всякіе торговцы. Больше всего было торговцевъ мелкимъ скотомъ и мелкой птицей, такъ какъ жертвы за вину и за грѣхъ приносились ягнятами, телятами, голубями, горлицами и т. д. Все это мохнатое и пернатое царство тутъ же ревѣло, мычало, клохтало, ворковало съ необыкновеннымъ усердіемъ, какъ будто предчувствуя свою горькую и близкую участь. Рядомъ съ торговцами располагались мѣнялы, размѣнивавшіе различныя деньги, приносившіяся изъ разныхъ странъ богомольцами, на священные іерусалимскіе шекели, которые только и принимались въ уплату храмовой подати и штрафовъ. Тутъ же расхаживали левиты въ своихъ длинныхъ полотняныхъ одѣяніяхъ, осматривая выбранныхъ для жертвы животныхъ; они наблюдали, чтобы жертвенное животное во всемъ соотвѣтствовало требованіямъ закона, и потомъ шли вмѣстѣ съ приносящимъ жертву къ жрецу. Левиты были всѣ уже немолодые люди; только достиг-

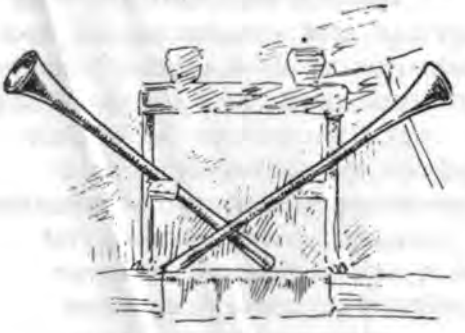
Золотой семисвѣчникъ.

шіе тридцатилѣтняго возраста допускались къ исполненію левитскихъ обязанностей. Свысока они смотрѣли на всѣхъ мірянъ, приходившихъ въ храмъ, хотя сами были только помощниками жрецовъ, дѣлали за нихъ всю черную работу: убивали жертвенное животное, сдирали съ него шкуру, вынимали внутренности. Они гордились, что ихъ предки были знатные левиты, вышедшіе изъ Вавилона. «Насъ только три рода», говорили они: «одни отъ Герсона, другіе отъ Кааѳа, третьи отъ Мерари». И на многихъ простяковъ эта кичливая родословная дѣйствовала очень внушительнымъ образомъ; простякъ кланялся и говорилъ: «господинъ мой...»

Приносили жертву жрецы на большомъ жертвенникѣ, стоявшемъ передъ храмомъ, во внутреннемъ дворѣ. Жрецы были солидные люди, съ медленной походкой, съ скучающими взорами; по привычкѣ, не думая, а иногда даже не глядя, дѣлали они свое привычное, давно надоѣвшее имъ дѣло, смѣняясь по очередямъ каждую субботу. Для священнодѣйствія надѣвали они съ ногъ до головы особыя облаченія. На ноги надѣвали короткіе, едва доходившіе до колѣнъ, тонкіе полотняные штаны снѣжной бѣлизны; затѣмъ надѣвали длинную до пятъ, полотняную одежду, съ узкими рукавами, застегивавшуюся на груди. Рубашка охватывалась поясомъ, тоже полотнянымъ, но его украшали вышитыми или вытканными узорами пурпуроваго, шарлаховаго и гіацинтоваго цвѣта; поясъ этотъ яркой пестрой лентой выдѣлялся на бѣлоснѣжномъ фонѣ остальныхъ принадлежностей жреческой одежды. На головѣ была бѣлая же шапочка, въ родѣ теперешняго тюрбана. Облачившись и вымывъ въ мѣдной чашѣ, стоявшей около жертвенника, руки и ноги, жрецъ былъ готовъ къ служенію.

Утромъ и вечеромъ жрецы должны были совершать тамидъ, ежедневное всесожженіе отъ имени всей общины; этимъ актомъ начиналась и кончалась дневная работа жрецовъ. Еще до разсвѣта, въ ночной тишинѣ начинались приготовленія къ дневному служенію. Очередное отдѣленіе жрецовъ, служившее свою недѣлю въ храмѣ, не выходило изъ него: для жрецовъ была устроена спальня во внутреннемъ дворѣ храма. Рано поднимались они, не зажигая огня, и выходили къ жертвеннику, красноватый огонь котораго освѣщалъ небольшое пространство вокругъ; какъ таинственныя тѣни, двигались въ мерцаніи жертвеннаго огня жрецы, совершая подготовительныя церемоніи: облачались, мыли руки и ноги въ мѣдномъ умывальникѣ, подбрасывали свѣжія полѣнья въ огонь жертвенника, раздувая неугасимое пламя. Затѣмъ бросали жребій, кому что дѣлать: кому печь ежедневную мучную жертву отъ первосвященника, кому очищать жертвенникъ, кому приносить тамидъ, кому смотрѣть за свѣтильникомъ, за курительнымъ жертвенникомъ, кому приносить мучную жертву, кому вино. Все это дѣлалось въ темнотѣ, потому что какъ только забрезжитъ утренняя заря, нужно было уже приступить къ сложной и кропотливой церемоніи тамида. Какъ только занималась заря, шли въ овчарню, находившуюся тоже при храмѣ, и вели оттуда ягненка для тамида. Животное жалобно блеяло, предчувствуя свою участь; но жрецы считали его участь завидною—великая честь быть принесеннымъ въ жертву Ягве отъ имени всей общины! Съ нимъ обращались, какъ со святыней, и давали послѣдній разъ въ жизни пить изъ особой золотой чаши. Тѣмъ временемъ изъ кладовой приносили 93 сосуда, необходимыхъ для принесенія тамида. Животное закалывали, сдирали

съ него шкуру, и разсѣкали на шесть кусковъ; каждый кусокъ несъ къ жертвеннику особый жрецъ, седьмой жрецъ несъ мучную жертву, восьмой—испеченный пирожокъ въ жертву, девятый—чашу съ виномъ въ жертву—полный пиръ для Ягве. Тѣмъ временемъ пять жрецовъ, занятые приведеніемъ въ порядокъ святилища, кончали тамъ свою работу, выходили къ жертвеннику и также выстраивались передъ нимъ. По данному знаку левиты и пѣвцы начинали пѣніе: «Слушай, Израиль! Господь богъ твой, Господьодинъ!» Исполнялась sch'ma и нѣкоторые псалмы, играли на серебряныхъ трубахъ, а народъ, собиравшійся въ это время къ утреннему богослуженію, падалъ ницъ. Подъ звуки пѣнія и музыки божеству приносилась жертва, и такая же жертва повторялась тѣмъ же порядкомъ вечеромъ. Куски жертвеннаго животнаго клали одинъ



Серебряныя трубы.

за другимъ въ огонь и сжигали ихъ, или «курили», какъ тогда говорили; за ними на жертвенникъ сыпалась мука, клали хлѣбъ и возливали вино. А въ святилищѣ, на курительномъ жертвенникѣ, зажигали ѳиміамъ, и его ароматныя волны были страннымъ контрастомъ съ чад-

нымъ дымомъ, разстилавшимся по сырому утреннему воздуху отъ жертвы всесожженія.

Среди дня было также немало дѣла. Если былъ праздникъ, то число всесожженій удваивалось и утраивалось; но и въ будни и въ праздники приходилось приносить искупительныя жертвы за грѣхи и за вину и благодарственныя жертвы частныхъ лицъ. Съ искупительной жертвы сдирали шкуру, вынимали жиръ, и жрецы курили на алтарѣ этотъ жиръ; а мясо шло жрецамъ, левиты брали себѣ только шкуру или перья и пухъ. Только мясо благодарственной жертвы отдавалось жертвующимъ, и они могли его съѣсть сами. Удовлетворивъ всѣхъ богомольцевъ, жрецы уходили со двора, наполненнаго чаднымъ дымомъ отъ сжигавшагося на жертвенникѣ сырого мяса и жира, въ святилище. Въ святилище могли входить только жрецы; простой людей не могъ заглянуть туда и узнать, что тамъ дѣлается, исполняется ли все, какъ надо по закону, или жрецы предаются тамъ только отдохновенію, относясь къ своимъ обязанностямъ небрежно.

Жрецовъ видѣли всѣ и видали часто. Но первосвященникъ, глава всей общины, показывался рѣдко. Онъ не обязанъ былъ приносить обычныя и праздничныя жертвы; даже свою жертву, жертву хлѣбомъ, онъ поручалъ приносить жрецамъ. Только разъ въ годъ обязательно онъ показывался народу и приносилъ самъ жертву за весь народъ—въ великій день очищенія. На этотъ праздникъ собиралось всегда очень много народа, и тогда этого намѣстника Ягве навѣрное, можно было увидѣть и сразу узнать по одѣянію, отличавшему его отъ всѣхъ прочихъ жрецовъ. Среди бѣлаго роя жрецовъ его нарядъ выдѣлялся красно-голубымъ пятномъ:

верхняя одежда была расцвѣчена краснымъ и голубымъ пурпуромъ, поясъ былъ сдѣланъ изъ золотыхъ нитей, переплетеныхъ съ голубыми и красными пурпуровыми нитями, на груди была повязка съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, на которыхъ были вырѣзаны имена двѣнадцати колѣнъ Израйлевыхъ и зашиты уримъ и туммимъ, нѣмой остатокъ сѣдой старины; на головѣ была золоченая дорогая митра, на передней сторонѣ которой блестѣла дощечка изъ чистаго золота съ вырѣзанными словами: qodesch lejahweh—«посвященъ Ягве». Окруженный роемъ жрецовъ и левитовъ, въ дыму ѳиміама, при пѣніи псалмовъ и при звукахъ музыки, являлся онъ и благословлялъ свое стадо. И какъ много было овецъ въ томъ стадѣ, которыя слѣпо вѣрили ему и свято соблюдали всѣ велѣнія обрядового закона; и какъ мало на посту первосвященника было лицъ, приступавшихъ къ своему служенію съ такою же горячей и наивной вѣрой, какую проявляла народная толпа! Гордостью и самодовольствомъ вѣяло отъ властителей іерусалимскаго храма. Жрецы сочувствовали саддукеямъ, были сами саддукеями. Законъ Моисеевъ, который давалъ имъ власть и благосостояніе, былъ для нихъ всѣмъ; они говорили даже, что міръ сотворенъ богомъ ради закона. Презрительно смотрѣлъ іерусалимскій клиръ и на народъ и на фарисеевъ, считалъ бреднями вѣру въ воскресеніе мертвыхъ и въ ангеловъ, которую раздѣляли съ простымъ народомъ и фарисеи. Эта вѣра имъ была не нужна; они и на томъ свѣтѣ имѣли награду свою.

Оставимъ храмъ и пройдемся по Іерусалиму и по другимъ городамъ. Мы найдемъ тамъ два учрежденія, пользующіяся особымъ почетомъ и заботою: школу и синагогу. Въ школѣ дѣти всѣхъ слоевъ іудейскаго об-

щества получали грамотность; іудеи могли похвалиться, что грамотность у нихъ была всеобщая. Но заглянемъ

Первосвященникъ. Рембрандтъ.

въ школу и послушаемъ, чему тамъ учатъ. Сидитъ на полу учитель, вооруженный длинной палкой; вокругъ

него на полу по восточному обычаю разсѣлись ученики. Учитель монотонно читаетъ по книгѣ, и ученики по его указкѣ повторяютъ, а невнимательные и нерадивые получаютъ той же указкой удары. «Четырехъ родовъ бываютъ ученики», говаривали тогдашніе учителя: «губка, воронка, цѣдилка и сито. Губка всасываетъ все; воронка съ одной стороны принимаетъ, а съ другой выпускаетъ; цѣдилка выпускаетъ вино и удерживаетъ гущу; сито выпускаетъ худшую часть муки и удерживаетъ лучшую». Если мы вслушаемся въ то, что преподаетъ учитель, то увидимъ сейчасъ же, какъ трудно было іудейскому ученику стать ситомъ. Преподавали не живой арамейскій языкъ, а мертвый языкъ закона и пророковъ; читали ученикамъ и заставляли ихъ повторять законъ. Жрецы и учителя говорили, будто еще Моисей сказалъ: «и дѣти должны изучать главныя заповѣди закона; ученіе—дѣло доброе и открываетъ путь къ счастію... Кто пріобрѣтаетъ знаніе закона, тотъ пріобрѣтаетъ будущую жизнь...» Значитъ, въ школѣ учителя сообщали знанія, нужныя не для повседневной практической жизни, а для соблюденія закона. Всякій съ малолѣтства долженъ знать законъ и умѣть соблюдать его; а чуть у юноши пробьется пушокъ, для него обязательно уже соблюденіе всѣхъ заповѣдей закона. Обученіе закону считалось дѣломъ, въ которомъ заинтересована вся община; поэтому начальная школа содержалась на общественный счетъ. И убѣжденіе въ пользѣ и необходимости знанія закона такъ глубоко внѣдрилось въ душу іудейства, что до сихъ поръ еще въ современныхъ хедерахъ, т.-е. въ начальныхъ школахъ для еврейскихъ дѣтей, ихъ учатъ, прежде всего, древнееврейскому языку и заставляютъ выучивать наизусть главнѣйшіе отрывки изъ закона.

Учителя, преподававшіе въ народной школѣ, «раввины», какъ ихъ называли, кончали высшую школу, раввинскую школу. Посмотримъ, что это была за школа. Вотъ маленькій городокъ Виѳанія, недалеко отъ Іерусалима. Въ Виѳаніи есть начальная школа, а раввинской школы здѣсь нѣтъ. Раввинскія школы есть только въ большихъ городахъ, гдѣ есть знаменитые книжники «толкователи отеческихъ законовъ», «учителя закона»; въ эпоху Іисуса самыми знаменитыми книжниками были Гиллель и Шаммай. Книжникъ, содержавшій раввинскую школу и учившій тамъ будущихъ раввиновъ, долженъ былъ отличаться самымъ пунктуальнымъ знаніемъ закона и пророковъ. Спросите его, когда угодно, гдѣ находится такое-то изреченіе, на какомъ столбцѣ свитка Торы—и онъ сейчасъ же безъ запинки вамъ отвѣтитъ; можно спросить и наоборотъ, какія изреченія находятся на такомъ-то столбцѣ священнаго свитка, и вы также сейчасъ же получите точный отвѣтъ. И своихъ учениковъ книжники учили быть такими же знатоками. Все ихъ преподаваніе состояло изъ двухъ частей: во-первыхъ, каждый разъ повторялось наизусть все пройденное, и во-вторыхъ, разучивалось писаніе дальше. И ученики, попавшіе въ раввинскую школу, чувствовали себя необыкновенно счастливыми. «Благодарю тебя, господи боже мой, что ты далъ удѣлъ мнѣ среди посѣщающихъ школу, а не среди сидящихъ на улицѣ: я встаю рано, и они встаютъ рано, но я встаю рано для занятій закономъ, а они — для занятія глупостями; я тружусь—и они трудятся, но я за свой трудъ получу награду, а они трудятся попусту; я спѣшу, и они спѣшатъ; но я спѣшу къ жизни вѣка грядущаго, а они—къ погибели».

Но вотъ мы видимъ, что въ раввинскую школу входитъ новое лицо, по виду своему непохожее на ученика. Вошедшій уже немолодъ, и по его одеждѣ видно, что это человѣкъ состоятельный. Съ поклономъ обращается онъ къ раввину и спрашиваетъ его: «была суббота, и пала у меня скотина; я не зналъ, можно поднять ее въ субботу, или нѣтъ, потому что ничего не сказано въ законѣ объ этомъ». Раввинъ задумывается и черезъ нѣкоторое время, задавая самому себѣ вопросы вслухъ и отвѣчая на нихъ, выводитъ заключеніе, что поднимать скотину, павшую въ праздникъ, нельзя. Пришедшій кланяется, платитъ за совѣтъ деньги и уходитъ, а ученики записали уже всѣ разсужденія учителя. Входитъ другой, по виду купецъ, и спрашиваетъ: «торгую я плодами и виномъ; есть у меня покупатели изъ язычниковъ; что могу я продавать имъ и что нѣтъ?» Раввинъ думаетъ и опять въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ даетъ разъясненіе: нельзя продавать язычникамъ ничего такого, что язычникъ можетъ употребить въ жертву богамъ, чтобы даже косвеннымъ образомъ не участвовать въ языческомъ культѣ; значитъ, нельзя продавать кедровыхъ орѣховъ, смоквъ, финиковъ, благовонной ливанской смолы, бѣлаго пѣтуха, даже не всегда можно продавать вино. Въ другой раввинской школѣ мы можемъ встрѣтить и жреца, спрашивающаго, можно ли молиться и приносить жертвы по просьбѣ язычника, хотя проситель и не обратился еще въ іудейство, или насчетъ какой-нибудь тонкой подробности совершенія культа. А въ Галилеѣ въ раввинскую школу ввалится иной разъ толпа загорѣлыхъ плотниковъ, гремя своими инструментами и оживленно жестикулируя. Нанялъ ихъ,—разсказываютъ они,—грекъ, строить себѣ усадьбу; условія хорошія,

только какъ законъ насчетъ этого. Раввинъ объясняетъ, что строить можно, но только до тѣхъ поръ, пока стѣны не дойдутъ до «авода зара», т.-е. пока не дойдутъ стѣны до карниза, гдѣ обыкновенно дѣлались лѣпныя украшенія, изображавшія сцены изъ миѳологическихъ разсказовъ. «А если заставитъ онъ васъ строить ристалище, или базилику, или эшафотъ, то совсѣмъ нельзя». Огорченные плотники уходили: кто изъ язычниковъ возьметъ ихъ на такихъ условіяхъ?—а вѣдь язычники такъ хорошо платятъ. Бывало и такъ: одинъ раввинъ рѣшитъ сомнѣніе, но спрашивавшему совѣтъ не нравится; идетъ онъ къ другому раввину, тотъ рѣшаетъ иначе и вызываетъ перваго раввина на диспутъ. Диспутъ происходитъ публично, въ присутствіи учениковъ и стороннихъ слушателей. Всѣ отвѣты раввиновъ и ихъ диспуты записывались, и ими руководились въ затруднительныхъ случаяхъ. Такъ начала составляться Мишна, первая книга толкованій на законъ Моисеевъ.

Низкіе поклоны, которыми привѣтствовали знаменитыхъ книжниковъ люди, послѣ всего сказаннаго не будутъ удивлять насъ. Кто, какъ не они, зналъ законъ, вводящій въ жизнь и дающій спасеніе? Кто, какъ не они, могъ дать совѣтъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, когда нѣтъ прямыхъ указаній въ законѣ? Кто, какъ не они, могъ разъяснить, что дѣлать, когда законъ выставляетъ такое требованіе, которое теперь, четыреста лѣтъ спустя послѣ составленія закона, невозможно исполнить съ буквальною точностью. «Ты намъ дороже отца», говорили ученики раввину. Если отецъ и учитель попадутъ въ плѣнъ, то сначала надо выкупить учителя, а потомъ отца. Если потеряютъ что-нибудь отецъ и учитель, то сначала надо найти то, что потерялъ учитель,

а потомъ то, что потерялъ отецъ. Книжники были настолько авторитетны, что безъ нихъ не могли обойтись даже жрецы, засѣдавшіе въ іерусалимскомъ синедріонѣ. Жрецы хорошо знали всѣ богослужебные законы и обычаи, но синедріону приходилось рѣшать самыя разнообразныя уголовныя и гражданскія дѣла. И тутъ безъ книжниковъ жрецы ничего не могли бы подѣлать. И жрецы приглашали самыхъ знаменитыхъ книжниковъ засѣдать въ синедріонѣ на правахъ полноправныхъ членовъ. Настолько нуждались всѣ въ книжникахъ, такъ много всегда было у нихъ учениковъ и вопрошателей, что профессія книжника была очень выгодна. Законъ кормилъ ихъ такъ же, какъ и жрецовъ. Многіе отцы мечтали вывести своихъ сыновей въ книжники. «Я оставляю всѣ ремесла въ мірѣ и учу сына только Торѣ», говорилъ одинъ іудей, «ибо человѣкъ пользуется отъ нея наградою въ этомъ мірѣ, а главное воздаяніе получаетъ въ томъ». Заболѣетъ ремесленникъ—не можетъ уже работать, и долженъ голодать; а Тора не такова, всегда вознаградитъ въ юности и дастъ надежду въ старости.

И книжники-раввины, изучившіе законъ для практической выгоды, и книжники, изучившіе законъ для спасенія своей души, принадлежали къ партіи фарисеевъ и старались выдѣлиться изъ среды всѣхъ остальныхъ іудеевъ строжайшимъ соблюденіемъ закона. Фарисеи гордо выступали въ сознаніи своей святости, окидывая презрѣніемъ всѣхъ попадавшихся навстрѣчу простыхъ людей. «Мы—chaberim (товарищи) по чистотѣ и святости—а вы кто? Вы—am haarez, народъ земли; куда вамъ подняться отъ земли до вершинъ нашего благочестія?» Они говорили, что только они и спа-

сутся, потому что только они соблюдаютъ законъ до послѣдней буквы; вѣдь достаточно иной разъ нарушить только букву, и уже будешь нечистымъ и не спасешься; «народъ земли» не многимъ чище язычниковъ. И раввины учили такъ: «кто желаетъ быть chaber'омъ, тотъ не долженъ продавать народу земли ни влажнаго, ни сухого, ни покупать у него, ни ходить къ нему въ гости, ни принимать его у себя въ его платьѣ, ибо одежда народа земли нечиста для фарисеевъ». Но многіе видѣли, что фарисеи, гордые строгимъ соблюденіемъ закона, вовсе ужъ не такіе праведники, какими они себя считали. Огромное большинство предписаній закона касалось обрядовъ; соблюдать обрядъ было главнымъ дѣломъ. И фарисеи строго соблюдали постановленія о субботѣ, о жертвахъ, всякій грѣхъ замаливали постомъ и жертвами,—и въ то же время въ житейскомъ обиходѣ жестоко притѣсняли «народъ земли». Иные изъ фарисеевъ были землевладѣльцами и раздавали свои земли въ аренду крестьянамъ, такъ называемымъ арисамъ, за аренду требовали половину или даже двѣ трети урожая, и потому арисъ никогда не выходилъ изъ долговъ и вѣчно сидѣлъ на землѣ одного и того же владѣльца. А другіе книжники, засѣдавшіе въ синедріонѣ, часто постановляли несправедливыя рѣшенія въ пользу вліятельныхъ, но неправыхъ людей, и безжалостно расправлялись со всѣми попытками народнаго протеста. И немудрено, что когда Іисусъ провозгласилъ: «горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры», за нимъ пошли толпы народа, ожидая, что онъ, какъ мессія—царь іудейскій, поведетъ ихъ на борьбу противъ насилія и неправды.

Уйдемъ же скорѣе отъ жрецовъ и законниковъ, душ-

но намъ въ ихъ средѣ. Заглянемъ лучше въ синагогу, гдѣ проповѣдывалъ Іисусъ, гдѣ могъ проповѣдывать всякій желающій, даже ребенокъ. Въ каждомъ городѣ была синагога; если гдѣ нѣтъ синагоги, то такое селеніе уже не считалось городомъ. Въ субботній день собирались въ синагогу и старый и малый; смотритель синагоги приготовлялъ къ этому времени помѣщеніе, тщательно вычистивъ и прибравъ его; выставлялъ каѳедру и на нее клалъ свитки Торы и пророковъ, вынувъ ихъ изъ шкапа, гдѣ они обыкновенно хранились. Собирался народъ, и прежде всего кто-либо изъ присутствовавшихъ, знавшихъ грамоту и законъ, читалъ sch'ma, неизмѣнную молитву sch'ma, въ которой настойчиво твердилось одно: помните законы, соблюдайте законы, лишь тогда будетъ благо. Затѣмъ кто-либо изъ присутствующихъ, знавшихъ законъ и пророковъ, раскрывалъ свитки и читалъ по нимъ отрывокъ изъ писанія, а потомъ говорилъ по поводу прочитаннаго поученіе и проповѣдь. И опять-таки проповѣдниками чаще всего были тѣ же раввины и книжники, ибо кто, кромѣ нихъ, зналъ писаніе и умѣлъ говорить? Какія же проповѣди произносили раввины? До насъ дошелъ цѣлый трактатъ изреченій знаменитыхъ раввиновъ. Есть тамъ много нравственныхъ сентенцій, повторяющихся и въ евангеліяхъ; есть много мудрыхъ практическихъ совѣтовъ; но болѣе всего и настойчивѣе всего и эти изреченія твердятъ о законѣ. «Каковъ прямой путь, который долженъ избрать себѣ человѣкъ? Будь внимателенъ къ легкой заповѣди, какъ къ очень важной, ибо ты не знаешь награды, полагающейся за тѣ и за другія... Имѣй въ виду три вещи, и ты не впадешь въ грѣхъ: знай, что надъ тобой око видящее и ухо слышащее, и что всѣ дѣла твои записываются въ книгу». «Семь казней грозятъ

міру за семь важныхъ прегрѣшеній: если одни отдѣляютъ десятину, а другіе не отдѣляютъ, то приходитъ голодъ отъ засухи; если никто не отдѣляетъ десятины, приходитъ голодъ отъ непріятельскаго нашествія и засухи; если никто не отдѣляетъ возношенія, то приходитъ голодъ истребительный; моръ приходитъ на міръ за то, что не преданы правосудію преступленія, караемыя смертью по Торѣ; война приходитъ на міръ за медленное судопроизводство, за извращеніе суда и за несогласное съ преданіемъ преподаваніе Торы; дикіе звѣри приходятъ на міръ за ложныя клятвы и оскверненіе имени божія; изгнаніе приходитъ на міръ за идолопоклонство, развратъ, убійство и несоблюденіе покоя въ субботній день». Слушали эти рѣчи слушатели и думали: все они соблюдаютъ по мѣрѣ силъ и возможности, а жить съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе, и нѣтъ просвѣта. У книжниковъ и на это былъ готовый отвѣтъ изъ писанія, изъ знаменитой книги Даніила и изъ сказаній о мученіяхъ праведниковъ во время гоненій Антіоха Епифана. «Твой Работодатель (т.-е. самъ богъ) надеженъ, онъ заплатитъ тебѣ за трудъ твой; знай, воздаяніе праведникамъ въ будущемъ вѣкѣ, послѣ воскресенія мертвыхъ». И бѣда была, если бы кто-нибудь сталъ возражать раввинамъ и опровергать ихъ доводы, или пересталъ соблюдать законъ. Городскіе старѣйшины, завѣдывавшіе и синагогой, сейчасъ отлучили бы его отъ синагоги, и это было бы страшнымъ наказаніемъ. Человѣкъ, отлученный отъ синагоги, считался изгнаннымъ изъ общины сыновъ Израилевыхъ и становился въ совершенно безправное положеніе, былъ внѣ закона. Іудейскій законъ его уже не защищалъ, потому что онъ былъ исключенъ изъ общины; а римскій законъ его тоже не защищалъ, потому

что онъ не былъ римскимъ гражданиномъ. Такой человѣкъ быстро разорялся и даже рисковалъ своею жизнью: какой будетъ отвѣтъ убійцѣ человѣка, стоящаго внѣ закона? И въ синагогѣ, значитъ, мы не уходимъ изъ

За свиткомъ Торы. Л. Крестинъ.

среды законниковъ, и синагогу они превратили въ домъ поученія закону.

Не всѣ, конечно, книжники и фарисеи были лицемѣрами; было среди нихъ немало и такихъ людей, которые искренно и тепло вѣрили въ бога Израиля и въ великую будущность іудейскаго народа, и теперешній

тяжелый строй жизни считали только трудной школой, которую надо пройти, чтобы получить обѣщанную награду. Законъ, какъ учитель, бичуетъ человѣка-ученика; зато, когда человѣкъ пройдетъ школу, онъ уже будетъ вполнѣ счастливъ. Есть нѣсколько именъ знаменитыхъ раввиновъ, которые стяжали себѣ широкую славу, своей ученостью и правдолюбіемъ не только среди іудеевъ, но и среди христіанъ; таковы Гамаліилъ, учитель апостола Павла, Гиллель, Шаммай. Не всѣ говорили, какъ Бенъ Багъ-Багъ: «ворочай Тору, переворачивай ее, ибо все въ ней; гляди въ нее, сѣдѣй и дряхлѣй въ ней, и отъ нея не трогайся, ибо лучшаго, чѣмъ она, у тебя ничего нѣтъ». Другіе, напротивъ, говорили иной разъ не совсѣмъ то, что можно найти въ Торѣ. «Око за око, зубъ за зубъ»,— говорила книга завѣта, а Самуилъ Малый говорилъ: «не радуйся, когда упадетъ врагъ твой, и да не веселится сердце твое, когда онъ споткнется». «Люби работу, ненавидь господство и не льни къ властямъ»,—говорилъ Шемаія. «Не желай другому того, чего не желаешь себѣ», говорилъ Гиллель. Но все-таки надо сказать, что такихъ книжниковъ было меньшинство; большинство погрязло въ мелочахъ обрядоваго благочестія.

Книжники были самыми образованными людьми среди тогдашняго іудейства. Они, кромѣ изученія закона, сдѣлали еще одну работу, трудную и важную, за которую должны благодарить ихъ всѣ образованные люди. Они любили свою родную литературу, тщательно собирали всѣ произведенія ея и изслѣдовали ихъ. Что казалось имъ важнымъ и нужнымъ для вѣры и закона, то они рекомендовали всѣмъ читать и изучать. Такъ собрали они ко времени Іисуса вторую часть еврейской библіи, называемую «пророками» (первая часть была

законъ, Тора). Этимъ именемъ они назвали вторую часть библіи потому, что считали всѣ книги ея написанными различными пророками. Сюда вошли: книга Іисуса Навина, описывающая завоеваніе земли Ханаанской, книга Судей, излагающая разсказы о судьяхъ, книги Самуила и Царей, разсказывающія исторію израильскихъ царствъ до разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ. Всѣ эти книги были написаны въ концѣ существованія іудейскаго царства или въ вавилонскомъ плѣну. Потомъ шли собственно пророческія книги: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и двѣнадцати малыхъ пророковъ, въ томъ числѣ трехъ пророковъ послѣ плѣна, Аггея, Захаріи и Малахіи. «Законъ и пророки» считались священными книгами; все, что въ нихъ написано, считалось написаннымъ не людьми, а самимъ богомъ чрезъ посредство Моисея и другихъ пророковъ. Но кромѣ закона и пророковъ, было еще много другихъ книгъ. Книжникамъ пришлось положить немало труда на ихъ изслѣдованіе и сортировку. Было множество псалмовъ, составлявшихся въ разное время разными лицами. Книжники выбрали изъ нихъ 150 наиболѣе употребительныхъ и любимыхъ псалмовъ, снабдили ихъ примѣчаніями о томъ, кто могъ ихъ составить, и на какой мотивъ ихъ надо пѣть, и составили священную книгу псалмовъ. Авторами большей части псалмовъ они считали Давида и его пѣвцовъ, Асафа, Гемана, Іедутуна и сыновъ Кора. Но кромѣ этихъ псалмовъ, вошедшихъ въ библію, было много другихъ; одинъ сборникъ псалмовъ, приписываемыхъ Соломону, сохранился даже до насъ, въ греческомъ переводѣ. Собрали изреченія мудрыхъ людей и пословицы и составили изъ нихъ книгу Притчей, которую приписали знаменитому мудрецу Соломону. Затѣмъ собирали другія книги, имѣвшія по-

учительный характеръ: книгу Іова, книгу Руѳь, книгу Есѳирь, книгу Проповѣдникъ (Екклесіастъ), книгу Даніила. Такъ постепенно, отбирая изъ позднѣйшей іудейской литературы лучшія произведенія, «писанія», они составляли третью часть еврейской библіи, которая такъ и слыла подъ названіемъ писаній. Эта ученая работа была очень труднымъ и важнымъ дѣломъ, и мы теперь можемъ сказать, что книжники справились съ ней хорошо: если мы сравнимъ книги, вошедшія въ третью часть еврейской библіи, съ тѣми произведеніями іудейской литературы, какія не вошли, то мы увидимъ, что, за немногими исключеніями, книжники отбирали, дѣйствительно, лучшее и отбрасывали худшее. Въ окончательный же видъ еврейскую библію привело позднѣйшее поколѣніе книжниковъ, послѣ гибели Іерусалима.

Жертвы и книги какъ будто заполняли собою всю жизнь верховъ іудейскаго общества. Жрецы и книжники не любили спускаться внизъ и смотрѣть, что дѣлается среди народа земли, какъ онъ живетъ, что чувствуетъ, во что вѣритъ. Отправимся изъ городовъ въ деревню, въ поля и рощи, и посмотримъ, что дѣлается тамъ. Заглянемъ въ Галилею, гдѣ было самое густое населеніе, въ «языческую» Галилею, гдѣ іудейство жило бокъ-о-бокъ съ греками и римлянами, гдѣ было много городовъ, гдѣ половина населенія были язычники, половина — іудеи. Въ городахъ мы найдемъ тамъ множество іудейскихъ купцовъ, въ деревняхъ — іудейскихъ крестьянъ. И тѣмъ, и другимъ жилось тяжко. Купцамъ приходилось жить среди двухъ огней: съ одной стороны, имъ трудно было соединять свою выгоду съ требованіями закона: законъ запрещалъ продавать язычникамъ и покупать у нихъ множество предметовъ первой необходимости, и іудейскимъ куп-

цамъ Галилеи приходилось дѣлать одно изъ двухъ: либо нарушать законъ, либо продавать свои продукты только въ Іудею, въ Іерусалимъ. Конечно, послѣднее было очень невыгодно, и купцы часто нарушали законъ; за это фарисеи и ихъ награждали именемъ «народа земли». Купцы находили, что многія ухищренія книжниковъ составлены прямо ради того, чтобы заставить галилейскихъ купцовъ продавать свои товары только іудеямъ и по дешевой цѣнѣ: іудеевъ было вѣдь не такъ много, а когда покупателей мало, а товару много, цѣна на товаръ всегда стоитъ низкая. Поэтому среди купцовъ было большое недовольство противъ іерусалимскихъ книжниковъ и противъ жрецовъ, которымъ приходилось платить за каждый грѣхъ штрафъ и жертву. Другой врагъ у нихъ были тѣ самые язычники, рядомъ съ которыми они жили. Язычники недолюбливали іудеевъ за ихъ нетерпимость и обособленность; и сама по себѣ обособленность іудеевъ была для язычниковъ непріятна и несимпатична, но она, кромѣ того, приносила имъ большія невыгоды. Іудей не могъ продавать многихъ предметовъ язычникамъ, но не могъ и покупать у нихъ много предметовъ; языческимъ купцамъ это было непріятно и невыгодно. А затѣмъ язычники съ завистью смотрѣли на широкія торговыя связи іудеевъ: купцы-іудеи разсѣянія, жившіе въ самыхъ крупныхъ тогдашнихъ торговыхъ центрахъ, всегда переписывались и пересылались послами съ палестинскими іудеями, сообщали имъ политическія новости, цѣны на товары, присылали по дешевой цѣнѣ большія партіи ходкихъ товаровъ. Благодаря этимъ связямъ, іудейскіе купцы богатѣли и развивали свои торговыя дѣла быстрѣе, чѣмъ ихъ сосѣди-язычники. И во всѣхъ городахъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, была жесто-

кая вражда между купцами-язычниками и купцами-іудеями. Римляне покровительствовали, конечно, язычникамъ и издали законъ, по которому во всякомъ городѣ, гдѣ жили не одни іудеи, городской совѣтъ долженъ былъ составляться только изъ язычниковъ, и какъ іудеи ни добивались доступа въ эти городскіе совѣты, ихъ туда все-таки не допускали. Поэтому среди іудейскихъ купцовъ было очень сильное раздраженіе также противъ римлянъ, а римскіе прокураторы еще больше подогрѣвали это раздраженіе своими незаконными поборами и вымогательствами. Сборъ римской дани походилъ тогда больше на грабежъ, чѣмъ на обыкновенное взысканіе податей; страдали, конечно, больше всего тѣ, съ кого было что взять, т.-е. опять-таки зажиточные и богатые купцы. Галилеяне съ завистью смотрѣли на іерусалимскую знать, освобожденную отъ всякой дани, а книжники самодовольно говорили, что такъ и надо: «кто принимаетъ на себя иго Торы, съ того снимаютъ иго правительства и мірскихъ заботъ, а кто свергаетъ съ себя иго Торы, на того налагаютъ иго правительства и иго мірскихъ заботъ». Галилейскимъ купцамъ оставалось одно утѣшеніе: мечтать, что придетъ скоро то время, когда явится Мессія, который свергнетъ иго ненавистныхъ римлянъ, прекратитъ дѣйствіе закона и подчинитъ Израилю всѣ народы земные; тогда кончится власть кичливыхъ язычниковъ, прекратятся ихъ насмѣшки, и одни іудеи будутъ властелинами міра. И когда проходилъ слухъ, что явился «царь іудейскій», галилеяне радовались и ликовали и готовы были оказать ему всяческую поддержку.

Еще хуже жилось ремесленникамъ и крестьянамъ. Ремесленники жили работою своихъ рукъ, получая ни-

щенскую плату и терпя большіе убытки отъ запрещенія работать на язычниковъ; работодателей изъ іудеевъ въ Галилеѣ было мало, а работниковъ много, и заработная плата была очень низкая. А крестьяне не выходили изъ долговъ и несли иго подневольной работы. И все было бы еще ничего, но разореніе довершали римскія подати, которыя выколачивались безъ всякой жалости. Римскій орелъ впивался, какъ истый хищникъ, въ тѣло бѣдняка и нещадно терзалъ свою добычу. Уйдутъ римскіе мытари, приходятъ жреческіе мытари—давай десятину на храмъ, давай десятую часть всего, что собрали, что есть въ закромахъ, въ точилѣ, въ овинѣ, въ стадѣ. А землевладѣльцу отдай половину урожая, да еще выслушай отъ него нелестное замѣчаніе—«народъ земли—проклятъ онъ!» И ремесленники и крестьяне всѣми силами души ненавидѣли и римлянъ, и жречество; тѣ и другіе, по ихъ мнѣнію, были заодно: въ храмѣ ежедневно приносили жертву за императора, а когда крестьяне начинали волноваться, іерусалимскій синедріонъ сейчасъ же звалъ противъ нихъ римскіе легіоны. Книжники, впрочемъ, не скрывали своей преданности правительству. «Молись о благополучіи правительства», говаривалъ одинъ раввинъ, «ибо если бы не страхъ передъ нимъ, то одинъ другого съѣлъ бы живьемъ».

Нѣкоторые ремесленники и крестьяне пробовали найти выходъ изъ своего положенія, не дожидаясь пришествія Мессіи. Они составили общество ессеевъ, въ которомъ насчитывалось около 4000 человѣкъ членовъ. Ессеи рѣшили, что храмъ и культъ въ храмѣ осквернены недостойными жрецами, и поэтому совершенно отдѣлились отъ остального іудейства: въ храмъ не ходили, податей на храмъ не платили и ничего общаго съ жрецами

и книжниками имѣть не хотѣли. Но законъ они, по мѣрѣ возможности, соблюдали, въ особенности субботній день и всяческія омовенія. Ессеи думали, что жрецы нарушаютъ законъ еще и въ томъ отношеніи, что поддерживаютъ богатыхъ и вліятельныхъ людей. А въ законѣ прямо говорится, что не должно быть нищихъ во Израилѣ, богатые должны дѣлиться съ бѣдными. Ессеи и старались жить такъ, чтобы не было среди нихъ нищеты и бѣдности. Для этого всѣ ессеи какого-нибудь города или селенія поселялись вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, и обязывались не имѣть ничего своего, но все считали общимъ достояніемъ: составляли общую кассу и выбирали попечителя, который долженъ былъ ею завѣдывать. Заниматься ессей могъ чѣмъ хотѣлъ, только не торговлей, этимъ соблазномъ къ наживѣ, и не такими ремеслами, которыя приготовляютъ оружіе, ибо сказано въ законѣ: «не убій», а оружіе есть орудіе убійства. Требованія ессейскаго устава были очень строгія, и поэтому новыхъ членовъ ессеи принимали въ свои общины не сразу. Они требовали отъ новичка трехлѣтняго искуса; если въ теченіе трехъ лѣтъ новичокъ исправно исполнялъ уставъ и всѣ послушанія, налагаемыя попечителемъ, то его принимали въ общество ессеевъ. Ессейскія общины очень похожи на старинные монашескіе ордена: какъ у тѣхъ было все общее и выборный попечитель, такъ и у другихъ; и подобно монахамъ, ессеи давали обѣтъ безбрачія и безпрекословнаго повиновенія попечителю.

Но не всѣ могли такъ терпѣливо ждать или налагать на себя такія тяжелыя цѣпи, какъ ессеи. Многіе надѣялись только на скорое пришествіе Мессіи и хотѣли всячески помогать ему. Такіе люди составили особую партію зелотовъ (ревнителей). Зелоты любили слушать въ

синагогахъ чтенія изъ пророковъ и хорошо запомнили картины будущаго царства, которое принесетъ съ собою Мессія. Это будетъ царь изъ рода Давидова. Уничтожитъ онъ власть обманщиковъ, безбожниковъ и порочныхъ людей, увѣряющихъ, что они праведны, но поѣдающихъ добро бѣдняковъ, любостяжательныхъ, любящихъ пировать и бражничать, но не позволяющихъ даже и прикоснуться къ нимъ, говорящихъ: ты осквернишь насъ своимъ прикосновеніемъ. Раздробитъ онъ желѣзнымъ жезломъ горделивыхъ римлянъ, и такая безпощадная будетъ гибель всѣхъ враговъ избраннаго народа, что кровь потечетъ вокругъ Іерусалима, и волны ея будутъ доходить до уздъ конскихъ. Будетъ дрожать тогда небо и земля, выйдетъ изъ моря древній змій, страшный драконъ, источникъ всякаго зла, но Мессія убьетъ его; совершитъ потомъ онъ судъ надъ всѣми народами и поставитъ Израиля надъ всѣмъ міромъ. Явятся опять тогда райскія деревья, и будетъ чудесное благополучіе, не будетъ ни зла, ни голода, ни болѣзней. И зелоты всячески старались приблизить это время, соблюдая строго законъ и поддерживая всякое возстаніе, поднимавшееся во имя Мессіи.

XVII.

Конецъ Сіона.

Въ сѣверной части Галилеи была пустынная и болотистая мѣстность вокругъ Меромскаго озера. Непріятно и дико здѣсь было, но въ первыя десятилѣтія перваго вѣка нашей эры по временамъ бывало здѣсь необыкно-

венное оживленіе. Сюда постоянно убѣгали тѣ, кто не выносилъ тяжкой неволи; со временъ недоброй памяти Ирода Великаго появляются тамъ бѣглецы, отчаянныя головы, готовыя на разбой и на революцію. Больше всего было здѣсь бѣглыхъ крестьянъ; немало было и зелотовъ. Они вели тутъ жизнь, похожую на жизнь нашихъ старинныхъ украинскихъ и донскихъ казаковъ: жили грабежомъ и разбоемъ, и когда отряды ихъ появлялись въ Галилеѣ и Іудеѣ и грабили дома римлянъ и богатыхъ іудеевъ, къ нимъ сейчасъ же со всѣхъ сторонъ приходили союзники изъ тѣхъ же трудящихся и обремененныхъ. Противъ нихъ римляне высылали отряды войска, но они не всегда могли справиться съ этими разбойниками, и не всегда захватывали ихъ вождей.

Вожди этихъ возстаній называли себя обыкновенно царями іудейскими, т.-е. выдавали себя за ожидаемаго Мессію. Первымъ царемъ іудейскимъ былъ во времена Ирода Іуда Гавлонитянинъ. Два раза поднималъ возстаніе Іуда, и оба раза кличъ былъ одинъ: довольно переносить рабство и римское иго, пора завоевать свободу и поправить свои дѣла раздѣломъ имущества богатыхъ. Особенно раздражила тогда народъ перепись римскаго намѣстника Квиринія, которую онъ произвелъ съ цѣлью выяснить количество населенія и земли для раскладки поголовной и подушной подати. Иродъ съ большимъ трудомъ одолѣлъ тогда возстаніе Іуды при помощи римскихъ войскъ. И поймать его самого было очень трудно, потому что вездѣ онъ находилъ себѣ пріютъ. Когда его искали у Меромскаго озера, онъ скрывался въ Галилею и прятался у галилейскихъ зелотовъ или у галилейскихъ купцовъ. За Іудой стали являться другіе цари іудейскіе; большая часть ихъ кончала

плохо — казнью на крестѣ. Но разбои все усиливались и усиливались. Прокураторъ Феликсъ, управлявшій Іудеей вскорѣ послѣ Іисуса, писалъ въ Римъ, что всѣ дороги въ Палестинѣ кишатъ разбойниками. Разбойники грабили и жгли дома «первыхъ людей», а наиболѣе ненавистныхъ убивали. Съ небольшимъ кинжаломъ, сикой, который удобно можно было спрятать подъ платьемъ, подкрадывался разбойникъ къ своей жертвѣ, неожиданно нападалъ на нее и затѣмъ безслѣдно скрывался. Этихъ «сикаріевъ» боялись больше, чѣмъ простыхъ разбойниковъ; всюду они проникали, даже въ храмъ, гдѣ былъ убитъ первосвященникъ Іонаѳанъ.

Внутри городовъ тоже кипѣла борьба. Взаимная вражда іудеевъ и язычниковъ въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ дошла до крайняго напряженія, и въ Цезареѣ, на глазахъ у жившаго тамъ римскаго прокуратора, началась на улицахъ настоящая междоусобная война. Іудеи хотѣли сидѣть въ городскомъ совѣтѣ и стали силою добиваться этого права; ихъ было больше, они были богаче. И когда начались на улицахъ кровопролитныя схватки, перевѣсъ сразу оказался на сторонѣ іудеевъ. Тогда сейчасъ же прокураторъ Феликсъ выслалъ на помощь грекамъ римскихъ солдатъ. Начался настоящій іудейскій погромъ. Солдаты убивали всѣхъ попадавшихся навстрѣчу іудеевъ, истязали захваченныхъ въ плѣнъ, а городская чернь набросилась на дома богатѣйшихъ іудеевъ, разграбила и разгромила ихъ. Когда вѣсть о погромѣ въ Цезареѣ дошла до другихъ городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ, тамъ также начались кровопролитныя схватки. Іудеи діаспоры послѣ вѣстей объ этихъ событіяхъ провели немало тревожныхъ ночей въ ожиданіи погромовъ.

Феликса смѣнилъ Альбинъ, который прямо не зналъ, что дѣлать. Онъ сидѣлъ точно на пороховомъ ящикѣ, готовомъ каждую минуту взорваться. Войска было у него мало, онъ не зналъ, какъ быть. Первосвященникъ, почетный царь іудейскій, Агриппа II, и два другихъ принца изъ фамиліи Ирода рѣшили тогда организовать въ Іерусалимѣ самооборону. Они составили свои вооруженные отряды, хватавшіе безъ разбору всѣхъ, кто только казался подозрительнымъ или сочувствующимъ зелотамъ. Положеніе казалось первосвященнику и синедріону такимъ опаснымъ, что всѣхъ захваченныхъ присуждали къ смертной казни и казнили, не дожидаясь, пока прокураторъ утвердитъ смертный приговоръ, какъ то слѣдовало по закону. Жизнь и имущество стали небезопасны; никто не могъ поручиться за завтрашній день; поля оставались незасѣянными, все вздорожало.

Для зелотовъ казалось яснымъ, что приближается судный день Мессіи. Чѣмъ хуже, тѣмъ скорѣе придетъ избавленіе,—говорили они, а ихъ пророки доказывали, что передъ пришествіемъ Мессіи нужда дойдетъ до крайности, изъ дерева будетъ сочиться кровь, камни заговорятъ, сладкая вода будетъ имѣть вкусъ соленой, солнце будетъ показываться ночью, а луна—днемъ. И многіе книжники, изучившіе законъ и пророковъ, соглашались, что, дѣйствительно, это вѣрно: все, что происходитъ у нихъ на глазахъ, все это, дѣйствительно, признаки пришествія Мессіи. «Передъ пришествіемъ Мессіи дерзость увеличится, и дастъ себя знать дороговизна; лоза будетъ давать плодъ свой, а вино вздорожаетъ, дома собраній будутъ служить для блуда, мудрость книжниковъ испортится, богобоязненные будутъ въ презрѣніи, истина будетъ въ презрѣніи, юноши заста-

Стѣна плача. Современный видъ.

вятъ блѣднѣть стариковъ, старики будутъ вставать передъ молодыми; Галилея будетъ опустошена, жители ея будутъ ходить изъ города въ городъ, и никто не сжалится... На кого тогда опереться? На отца нашего, что въ небесахъ».

Приближался роковой 66-ой годъ послѣ Рождества Христова. Совершался въ Іерусалимѣ праздникъ Кущей; и вдругъ среди собравшихся на дворѣ храма появился одинъ крестьянинъ, Іисусъ, сынъ Ананіи, и, подобно Амосу, нарушившему нѣкогда праздничное веселье такого же праздника въ Бетъ-Элѣ, сталъ кричать: «голосъ съ востока, голосъ съ запада, голосъ со стороны четырехъ вѣтровъ, голосъ на Іерусалимъ и на храмъ, на жениховъ и невѣстъ, и на весь народъ!» Въ ужасѣ всѣ сторонились отъ него; жрецы сейчасъ же схватили его и отправили къ прокуратору Альбину, но Альбинъ счелъ его сумасшедшимъ и отпустилъ на свободу. И всѣ четыре года, которые прошли отъ этого выступленія до начала осады, ходилъ онъ по городу Іерусалиму и плакалъ, а во время праздниковъ опять пророчилъ то же самое. Какъ будто предчувствовалъ онъ, что дѣйствительно скоро отъ великолѣпнаго храма, въ которомъ онъ испускалъ свои дикія причитанія, останется только «стѣна плача», жалкій остатокъ западной стѣны, куда будутъ приходить плакать дочери и сыны Іуды въ печальную годовщину гибели Іерусалима. Когда началась во время возстанія осада Іерусалима, Іисусъ былъ убитъ и умеръ съ тѣми же словами: «горе городу, народу и храму!»

И вотъ пришелъ 66-ой годъ. Разсказы одинъ другого чудеснѣе ходили въ народѣ. Видѣли необыкновенную хвостатую звѣзду, въ храмѣ раздавались какіе-[redacted]

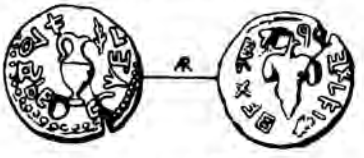
ственные голоса, изъ камней показывалась кровь. Стали испытывать писанія, и нашли, что именно въ этомъ году явится царь, который покоритъ подъ ноги Израиля всю вселенную. И тутъ римскій прокураторъ, Гестій Флоръ, позволилъ себѣ такое дѣло, которое подняло сразу на ноги всю Галилею и Іудею. Разоривъ своими вымогательствами цезарейскихъ іудеевъ, онъ потребовалъ именемъ императора 17 талантовъ изъ казны іерусалимскаго храма. Первосвященникъ сейчасъ же выдалъ эту сумму; но іерусалимскіе зелоты стали въ возмущеніи осмѣивать Флора и открыли публичный сборъ пожертвованій въ пользу «нищаго Флора». Флоръ разсвирѣпѣлъ и отправился съ войскомъ въ Іерусалимъ; жрецы и старѣйшины хотѣли умилостивить его торжественной встрѣчей, но Флоръ отказался отъ всякихъ почестей и потребовалъ выдачи тѣхъ, кто надъ нимъ глумился. Но какъ ни отыскивалъ синедріонъ виновниковъ, точно указать не могъ. Тогда Флоръ устроилъ въ городѣ настоящій погромъ; перебито было до 3.600 человѣкъ. А когда на другой день пришли еще два отряда римскаго войска и, въ свою очередь, принялись за кровавую потѣху, Іерусалимъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, а слѣдомъ за нимъ поднялась провинція. Флоръ принужденъ былъ уѣхать, чтобы собрать войска, такъ какъ наличныхъ силъ ему не хватило бы для подавленія возстанія во всей Іудеѣ и Галилеѣ.

Пока римляне собирались съ силами, въ Іерусалимѣ началась борьба между мирной партіей, состоявшей изъ фарисеевъ и саддукеевъ, и партіей возстанія, зелотами. Зелоты заставили было прекратить жертву за императора и уплату римскихъ податей. Но партія мира не хотѣла [illegible] Жрецы и старѣйшины держались только храмомъ,

и чувствовали, что храмъ будетъ разрушенъ, и ихъ власть прекратится вмѣстѣ съ разрушеніемъ храма, если не выразить теперь же покорность римлянамъ. И вотъ Агриппа собралъ народное собраніе, гдѣ произнесъ длинную рѣчь. Онъ доказывалъ, что невозможно одолѣть римлянъ, ибо самъ господь на ихъ сторонѣ; развѣ могли бы римляне безъ божественной помощи создать такую имперію? А жрецы со слезами на глазахъ умоляли не губить храмъ и священный строй, на установленіе котораго было потрачено столько крови, средствъ и слезъ. Но вожди возстанія отвѣчали, что съ Израилемъ его богъ и грядущій Мессія, и отказались отъ мира. Тутъ кстати пришла вѣсть о новомъ погромѣ въ Цезареѣ, гдѣ греки вырѣзали поголовно все іудейское населеніе. Агриппа махнулъ на все рукой и рѣшилъ убираться по добру, по здорову. А жрецы и старѣйшины собрали свои отряды и вмѣстѣ съ римскимъ отрядомъ укрѣпились въ замкѣ Ирода, на сѣверо-западномъ холмѣ Іерусалима; храмъ остался въ рукахъ Елеазара, вождя зелотовъ, который сталъ распоряжаться въ Іерусалимѣ, какъ полновластный диктаторъ. Зелоты кликнули кличъ, и къ нимъ со всѣхъ сторонъ потянулись новые отряды. Соединенными силами напали они на замокъ Ирода; подвели подъ главную башню подкопъ и свалили ее. Взятіе замка Ирода сопровождалось погромомъ и избіеніемъ приверженцевъ первосвященника. Іерусалимъ оказался во власти зелотовъ; народъ свергнулъ иго рабства и римлянъ. Ждали теперь только обѣщаннаго Мессію, чтобы укрѣпить завоеваніе и основать всемірное іудейское царство. А въ ожиданіи этого народъ послушно шелъ за своими вождями, Елеазаромъ въ Іерусалимѣ, Симономъ изъ Гіоры въ Іудеѣ и за знаменитымъ Іоанномъ изъ Гис[redacted]

въ Галилеѣ. Этотъ Іоаннъ былъ энергичнѣе и талантливѣе всѣхъ остальныхъ народныхъ вождей; онъ мечталъ, что будетъ царемъ іудейскимъ, если удастся возстаніе.

Но римскій орелъ только на-время сложилъ крылья. Недаромъ книжники сравнивали его со страшнымъ звѣремъ, совмѣщающимъ въ себѣ всѣхъ чудовищныхъ звѣрей, которыхъ видѣлъ Даніилъ: подобенъ онъ барсу, ноги, какъ у медвѣдя, пасть, какъ у льва, и далъ ему драконъ зла силу свою и царство свое и великую власть. Чудовищны были прежнія царства, угнетавшія Израиля; но Римъ былъ чудовищнѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ. И недолго продолжалось торжество побѣдителей въ Іерусалимѣ. Въ Галилею явился Титъ Флавій Веспасіанъ, лучшій римскій полководецъ, будущій кесарь. Съ величайшимъ трудомъ, но постепенно онъ бралъ одно за другимъ укрѣпленія галилейскихъ повстанцевъ: взялъ голодомъ Іотапату, перебивъ въ ней болѣе 11.000 человѣкъ, занялъ Тиверіаду, гдѣ 12.000 стариковъ было перебито, 6.000 отборныхъ мужчинъ отправили въ Грецію рыть каналъ черезъ Истмъ, а остальныхъ 30.000 продали въ рабство; взялъ, наконецъ, Гисхалу. Одинъ изъ вождей возстанія въ Галилеѣ, Іосифъ, будущій историкъ этой войны, перешелъ на сторону побѣдителя и даже предсказалъ Титу, что онъ будетъ императоромъ. А Іоаннъ съ остаткомъ своей дружины бѣжалъ въ Іерусалимъ и былъ тамъ выбранъ начальникомъ обороны.



Мѣдная монета Елеазара.

Іерусалимскими зелотами овладѣло отчаяніе. Они чувствовали, что ихъ спасти можетъ только чудо. Въ

отчаяніи они рѣшились на самыя крайнія мѣры. Было рѣшено истребить послѣдніе остатки знатныхъ іерусалимскихъ фамилій; ихъ перебили, дома ихъ сожгли, имущество разграбили. Первосвященникомъ выбрали по жребію простого крестьянина Фанни, который совсѣмъ не зналъ ритуала и совершалъ службы кое-какъ. Тогда уцѣлѣвшіе члены знатныхъ и богатыхъ фамилій, всѣ, кто только могъ, бѣжали къ Титу. Іоаннъ объявилъ себя послѣ этого Мессіей; но Симонъ и Елеазаръ не хотѣли признать его и соперничали съ нимъ и другъ съ другомъ. И пока Веспасіанъ медленно приближался къ Іерусалиму, занимая одинъ за другимъ іудейскіе города, въ Іерусалимѣ шла кровопролитная борьба трехъ партій. Это было ужасное время. Вмѣсто того, чтобы готовиться къ послѣдней борьбѣ, Іоаннъ, Симонъ и Елеазаръ боролись другъ съ другомъ, и въ этой борьбѣ гибли тысячи человѣческихъ жизней, и падали одно за другимъ укрѣпленія города.

И вотъ 14 Нисана (апрѣля) 70 года римскій орелъ появился подъ стѣнами Іерусалима; настали послѣдніе дни Сіона. «Сдайтесь»,—послалъ Титъ сказать осажденнымъ. Тѣ отвѣтили: «побѣда или смерть». И начались всѣ ужасы осады. Несмотря на то, что часть укрѣпленій Іерусалима была разрушена во время междоусобій, укрѣпленія города, благодаря его природному расположенію были еще настолько сильны, что штурмъ не удался. Тогда Веспасіанъ началъ правильную осаду. Святой городъ былъ окруженъ осадными валами, никто не могъ выходить и входить въ него, а враги устраивали время отъ времени военные смотры, напоказъ осажденнымъ. Голодъ и болѣзни начались въ Іерусалимѣ; дѣло доходило до того, что матери ѣли собственныхъ дѣтей. Истощивъ іерусалимлянъ осадой, Титъ приступилъ въ іюлѣ къ штурму, направленному на храмъ. Надежды больше уже не

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

и Іоаннъ въ отчаяніи, не желая оскверненія храма римлянами, поджегъ его; но успѣли сгорѣть только портики, самый же храмъ 5-го августа оказался въ рукахъ римлянъ. Тамъ заперлись послѣдніе защитники храма, и когда солдаты ворвались туда, одинъ изъ нихъ бросилъ горящій факелъ. Титъ поспѣшилъ спасти золотую утварь

Утварь храма на тріумфѣ Тита (съ тріумф. арки Тита).

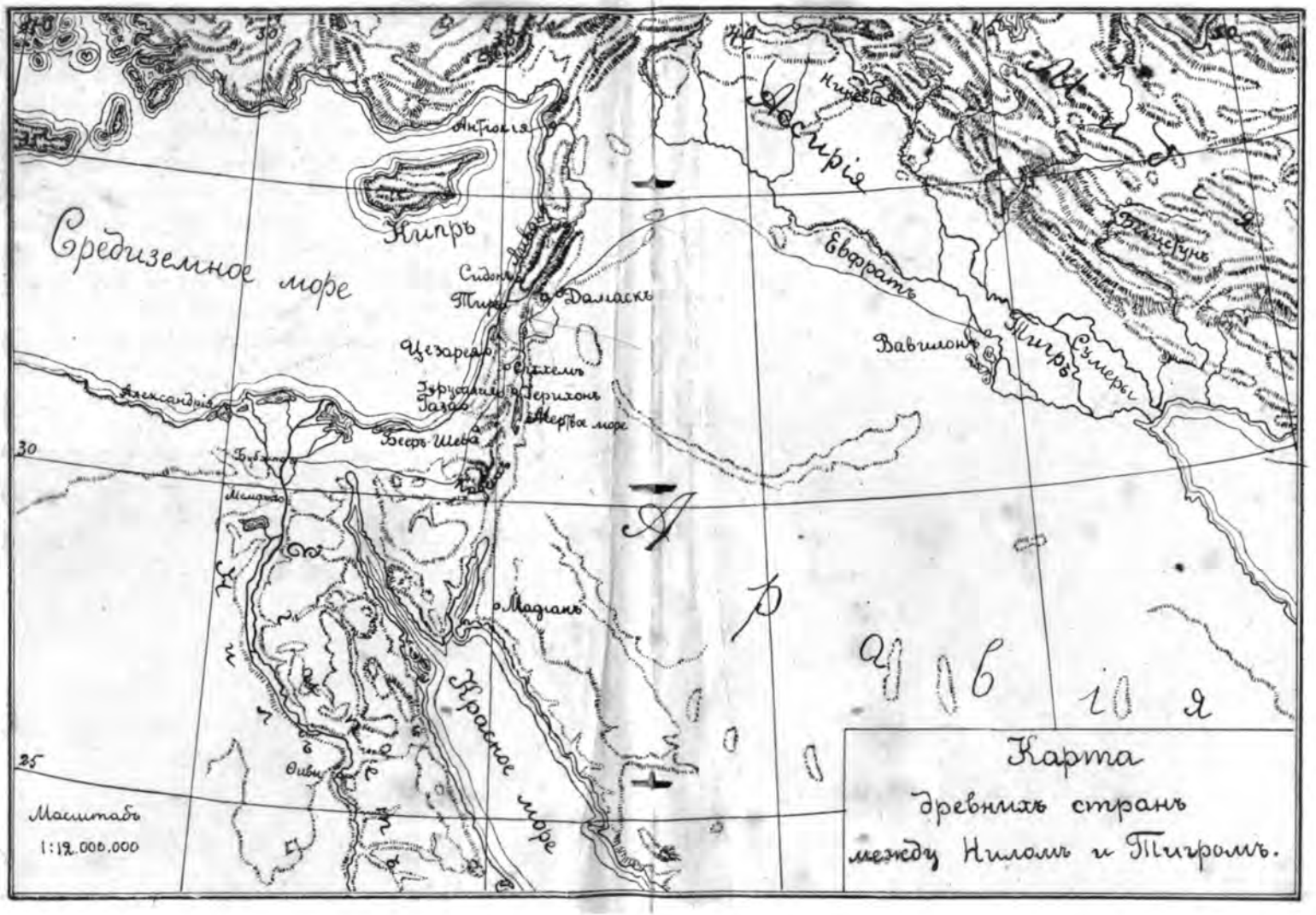
храма, которую потомъ несли въ качествѣ трофея вслѣдъ за его колесницей во время его тріумфальнаго въѣзда въ Римъ, и предоставилъ храму горѣть. Дымъ и огонь поднимались къ небу, вмѣстѣ съ ними неслись къ небу дикіе вопли отчаявшихся іудеевъ... Всѣ надежды рухнули, чудовище торжествуетъ, и Мессія не пришелъ. Напрасно трудились, напрасно готовили себя—для огня!.. Но оставшіеся защитники все еще не сдавались; они перешли въ замокъ Ирода и продолжали биться съ мужествомъ отчаянія. Только черезъ мѣсяцъ Титъ занялъ

остальную часть города, обливая каждую пядь земли потоками крови. Теперь все было кончено. Іоаннъ и Симонъ сдались на милость побѣдителя. Іерусалимъ лежалъ въ дымящихся развалинахъ, и надъ его улицами, покрытыми трупами, съ крикомъ носились хищныя птицы. Плакали сыны Іуды, слушая скорбную вѣсть; все какъ будто кончилось для нихъ на землѣ...

Тьмою міръ окутанъ,
Не видятъ люди свѣта...
Опустошенъ нашъ храмъ,
Нашъ жертвенникъ разрушенъ,
Во прахѣ наша арфа,
Умолкли звуки гимновъ...
Увяла юность міра,
Приблизилася дряхлость!..

Сыны Іуды пошли въ изгнаніе,—тяжкое изгнаніе, передъ которымъ плѣнъ вавилонскій казался временемъ радости, и казни египетскія—ничѣмъ. Разсѣявшись по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ, оторванные отъ родной почвы, они чрезъ мракъ и пытки средневѣковья и горе и бури новаго времени покорно несли свое иго, храня завѣты закона и пророковъ и поучаясь мудростью своихъ писаній. Остатокъ, уцѣлѣвшій отъ великаго разгрома 70-го года, былъ избраннымъ остаткомъ. Жрецы погибли, зелоты пошли на крестъ и въ рабство, фарисеямъ не передъ кѣмъ было возвышаться и кичиться своею праведностью. Остались книжники, люди закона, и іудеи разсѣянія, люди торговаго капитала. И тѣ и другіе, искренно вѣрили въ то, что окончательная судьба Израиля еще не свершилась. За страшные грѣхи нечестивцевъ, опустошившихъ тронъ Давидовъ и храмъ господа, постигла Іуду столь же страшная кара; но самое разсѣяніе іудеевъ показываетъ, что все-таки они—избранный народъ, который въ концѣ концовъ получитъ свое наслѣдіе. Ибо и въ разсѣяніи они сильны, и въ разсѣяніи они благочестивы, и, несмотря ни на какія преслѣдованія, продолжаютъ жить, множиться и преуспѣвать.

Пусть это мечта, которая никогда не сбудется, пусть іудейскій Мессія никогда не придетъ, пусть іудейскій народъ навѣки останется въ разсѣяніи. Но мы не можемъ отказать Израилю въ признаніи за нимъ того, на что онъ имѣетъ неоспоримое право: это былъ геніальный народъ, создавшій оригинальную культуру, а его страданія были такъ велики, какъ не были велики страданія Іова, и этими страданіями онъ купилъ себѣ право на лучшую участь, чѣмъ та, какую онъ имѣетъ теперь. И благо будетъ, когда не со скорбью о быломъ, но съ радостнымъ сознаніемъ совершившагося іудей будетъ читать незабвенныя слова: «утѣшайте, утѣшайте народъ мой, — говоритъ богъ вашъ, — ибо исполнилось время страданій его!..»


Средиземное море
Кипръ
Антіохія
Сидонъ
Тиръ
Даласкъ
Цезарея
Іерусалимъ
Іерихонъ
Газа
Мертвое море
Беерь-Шева
Александрія
Бубастисъ
Мемфисъ
Мадіанъ
Оивы
Красное море
Ассирія
Ниневія
Евфратъ
Тигръ
Вавилонъ
Сумеры
Тигръ
Масштабъ
1:12.000.000
Карта
древнихъ странъ
между Ниломъ и Тигромъ.